

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Иркутский государственный университет

На правах рукописи

Садовникова Ольга Николаевна

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА ОБ ИННОВАЦИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Серебренникова Е.Ф.

Иркутск

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ДИСКУРСА ОБ ИННОВАЦИЯХ.....	14
1.1. Динамический подход к дискурсивизации в интерпретативно- оценочной перспективе анализа.....	14
1.2. Базовый принцип и ведущий параметр моделирования стратегии аксиологического характера.....	19
1.3. Соотношение понятий концепта и ценности в динамическом подходе к анализу знака в коммуникации.....	33
1.4. Этносемиотрия знака «инновация» в русской и китайской лингвокультурах.....	40
1.5. Моделирование параметров реализации аксиологической стратегии в дискурсе об инновациях.....	60
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	69
2. РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ДИСКУРСА ОБ ИННОВАЦИЯХ В МОДУСНОЙ МОДЕЛИ АНАЛИЗА.....	72
2.1. Аксиологическая стратегия критического плана.....	72
2.2. Оптимизирующая аксиологическая стратегия.....	91
2.3. Футурологическая аксиологическая стратегия.....	114
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	146
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ.....	161
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	164

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению конструктивного потенциала реализации медийного дискурса, предмет которого, инновация, относится к ценностно-целевой сфере концептуализации.

В проблематике динамического подхода к анализу дискурса выделяется проблема конструирования смысла как процесса смыслопорождения в социальном контексте коммуникации [Степанов, 1998; Серебренникова, 2012; Чернявская, 2021]. При этом обосновывается концепция совмещения концептуализации и оценивания в антропоцентрическом пространстве реализации данных процессов [Болдырев, 2002; Серебренникова, 2013а; Тванба, 2013]. Концепт как способ осмысления в означивании [Фреге, 1997] и смысл высказывания несёт в себе не только некоторую структуру понятийного знания, но и мнение и оценку [Павиленис, 1983], проецируемую способом – модусом видения ситуации. Внимание к проблематике оценочной концептуализации в дискурсе возрастает как в связи с усилением воздействующего потенциала знака в современном обществе, так и с конструктивным потенциалом дискурса как источника и способа получения выводного концептуально-оценочного знания о мире и его значимых явлениях, фактах, событиях. Возрастает в этой связи интерес к структурированию дискурсов с точки зрения стратегий обоснования и продвижения значимых смыслов в аргументации, в динамике траектории дискурсивизации [Плотникова, Серебренникова, 2013] в коммуникативном пространстве.

В дискурсе, образующем дискурсивное пространство в коммуникативном пространстве, конструируется иной, альтернативный мир [Степанов, 1995], иное, актуально новое видение «дискурсного топика» [Демьянков, 2003], трансформирующее представление о нём. В связи с этим изучаются вопросы, касающиеся не только определения общих закономерностей, категорий семиотики дискурса. Разрабатывается

проблематика конструктивного потенциала дискурсов в диалогических коммуникативных процессах как семиотических социальных практиках [Бахтин, 1997] в их влиянии на коллективное сознание, с точки зрения конструирования социальной реальности [Бергер, Лукман, 1995] в экспрессивной, репрезентативной, апеллятивной функциях [Бюлер, 2000, с. 36-39], в частности, путём формулирования социальных ценностных смыслов и их продвижения в вариативных видах аксиологом [Казыдуб, 2009], идеологом [Бахтин, 1975], мифологом [Шейгал, 2005]; экспликации центров социальной напряженности, выявлении точек роста, проблемных или целевых аспектов социальной жизни. Продвижение данного рода смыслов происходит в аксиологически параметризованном медийном пространстве, отражающем в дискурсивных позициях «драматургию» [Гофман, 2000] интересов, предпочтений, мировоззренческих ориентиров различных социальных групп и институтов в своеобразии их ментальности и идеологичности как совокупности идей о прошлом, настоящем и будущем в фундаментальном для человека отношении «Я-Мир-Другие» [Серебренникова, 2021]. В этой связи наблюдается, наряду с усилением воздействующего потенциала дискурса, и его аксиологизация [Якоба, 2019]. В анализе дискурса феномен совмещенности процессов концептуализации, категоризации и оценивания выявляется при аксиологической параметризации, прежде всего, медийного дискурса [Серебренникова, 2013а], обладающего в настоящее время особым влиянием на коллективное сознание. Исследования показывают, что конструктивный потенциал дискурса усиливается в критически ориентированном дискурсе [Тванба, 2013], в экспертном дискурсе [Крапивкина, 2014], отличающихся концептуально-оценочным характером.

Наращение выводного знания, стоящего за знаком, в виде оценочной концептуализации в аксиологически параметризованном коммуникативном пространстве, происходит посредством аргументации/контраргументации наиболее значимого смысла в дискурсивной формации, которое имеет характер валоризации. Стратегия, понимаемая в общем смысле как сквозная

целевая линия аргументации, также может быть определена в данной оценочно-концептуальной трактовке процессов валоризации наиболее значимого и получить аксиологическую трактовку, более расширенную, нежели квалификация «аксиологическая стратегия» только в случае использования оценочных ресурсов языка в принятии решения говорящим [Вольф, 2002; Баранов, 1989].

В изучении аксиологических стратегий дискурса как источника выводного знания в процессах оценочной концептуализации особый интерес представляют дискурсы, имеющие предметом некоторое ключевое для данного времени понятие, которое порождает прагматическую ситуацию [Арутюнова, 1981] интенсивного оценочного осмысления. В современном медийном коммуникативном пространстве в ряду таких концептов выделяется концепт *инновация*, именуемый лексемой «инновация» в русском языке, «新 в китайском языке, «*innovation*» в английском языке, структура которого отражает понимание – оценочную концептуализацию – модернизационных процессов в различных сферах общества. В фокусе конструирования смыслопорождения в социальном контексте коммуникации возможны два подхода к анализу дискурса предметной сферы инновации – дискурса, организованного вокруг концепта *инновация*. Если рассматривается сам процесс инновационного смыслопорождения, тогда предметом анализа становится «инновационный дискурс». Если рассматривается совокупность текстов, опредмечивающих концепт *инновация*, представленный как самим именем концепта, так и другими средствами его языковой репрезентации, то искомым предметом анализа становится дискурс об инновациях, анализ которого позволяет выявить основные способы осмысления/оценивания концепта *инновация* в некотором периоде эволюции культуры и ответить на вопрос о возможных изменениях в его структуре. Содержательно ответ на данный вопрос может быть получен в ходе модусного подхода к анализу дискурса упомянутой предметной сферы, которая представляет совокупность

дискурсивных позиций об инновации как процессе и средстве особого типа трансформации – «введения в новое» состояние, если исходить из базового критерия внутренней формы слова, опредмечивающего концепт, стоящий за знаком и «парящий» над данным видом дискурса [Степанов, 1997, с. 45].

Применение термина «модус» и модусного анализа в концептуально-оценочном подходе к анализу дискурса является более широким, нежели опора лишь на шкалу оценивания, рассматриваемую в качестве модальной рамки предложения/высказывания [Вольф, 2002], поскольку включает в данный анализ целостную траекторию дискурса как дискурсивной формации – позиции [Фуко, 1996] в коммуникативном пространстве и распространяется на целый ряд опредмечивающих её текстов. Процессы концептуализации и оценивания в антропоцентрическом пространстве реализации данных процессов исходят из опредмечиваемой в текстах/дискурсах установки человека мыслящего/оценивающего, определяющейся его экзистенциальным целевым отношением-позиционированием между миром реального и миром должного, возможного, желаемого [Ильин, 2005], которые и образуют способы – модусы интерпретации (концептуализации и оценивания) проблемно осмысляемого объекта мира.

Обладая символическим потенциалом для современного этапа эволюции общества и являясь высокочастотным в медийном пространстве, знак «инновация» не был предметом специального анализа с точки зрения его актуальной концептуальной структуры, выявление которой целесообразно с точки зрения моделирования стратегий его оценочной концептуализации в современном дискурсе.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена необходимостью дальнейшей разработки лингвоаксиологической теории оценочной концептуализации в дискурсе как источнике выводного знания и, в частности, потребностью в дальнейшем изучении аксиологических стратегий валоризирующего типа дискурса в динамике структурирования оценочно-концептуальной структуры знака «инновация». Под аксиологической

стратегией понимается оптимальный способ конструирования особо значимого смысла, который выводит осмысляемый объект на новый уровень его концептуализации в коммуникативном пространстве.

Объектом исследования является экспертный тип дискурса, организованный вокруг концепта *инновация*, представленный медиа-текстами предметной сферы инноваций, репрезентирующих позицию экспертного сообщества по проблемно поставленной тематике. В данное дискурсивное поле включаются политический, экономический и другие виды экспертного дискурса, в котором ценностный смысл концепта *инновация* конструируется и выводится на новый уровень интерпретации, способствующий наращению его структуры.

Предмет исследования составляют способы реализации аксиологических стратегий экспертного дискурса, организованного вокруг концепта *инновация*, а также те компоненты в структуре концепта, которые проецируются данными способами.

Исследование ставит **цель** раскрыть оценочно-концептуальную природу стратегий валоризирующего типа дискурса на примере дискурса об инновациях и установить способы реализации аксиологических стратегий, обосновывающих и продвигающих актуально значимые смыслы, обогащающие данный концепт в модусном подходе к анализу.

Гипотеза исследования состоит в том, что стратегия дискурсивизации проблемно осмысляемого предмета в валоризирующем дискурсе (*инновация*) имеет модусно-аксиологический характер, обусловленный интенциональным статусом человека оценивающего в его бытии между миром реального и миром должного, желаемого и необходимого и, как следствие, оценочным характером концептуализации: принципом значимости и определением модуса высказывания как ведущего способа реализации данного типа стратегии. Изменения в структуре концепта *инновация* прослеживаются в виде формирования новых узлов оппозитивного и коррелятивного планов.

Принцип «особо значимого» как основа аксиологического сознания [Лотце, 1882] и как принцип аксиологической параметризации дискурса влияет на определение модуса в процессах оценочной концептуализации и проецируется на вид аксиологической стратегии.

При реализации поставленной цели в работе решаются следующие **задачи:**

1) установить подходы к моделированию лингвокогнитивных процессов дискурсивизации в интерпретативно-оценочной перспективе анализа; вывести основания оценочной концептуализации;

2) уточнить значимость дискурса как источника выводного знания/оценки и отграничить понятие «валоризирующего» дискурса;

3) проанализировать подходы к понятию «аксиологическая стратегия» и определить применение данного термина к анализу валоризирующего типа дискурса;

4) раскрыть аксиологические понятия «значимости» и «модуса» в лингвофилософском и дискурсивном планах и показать когнитивный статус механизма значимости в связи с понятием «модуса»;

5) произвести этносемиомерию знака «инновация» в русском языке и его коррелята в китайском языке и выявить аксиологическую параметризованность концепта *инновация*;

6) осуществить моделирование параметров реализации аксиологической стратегии в дискурсе об инновациях в модусном подходе к анализу;

7) произвести анализ аксиологических стратегий в установленных модусах реализации;

8) систематизировать актуальные компоненты структуры концепта *инновации* по данным анализа дискурса об инновациях.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые подход к анализу дискурсивной стратегии осуществляется в русле концепции совмещения концептуализации и оценивания в модусной рамке к их реализации; впервые отграничивается понятие «валоризирующего» типа дискурса; впервые выявляется аксиологическая природа дискурсивной

стратегии в данного типа дискурсе, включающая принцип значимости и модус как способ определения дискурсивной позиции; впервые актуальная структура концепта целевого характера раскрывается на основе изучения реализации аксиологической стратегии дискурса.

Материалом исследования послужили русскоязычные, англоязычные и китайязычные тексты предметной сферы инноваций, репрезентирующие позицию экспертного сообщества по проблемно поставленной в дискуссии тематике, печатные тексты и публицистические работы современных авторов (К. Скиннер, Дж. Уилсон, Д. Бакке, Э. Макафи, Дж. Макгонигал, Н. Бостром, М. Барроуз, О. Рашидов, М. Каку, М. Форд и др.) и тексты, отобранные из интернет-источников: газеты Версия <https://versia.ru>, телеканала РБК <https://www.rbc.ru/>, агентства новостей Синьхуа <http://www.xinhuanet.com/>, агентства новостей «Женьминь жибао» <http://www.people.com.cn/>, агентства по инновациям и развитию <http://www.innoros.ru/>, с сайтов Председателя Правительства Д.А. Медведева <http://da-medvedev.ru>, Правительства России <http://government.ru>, Президента РФ В.В. Путина <http://putin.kremlin.ru> и др. Корпус эмпирического материала составил 120 текстов, отобранных в период с 2004 по 2021 г., общим объемом 3560 страниц.

Выбор **методов лингвистического анализа** обусловлен целью работы и совокупностью поставленных задач. Используется комплексная методика исследования. Наряду с основными методами научного познания: наблюдением, сравнением, классификацией, методология анализа опирается на положения лингвоаксиологического анализа дискурса, основанного на использовании метода интерпретации, инферирования к ценностному измерению языка, методе когнитивного моделирования, методе этносемиометрии ценностных смыслов. Используются элементы количественного анализа на уровне подсчета частотности употребления знака.

Теоретической основой исследования послужили теоретические положения работ в области семиотики [Morris, 1938; Эко, 1998; Лотман, 2000]; когнитивной лингвистики [Демьянков, 1982; Лакофф, 1988, 2004; Кубрякова,

1997; Болдырев, 2016]; теория дискурса [Демьянков, 1982; Арутюнова, 1990; Степанов, 1995; 陈忠华, 2004; Плотникова, 2013; Го Ли, 2019;]; теория концепта и концептуального анализа [Павиленис, 1983; Степанов, 1997; Кубрякова 2004]; теория концептуализации и оценочной категоризации [Болдырев; 2011]; теория ценностей и оценки, лежащие в основе аксиологической лингвистики [Ивин, 1970; Арутюнова, 1988; Вольф, 2002; Карасик, 2012; Викулова, 2014; Серебренникова, 2011, 2015]; теория модальности и модуса [Балли, 1955; Семенова, 2007; Кибрик, 2009]; положения семиотики коммуникации и семиотики медийного дискурса [Якобсон, 1985; Шейгал, 2005; 胡春阳, 2007; Добросклонская, 2008; Чернявская, 2013; Лобанова, 2020]; теория значимости [Лотце, 1882; Кубрякова, 1996; Соссюр, 1999; Серебренникова, 2013]; теория стратегичности дискурса [Иссерс, 1999; Ван Дейк, 2000; Ощепкова, 2003; Димова, 2004; Плотникова, Серебренникова, 2013; Рясина, 2013], теория аксиологических стратегий [Баранов, 1989; Бардина, 2004; Карпухина, 2008; Тогошиева, 2010].

Положения, выносимые на защиту:

1. Валоризирующий тип дискурса организован концептом ценностно-целевого характера, отличающимся неопределенностью в интерпретации и конструктивным потенциалом в продвижении актуальных социальных смыслов.

2. Этносемиотрия знака «инновация» выявляет его характер целевой аксиологемы, образованной оппозитивным узлом «старое – устаревшее состояние – радикально новое состояние». Выступая в качестве предмета оценочной концептуализации мира реальности, знак образует дискурс экспертного сообщества в медиапространстве, способствующий трансформациям в концепте *инновация*, стоящего за знаком.

3. Стратегия реализации дискурса валоризирующего типа имеет модусно-аксиологический характер, организующий траекторию дискурсивизации по принципу значимости в аргументации смысла.

Аксиологические стратегии дискурса об инновациях реализуются в парадигме модусов: модуса критического, оптимизирующего и футурологического планов.

4. Аксиологической стратегии критического плана присуще продвижение интенционального критического значимого смысла в дискурсивизации негативного модуса концептуализации реальности с опорой преимущественно на девалоризацию, негативную прототипическую и гомеостатическую аргументацию и контраргументацию путем конструирования оппозитивных и коррелятивных узлов в концепте *инновация*. Базовый оппозитивный узел представлен соотношением: *«настоящая реальность – необходимая реальность»*.

5. Аксиологической стратегии оптимизирующего плана присуще продвижение смысла в модусе деонтической концептуализации реальности путем конструирования программы необходимых действий по достижению цели с опорой на метафоризацию, аксиологическое программирование, деонтическую модализацию, экспрессивный повтор, эвалюацию, знаки-апеллятивы. Выводными ценностными смыслами дискурсивизации являются коррелятивные узлы констеллятивного характера *стратегического целеполагания и планирования, модернизации, конкуренции, технологизации процесса, мобилизации ресурсов, реформирования, цифровизации, открытости, самосовершенствования, развития*.

6. Аксиологической стратегии футурологического плана присуще продвижение интенционального смысла, направленного на проецирование сценария ближайшего или отдаленного будущего с опорой на сравнение, метафоризацию, нарратив, путём конструирования оппозитивного человекоцентрического узла эквиполентного характера *«жизнь в прошлом – жизнь в будущем»* и ряда коррелятивных узлов, раскрывающих мир *«жизни в будущем»*, к которым относятся: *«умный мир», цифровизация, автоматизация, роботизация, комфорт, доступность, безграничные возможности*.

Степень достоверности результатов обеспечивается опорой на фундаментальные труды отечественных и зарубежных лингвистов,

использованием комплексной методики анализа, обширным корпусом проанализированных примеров.

Теоретическая значимость исследования определяется разработкой модели анализа валоризирующего типа дискурса с точки зрения модусного способа реализации аксиологической стратегии и заключается в установлении статуса и характеристик аксиологических стратегий в современном дискурсе об инновациях, а также базового принципа их моделирования; в установлении параметров реализации аксиологических стратегий в данного типа дискурсе. Выявляется конструктивный потенциал дискурса об инновациях в современном медийном дискурсе.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что объясняется динамика процессов оценочной концептуализации проблемно осмысляемого целевого концепта в медийном экспертном дискурсе, что может быть использовано при анализе других типов дискурсов. Результаты исследования могут быть использованы при разработке курсов по общему языкознанию, истории и методологии лингвистики, по семиотике коммуникации, теории дискурса и текста; в организации специальных курсов по медиалогии, аксиологической лингвистике, а также при написании курсовых и дипломных проектов.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались в 2016-2021 гг. на заседаниях кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета. По теме диссертации были сделаны доклады на конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» (1-4 марта 2016 г. Иркутск), Всероссийской научно-практической конференции «Аспирантские чтения» (Иркутск, май 2016), международном научно-методическом семинаре «Русский язык как иностранный: лингводидактический аспект» (28 марта, 2017 г. Иркутск ИРННТУ), международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур» (26-27 мая 2017 г. Иркутск; 9 декабря 2020), ежегодных конференциях, проводимых в рамках Недели

науки (Иркутск, ИГУ, 2017, 2021). Основные положения диссертации отражены в 12 публикациях общим объемом 6,9 п.л., из которых 3 статьи (2,3 п.л.) – в периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ по специальности 10.02.19.

Структура работы определяется ее целью и задачами и отражает основные этапы исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 133 наименования, в том числе 16 на иностранных языках, 25 лексикографических источников на русском и китайском языках, списка источников примеров. Перевод примеров с китайского языка, представленный в работе, – авторский. Результаты анализа аутентичного материала представлены в 15 схемах. Общий объем работы составляет 170 страниц печатного текста.

Во *введении* определяется общее направление исследования, его цель, задачи, объект, методы исследования, обосновывается актуальность, указывается научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Теоретические основания изучения аксиологических стратегий дискурса об инновациях» рассматриваются подходы и принципы моделирования стратегии аксиологического характера, устанавливаются параметры реализации аксиологической стратегии в дискурсе об инновациях, отграничивается понятие «дискурс об инновациях».

Во *второй главе* «Реализация аксиологических стратегий дискурса об инновациях» выводятся типы и способы реализации аксиологических стратегий в исследуемом типе дискурса, а также соответствующие им дестинации.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного исследования, и определяются перспективы разработки данной темы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ДИСКУРСА ОБ ИННОВАЦИЯХ

1.1. Динамический подход к дискурсивизации в интерпретативно- оценочной перспективе анализа

Дискурс является сложным многозначным феноменом, который находится в центре внимания в современной лингвистике, прежде всего, в дискурсологии, в рамках которой данное понятие получает различные трактовки в зависимости от различных подходов [Кубрякова, 1996, с. 23; Арутюнова, 1990, с. 136-137; Плотникова, 2000, с. 30]. В качестве основных подходов к определению и анализу дискурса выделяются текстоцентрический [Макаров, 2003; В.Е.Чернявская, 2000], процессуально-динамический [Степанов, 1995, Фуко 1996; Плотникова, Серебренникова, 2013], репрезентационный [Ван-Дейк, 1998] подходы.

Для текстоцентрического подхода характерно рассмотрение текста / дискурса как средства порождения знания, как личностного, так и коллективного [陈忠华, 2004; Беляева, Чернявская, 2016]. С одной стороны, под этим понимается получение, структурирование и оформление знания как такового, с другой – критическое осмысление, интерпретация и изменение знания, его приращение [Чернявская, 2017].

Согласно репрезентационному подходу, дискурс – это «коммуникативное событие» [ван Дейк, 1998], в котором когнитивную репрезентацию получает та или иная социальная ситуация [ван Дейк, 2000, с. 161]. Тем самым дискурс помогает «поддерживать и воспроизводить ситуации, объекты знания, социальные идентичности людей, групп и их взаимоотношения» [Тичер, 2009, с. 48].

В русле когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики, предполагающей подход к языку как способу, орудию, механизму познания и знания [Кубрякова, 2004; Демьянков 1994], выявляется динамический подход к дискурсу. Дискурс определяется как «реальное языковое взаимодействие, динамический процесс языкового общения и

результат языковой деятельности» [Маланханова, 2015, с. 33]. Реализация дискурса рассматривается в координатах траектории дискурсивизации смысла в коммуникации [Плотникова, Серебренникова, 2013], разворачивающейся от исходного момента – интенциональности говорящего и его коммуникативной интенции, проецируемой в аргументации и стратегичности дискурса, до его целевого завершения – достижения дестинации, то есть своей коммуникативной предназначенности.

Основанием динамического подхода является когнитивная природа дискурса. Дискурс в качестве когнитивного феномена определяется как использование языка для выражения особой ментальности и особой идеологии, что формирует особый «ментальный мир» [Степанов, 1995, с. 38], создаваемый «для передачи знаний, оперирования знаниями и создания новых знаний» [Кубрякова, 2005, с. 30]. В дискурсе отражается сложная иерархия различных знаний, необходимая как в процессе порождения, так и при восприятии дискурса, в котором наблюдаются особые стратегии отбора наиболее значимой информации в данном контексте и для данных коммуникантов в процессах означивания – смыслообразования, дискурсивизации темы в её качестве «дискурсного топика» [Демьянков, 2003]. Когда речь идет о дискурсе, подразумевается некий фрагмент языка, текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие [Лобанова, 2020], как компонент, участвующий во взаимодействии людей и когнитивных процессах [Арутюнова, 1990].

В русле динамического подхода к языку развивается оценочно-концептуальное его понимание на основе принципа конструирования. Термин «конструирование» был введён в когнитивную лингвистику Р. Лангакером, и трактуется как отношение между говорящим/слушающим и ситуацией, которую тот концептуализирует и означает в высказывании [Langacker, 1987]. Понятие «отношение» в этом плане тесно смыкается с точкой зрения, модусом видения ситуации, в русле которой осуществляется конструирование смысла. Дискурс можно охарактеризовать как «живое», здесь и сейчас

осуществляемое отношение к некоторой ситуации реальности, организованное вокруг «дискурсного топика» и стоящего за ним «опорного концепта», в ходе которого осуществляется апперцептивный процесс порождения новых смыслов / знаний (процесс концептуализации) на основе активизации и интеграции имеющихся в когнитивной системе «идеализированных когнитивных моделей знания» (в терминах Дж.Лакоффа) – представлений, образов, мнений, оценок и, как следствие, категоризация осмысляемого и структурирование новых «узлов» в структуре концепта, что оказывает непосредственное влияние на концептосферу и мыслительные процессы, постоянно изменяя и обновляя уже имеющуюся базу ментальных репрезентаций. Понятие «узла» является востребованным в данном случае для обозначения типа ассоциативной связи, устанавливающейся при конструировании смысла в интегративных познавательных процессах в дискурсе.

При этом процессы концептуализации и категоризации мира в дискурсе человека говорящего неотделимы от процессов оценивания: осмысляя мир, познавая его, человек говорящий определенным образом осваивает данное осмысляемое через сетку приобретенного им когнитивного и оценочного опыта [Тванба, 2013, с.32]; на основании выявления сходств и различий, человек классифицирует объекты по наиболее значимым признакам или, иными словами, оценивает их; пропускает воспринимаемую информацию через собственный оценочный фильтр.

Согласно положению А.Н. Баранова, оценивание как естественный когнитивный процесс включает в себя следующие этапы: отбор, выделение значимого для говорящего объекта и, тем самым, выбор объекта/предмета оценки; выбор признака – основания оценки; сопоставление предмета с признаком; выбор значения признака оценки; приписывание значения признака оцениваемому предмету; ориентация акта приписывания значения оцениваемого признака на возможность участия в процессе принятия решения [Баранов, 1989]. По сути, любой процесс категоризации является выражением

оценочного отношения, при котором определение мыслимого происходит путем отсылки к наиболее значимой, освоенной определенным образом ментальной области когнитивной системы человека.

Оценочная деятельность обусловлена как свойствами воспринимаемых человеком объектов [Арутюнова, 1999, с.180] в процессе интерпретации мира, что в терминах Н.Н. Болдырева означает как «первичная» концептуализации, так и внутренними о них представлениями в процессе интерпретации знаний о мире. В этом случае речь идет о процессе «вторичной» оценочной интерпретации [Болдырев, 2011], которая осуществляется в процессе дискурсивизации.

Оценочное отношение порождается коммуникативной ситуацией особого типа – ситуацией переживания когнитивной неопределенности (проблемности, неизвестности) и, следовательно, ситуацией необходимости выбора, принятия решения, высказываемого говорящим в форме знания, мнения, оценки и тем самым идентифицирующего себя в дискурсе. В дискурсивной формации говорящий создаёт себя как субъекта позиции [Фуко, 1996].

Продвижение говорящим своей позиции относительно объекта референциального мира наиболее репрезентативно в медийном дискурсе, который представляет собой «открытое медийное информационное коммуникативное пространство, где формулируются, формируются и продвигаются наиболее значимые ценностные смыслы» [Кокина, 2019, с. 196]. Человеческая коммуникация представляет собой целенаправленную передачу информации между взаимодействующими лицами – коммуникантами. Медийное коммуникативное дискурсивное пространство представляет собой конструкт, означающий взаимодействие множественных коммуникантов, репрезентированных коммуникативными дискурсивными позициями по обсуждаемым темам. В такой среде в центрах социальной напряженности [Вепрева, 2002] происходит экстеризация сущности конфликтогенных социальных ситуаций, характеризующихся когнитивной неопределенностью

и, в связи с этим, восприятие и переосмысление предметных сфер медийного коммуникативного пространства, являющихся аттрактивными для массового адресата. Ценности, конструируемые определенным образом на основе имеющегося опыта в медийном дискурсе, составляют аксиосферу, к которой эксплицитно или имплицитно апеллирует говорящий. Аксиосфера представляет собой «то сквозное смысложизненное измерение концептосферы, которая структурирует опыт человека (и общества) в ситуации восприятия (ощущения и осознания), переживания, осмысления и семиотического обозначения-перехвата экзистенциальной и одновременно обыденной ситуации выбора наиболее значимого для структурирования некоторой концепции принятия решения» [Серебренникова, 2015, с. 129]. Аксиосфера отражает состояние человека в момент переживания базовой экзистенциальной ситуации «между миром реального и миром желаемого, должного, необходимого» [Ильин, 2005] и ориентирует конструирование оценочного отношения к концептуализируемой и означиваемой ситуации.

Подход к моделированию лингвоаксиологического анализа дискурса на основе апеллирования к координатам аксиосферы и механизма значимости в конструировании смыслов в дискурсивных формациях позволяет проследить одновременно конструирование ценностных ориентиров в медийных сообщениях. Данные сообщения рассматриваются как знаки-носители определенного понимания и оценки, которые поэтому называют иначе медийными «когнитивами» [Рогозина, 2003], обращенными к публичному социальному адресату для их восприятия, концептуализации и оценочной категоризации в условиях масс-медийного коммуникативного пространства. При имманентной аксиологической параметризации медийного коммуникативного пространства, обусловленной различием, поляризацией интересов, приоритетов, предпочтений различных социальных групп, данные «когнитивы» ранжируются по предмету медиатизации, по отношениям согласия или противопоставленности к другим дискурсивным позициям, а также по сущности того модуса конструирования смысла, носителями

которого они являются. Правомерным, в связи с этим, следует считать положение о том, что конструирование новых смыслов и новых граней (элементов и узлов) в концептах как базовых компонентов концептосферы в данной сфере познания имеет выводной дискурсивный характер, определяемый на пересечении того, что и как говорится о предмете дискурса и тем, каким образом оно будет восприниматься, осмысляться и оцениваться социальным целевым адресатом данного дискурса. Как следствие, одним из ключевых аспектов проблемы конструктивного потенциала дискурса определенной предметной сферы является вопрос о механизмах и способах реализации дискурсивной позиции в динамике дискурсивизации смысла.

1.2. Базовый принцип и ведущий параметр моделирования стратегии аксиологического характера

Оценочность пронизывает всю траекторию дискурсивизации, то есть динамики конструирования смысла в высказывании, шире – в дискурсе. Анализ дискурса с позиции совмещенности процессов когниции и оценивания при конструировании дискурса позволяет рассмотреть дискурс в модели траектории развертывания от начальной точки – установок, интенциональности адресанта сообщения, проецируемых на стратегичность и аргументацию, к достижению конечной по времени и завершающей по смыслу точки – дестинации, предназначенности дискурса в коммуникации [Плотникова, Серебренникова, 2013].

Понятие стратегии входит в категориальный аппарат анализа дискурса с точки зрения его реализации в прагматических координатах коммуникации. С позиции теории коммуникации, в общем плане, стратегия рассматривается как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев, 2002]. Значимым здесь является то, что дискурсивная стратегия задает соответствующую организацию дискурса и

реализуется в дискурсе как единица коммуникации. Г.В. Димова рассматривает стратегию через понятия проективности и концептуализации и определяет её как «проективное концептуальное видение субъектом своей деятельности, основанное на осознании путей оптимального достижения поставленной цели и способов их вербального и невербального выражения в конкретной ситуации» [Димова, 2004]. Стратегия в траектории дискурсивизации выражает когнитивный процесс, имеющий конструированный характер, напрямую зависящий от интенции говорящего. В этом плане стратегия – способ реализации дискурса, проецируемый позицией – точкой зрения говорящего, его установками. Таким образом, стратегия определяется как «проекция когнитивной структуры (концептов, пропозиций, сценария) в структуру действий и дискурса» [Плотникова, Серебренникова, 2013, с. 184]. Концепт, обладая ценностными характеристиками [Степанов, 1997; Карасик, 2002, с. 91], организует дискурс, в котором процесс концептуализации будет осуществляться на основе оценочной деятельности говорящего по формированию ценностного отношения к референциальному миру. За счет сопряжения с категорией оценочности аксиологическая стратегия является выбором способа (модуса) конструирования смысла на основе выделения субъектом говорящим наиболее значимого и аттрактивного в воспринимаемой и осмысляемой им ситуации, проецируемой на способ организации дискурса.

Понятие аксиологической стратегии было введено и обосновано А.Н. Барановым, который исходит из идеи о том, что аксиологические стратегии заложены в языке и проявляются в речи в различного типа оценках (количественные, прототипические, гомеостатические и общие оценки), используемых говорящим при принятии речевого коммуникативного решения в целях убеждения собеседника [Баранов, 1989]. В этом плане стратегия — это логика принятия решения по проблемно осмысляемому объекту, конструирующему выбор альтернатив при осмыслении. Логика в речи, в высказывании реализуется как обоснование одной из выбранных альтернатив

в ментальной процедуре, на основе ментальной шкалы оценивания и реализуется в модальной рамке высказывания. Суть аксиологической стратегии, согласно А.Н. Баранову, определяется как структурирование дискурса в переходе от одного типа оценок к другому. В частности, выделяются стратегии с исходной количественной оценкой с возможными переходами к прототипической и гомеостатической оценке или стратегии с исходной прототипической оценкой с возможным переходом к гомеостатической или общей оценке. Данная классификация и подход к понятию «аксиологическая стратегия» строятся на критерии типа аргумента. Концепция А.Н. Баранова базируется на динамическом подходе к структурированию дискурса в виде переводных операций, которые и являются, по сути, операциями оценочной категоризации.

Динамический характер оценочного характера стратегии прослеживается в концепции Н.Н. Казыдуб. Аксиологическая стратегия актуализируется в динамике оценочной категоризации как один из компонентов аксиологической системы и определяет ее как «способ переживания и активации аксиологических смыслов в речевой деятельности» [Казыдуб, 2009, с. 135]. Согласно концепции Н.Н. Казыдуб, аксиологические стратегии как последовательность операций по конструированию ценностных смыслов различаются в зависимости от модуса и обладают рядом характеристик, а именно: гибкостью, целенаправленностью, инновационностью. Последний аспект соответствует понятию дестинации в траектории дискурсивизации и обозначает вклад в продвижение концепта в виде формирования новых парадигм мышления и создания новых ценностей/ценностных смыслов.

Принимая подход к аксиологической стратегии А.Н. Баранова как внутренне присущей, имманентной употреблению языка в его феноменологии дискурса, считаем, что она должна быть рассмотрена несколько шире с точки зрения когнитивной лингвистики и базироваться на ценностном подходе, то есть выведении дискурсивизации на ценностные смыслы [Казыдуб, 2009], а

также в связи с оценочным измерением концептуализации и категоризации, которые производятся в дискурсе человеком говорящим как человеком познающим и оценивающим [Серебренникова, 2011].

Термин аксиологическая стратегия, таким образом, представляет оптимальный способ конструирования наиболее значимого для медиатора смысла, который выводит осмысляемый объект на новый уровень его концептуализации с помощью аттрактивных средств валоризации – аргументов в их роли оснований для повышения / понижения статуса высказываемого смысла при осмыслении и оценивании предмета дискурса в принятии позиции говорящим.

Валоризация, то есть в общем значении «возведение к ценности/антиценности», являясь основной операцией высказывания, отражает векторность, проективную направленность осмысления / оценивания и направляет дискурс от установочной интенциональности и дискурсивной позиции к финализации – достижению цели высказывания к моменту его завершения, в его выводной, заключительной части. Под валоризацией в русле субъектноцентрического динамического подхода к дискурсу понимается означивание в виде придания особой значимости чему-либо на фоне не значимого или менее значимого и, соответственно, целевая оценочная интерпретация означивания со стороны адресата [Серебренникова, 2017].

Способы валоризации в дискурсе являются ничем иным, как способами придания особой значимости элементам высказывания, что с необходимостью возводит происходящее «фреймирование» смысла к определенным ценностям [Лакофф, 2004]. Если под фреймом понимать, вслед за Дж. Лакоффом, «идеализированную когнитивную модель», структуру понимания и размышления, то есть концептуализации и оценивания, то фреймом, к которому возводится языковая финальная категоризация, следует считать фрейм ценностного измерения языка – ту градуированную шкалу оценивания [Ивин, 1970; Риккерт, 1998; Вольф, 2002], которая отражает опыт познания мира человеком в некотором модусе оценивания. Данный фрейм оценивания

структурирован «вертикально» вокруг оси нормы вершинами – максимумами (идеалами, эталонами, моделями, образцами) и биполярно, «горизонтально» в пространстве между полюсами положительного и отрицательного, «плюса и минуса», добра и зла, маркируемых модальными предикатами «хорошо/плохо», оперирующими валоризацией или девалоризацией предмета интерпретации. Высказывание приобретает оценочный характер, когда оно открывает перспективы интерпретации для человека говорящего в определенных модусах восприятия и понимания, то есть концептуализации и оценочной категоризации.

Сущность валоризации, реализуемой в предикативных и номинативных структурах, отражается в категоризации предмета высказывания в аксиологически насыщенных концептуальных «ментальных пространствах» (в терминах Ж. Фоконье) – форматах знания коммуникантов, составляющих «концептуальные области» знания, веры, верований и т.д. В способах валоризации в динамике реализации дискурса проявляется аксиологическая стратегия как оценочное ориентирование всего дискурса на выведение значимого для говорящего смысла.

В связи с этим возникают основания выделить валоризирующий дискурс как особый тип дискурса. Валоризирующий дискурс представляет собой «репрезентативный вид оценочной дискурсивизации» [Кокина, 2019, с. 195], в котором смыслообразование выстраивается как структурирование оценочного отношения к объекту. Вслед за Е.Ф. Серебренниковой под валоризирующим типом дискурса понимаем дискурс, в котором реализуется базовая интенция говорящего к валоризации, проецирующей целостную траекторию дискурсивизации [Серебренникова, 2015; 2017].

Процесс реализации валоризирующего дискурса в модели дискурсивизации позволяет осмыслить конструирование ценностного смысла в дискурсе по отношению к предмету осмысления, а также выявить изменения ценностных ориентиров осмысляемого концепта через анализ дестинации –

целевой, инновационной и выводной доминанты, завершающей траекторию дискурсивизации.

Вектор реализации валоризирующего типа дискурса направлен на оценочное конструирование смысла ценностного плана путём убеждения социального целевого адресата в значимости выдвигаемой позиции по дискуссионному топику, порождающему прагматическую ситуацию [Арутюнова, 1990] оценочного осмысления.

Подчеркнем, что в настоящее время категории значимости уделяется важное значение в таких областях, как теория языковой картины мира (Л.Вайсгербер, Ю.Д.Апресян), теория номинации (Е.С. Кубрякова и др.), в теории оценки (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, В.И. Шаховской) и теории дискурса как пространстве оперирования значимыми смыслами (Н.Н. Казыдуб).

Рассмотрим подробнее категорию значимости как качественной характеристики концептуально-оценочной установки интенциональности говорящего, проецируемой стратегически на траекторию дискурсивизации, ориентированной на конструирование актуально значимого смысла в дискурсе.

До настоящего времени категория значимости в основном трактовалась в русле системоцентрического структурного подхода в рамках концепции Ф. де Соссюра как системное отношение «по горизонтали» между разными знаками [Соссюр, 1999]. Дж. Лангакер, в предложенной им модели когнитивной грамматики, решая проблему интерпретации значений языковых выражений, затронул вопрос о «выпуклости» и «профилировании» смысла; в данных терминах он описывает отношение между языковыми единицами [цит. по Ченки, 2010]. К ряду работ, посвященных категории значимости, относятся исследования В.В. Петрова, который описывает категорию значимости при помощи понятия «релевантности» смысла в цепочке языковых единиц [Петров, 1990]. В работе Г.П. Грайса обосновывается понятие «максима релевантности», согласно которой в процессе конструирования смысла выбор формы выражения зависит от того, что является релевантным,

способствующим профилированию значимого с точки зрения прагматической непротиворечивости и обоснованности развития смысла. Таким образом, любое целенаправленное высказывание говорящего организовано по принципу выделенности / релевантности / значимости, причем «человек неосознанно стремится к максимальной релевантности, т.е. к максимальному когнитивному эффекту при минимальных усилиях при переработке» [Wilson, 1988, с. 140]. К подобному выводу приходит Е.С. Кубрякова, указывая на то, что мышление человека базируется на «дифференциации существенного и несущественного, прагматически релевантного и нерелевантного» [Кубрякова, 2008, с.15].

С понятием «значимости» как выделении существенного и несущественного и профилировании существенного (релевантности) в когнитивной лингвистике соотносятся термины «фон», «фигура», «фокус внимания», предложенные Л. Талми, которые играют большую роль в восприятии и интерпретации действительности, делая возможным акцентирование различных аспектов референтной ситуации. Так, согласно его исследованию, одна и та же ситуация действительности воспринимается и интерпретируется по-разному, следовательно, реализуется в различных языковых конструкциях, в зависимости от того, что находится в фокусе внимания воспринимающего субъекта, а что является фоном [Talmy, 2000, 2007].

По отношению к структуре ситуации, Ч. Филлмор ввел аналогичное фокусу и фигуре понятие перспективы [Филлмор, 1981]. Перспектива представляется в виде маршрута, проложенного по структуре ситуации. Выбор конкретного выражения, активирующего представление о конкретной ситуации при построении высказывания, вызывает представление о референциальной ситуации в целом, но в перспективу попадает лишь конкретный, особо значимый аспект имеющейся ситуации. По мнению Тэйлора, «перспективизация одного компонента ситуации не только вытесняет другие компоненты на задний план, но во многих случаях

полностью их подавляет, скрывает» [Taylor, 1995, с. 90]. Данное положение носит объяснительный характер к самому способу – модусу реализации конструирования смысла, то есть тому отношению, которое порождается говорящим при концептуализации и означивании ситуации или явления в высказывании.

Таким образом, принцип значимости, или, в других терминах, релевантности / фокусировки / профилирования / перспективизации значимого компонента, аспекта, элемента, признака предполагает как выбор содержания, которое должно быть обозначено знаком, так и определенную организацию этого содержания для выбора стратегии в дискурсивизации путем определения его составляющих как фигуры и фона исходя из ориентации человека на особо значимое – желаемое, должное, необходимое.

Вышеуказанные представления о принципе значимости в рамках моделирования лингвокогнитивных процессов дискурсивизации в интерпретативно-оценочной перспективе анализа выводят на рассмотрение данной категории с позиции ориентации стратегии на дестинацию как целевую, выводную предназначенность дискурса внести концептуальный вклад в упорядочение ситуации проблемного характера для целевого адресата.

В процессе дискурсивизации, в условиях ограниченного времени, говорящий пытается продвинуть наиболее значимые, ценные для него смыслы посредством использования различных аргументов, то есть стратегию, направленную на оптимальное достижение цели высказывания. В дискурсивной формации говорящим структурируется интерпретативное, ценностно ориентированное видение мира, опредмечиваемое различным образом: различной модальностью высказывания, выбором номинативных и квалификативных способов и средств, направленных на воздействие на сознание слушающего [Серебренникова, 2017]. Критерий значимости для говорящего при построении высказывания напрямую связан с категорией дестинарности дискурса, которая соотносится с вкладом данного дискурса в оценочное разъяснение референциальной ситуации, а также определяет

контент и позиционирование дискурса. Дестинаторность «отражает когнитивно-оценочную установку говорящего на целевую роль высказываемого смысла в коммуникации» [Попова, 2017, с. 24]. Исходя из вектора осмысления от реального сущего к должному и желаемому, аргументация в дискурсе имеет характер чётко нацеленной валоризации – придании особого (выделенного) значения высказываемым когнитивным структурам в дискурсивной формации и её дестинации стать вкладом в разьяснение ситуации.

Таким образом, в валоризирующем дискурсе смыслообразование выстроено аргументативно как продвижение особо значимого смысла по отношению к дискурсивному топику, вследствие чего осуществляется валоризация ценностно измеряемой дискурсивной позиции говорящего. Реализация процессов оценочной концептуализации и оценочной категоризации в дискурсе определяет аксиологическую параметризованность дискурса. Аксиологичность дискурса предполагает движение актуального осмысления в соответствии с имеющимся опытом оценочно шкалированного познания и знания мира по критерию значимости в экзистенциальных координатах бытия человека «между миром реального и миром желаемого, должного, необходимого» [Ильин, 2005]. Концепция оценочного характера концептуализации и аксиологической параметризованности дискурса особенно репрезентативна на примере реализации социального медийного дискурса как интерпретативного открытого пространства обсуждения и формирования смыслов «общего интереса» [Angenot, 2004]. Под «параметризацией» вслед за Е.Ф. Серебренниковой понимаем «совокупность факторов, установок, механизмов и принципов налаживания системы, которые определяют такую ее аутентичность и валидность, какой она проявляется, наблюдается и понимается в акте коммуникации» [Серебренникова, 2013а, с. 15]. Медийное коммуникативное дискурсивное пространство аксиологически параметризовано и центрировано: позиции отражают предпочтения, интересы, ориентиры (оценочные концепты,

ценностные смыслы) дискурсивных личностей и соотносятся между собой отношениями антагонизма, доминации, согласия. Уточним, что под «дискурсивной позицией» понимается содержание дискурсивной формации. В терминах М.Фуко, дискурсивная формация – это некая определенная закономерность (порядок, корреляции, позиции и действия, преобразования) объединения различного рода высказываний, объектов, понятий, тем [Фуко, 1996].

Аксиологическая настройка высказывания/дискурса связана, прежде всего, с категорией значимости, как это показано выше, и подразумевает модально-целевой характер настройки дискурса [Серебренникова, 2013а]. При раскрытии данного способа настройки дискурса, основанного на сопряжении концептуализации и оценивания, выделяется ряд базовых терминов, к которым относятся модальность, модализация и модус. Данные понятия, будучи понятийно родственными, различаются сущностно прежде всего по причине их использования в различных подходах к языку. Модальность – категория, которая имеет как общее, так и более специальное значение в грамматическом анализе предложения/высказывания. В общем плане модальность определяется как «отношение к действительности – субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально идеологическими теориями» [Солганик, 1999, с. 371]. С одной стороны, модальность представляет собой отношение к тому, о чем говорится, с другой стороны выражает отношение к самому высказыванию. В связи с тем, как осмысливается это отношение, выделяется объективная, субъективная и другие виды модальностей [Ляпон, 1998, с. 303]. Как показатель «отношения высказывания к действительности, определяемое через субъективное отношение говорящего» [Симатова, 2014, с. 26], модальность по своей природе оценочна, так как исходит от личности, иными словами, модальность представляет собой индикатор интерпретативного оценочного отношения [Попова, 1996, с. 39] и в коммуникации способствует воздействующей и

апеллятивной функциям высказывания. В соотношении с понятием «модализация», которое имеет процессуальный, динамический, коммуникативно-когнитивный характер, термин «модальность», таким образом, имеет категориальный статус при описании реализованного текста/дискурса и может рассматриваться в качестве средства реализации модализации при динамическом, конструктивистском подходе к тексту / дискурсу.

Модализация дискурса представляет собой «когнитивно-дискурсивный процесс, нацеленный на передачу интенционального состояния, репрезентацию своих убеждений, мотивов, оценок, стремления «заразить» ими адресата так, чтобы оно соответствовало желаниям адресата» [Якоба, 2019, с. 154], выполняет, прежде всего, воздействующую функцию; формирует и оказывает влияние на мнение, оценку и ценностное отношение адресата. Говорящий в динамике дискурсивизации путем конструирования положительной или негативной оценки в поляризованном, ценностном измерении когнитивной системы человека воздействует на инферирование ценностей при помощи различных средств модализации, которые в проблемно осмысляемой ситуации определяют отбор фактуальной информации и способов продвижения особо значимого смысла по отношению к дискурсивному топику. Иначе говоря, термин «модус» как способ означивания, ориентированный на валоризацию, профилирование наиболее значимого в видении предмета осмысления, следует считать наиболее общим термином в выше представленном ряду однородных терминов. Его более общий статус выявляется на уровне анализа таких компонентов дискурсивизации, как интенциональность, стратегичность, дестинация. В анализе дискурса данный термин получает как лингвофилософское, так и дискурсивное отграничение.

Обратимся к истокам понимания понятия «модус». Первоначальную трактовку понятия «модус» находим в грамматическом учении модистов, которые рассматривали модус обозначения (*modi significandi*) как основополагающий компонент понятийно-терминологической системы,

целью которой является объяснение явлений языка и их связь с реальной действительностью. Слова разных частей речи, одной предметной отнесенности (*diction*), согласно теории модистов, отличаются способом представления данного содержания, то есть способом обозначения или модусом. Модусы обозначения восходят к модусам существования, иными словами, к свойствам существования вещей, глубинных характеристик, которые существуют в самих вещах вне человеческого сознания [Перельмутер, 1991].

Термин «модус» является ключевым в теории речевой деятельности Ш. Балли. В любом высказывании им выделялось два блока составляющих – диктум и модус. Диктум – предметно-логическое содержание высказывания – соотносится с описанием некоторой ситуации, модус отражает отношение описанной ситуации к действительности, а также выражает интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума [Балли, 1955]. Ш. Балли, наравне с диктумом, признавал наличие модуса в любом высказывании и считал модус «душой» предложения. [Балли, 1955, с. 46]. Субъективная составляющая (модус) характерна не только для конкретного высказывания, но и для всего текста/дискурса, при котором говорящий стремится передать свою определенную позицию по отношению к предмету высказывания. Модус как мера и способ означивания [Ляпон, 1998, с. 303] отличен от пропозиции как предметного содержания высказывания.

В лингвофилософском плане, продолжающем традиции модистов и исследователей в области теории высказывания, важным является аксиологический подход к высказыванию, представляющий осмысление мировоззренческих доминант, составляющих модусы его существования. Согласно В.В. Ильину, «... единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизируемый на стыке – в зазоре, расщеплении бытия на реальное и желаемое, сущее и должное, наличное и потребное. Первые члены дихотомий соотносятся с актуальным экзистенциальным модусом; вторые – с потенциальным модусом существования» [Ильин, 2005, с. 4]. В

лингвоаксиологическом плане экзистенциальное отграничение сущности модуса означивания мира даёт основание утверждать, что модус представляет собой «субстанциональное атрибутивное явление способа бытия человека, выступающее в качестве дискурсивного механизма перевода одного способа бытия человека в другой способ» [Серебренникова, 2011, с. 8].

С позиций антропоцентричности как фундаментального свойства естественного языка, в рамках когнитивного подхода, категория модуса определяется как метауровневая категория, являющая собой оценочную форму представления знания о знании [Семенова, 2007]. Исследователями подчеркивается аккумулирующая интерпретативная природа форм модуса. В формах модуса «выражается оценка диктумного события под разными углами зрения: модальным, оценочным, истинностным, этическим, интеллектуальным» [Там же, с. 149].

Согласно Н.Н. Болдыреву, категории модусного типа «обеспечивают возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [Болдырев, 2007, с. 25]. Таким образом, модус получает как лингвофилософское, так и собственно дискурсивное отграничение сущности своего содержания.

Дискурсивное отграничение термин «модус» получает в работах В.И.Карасика, который исходит из трактовки в целом понятия «дискурс» в связи с понятием «модус»: «Дискурс представляет собой конкретизацию речи в различных модусах человеческого существования» [Карасик, 2002, с. 193].

В медийном дискурсивном коммуникативном пространстве в ситуации когнитивной неопределенности обсуждаемых «диктумных событий», конкретизируются модусы видения мира ценностного плана, в которых формулируются, транслируются и продвигаются наиболее значимые смыслы, воздействующие как на личностную, так и на национально-культурную аксиосферу как глубинного измерения целостной концептосферы. Таким образом, под модусом понимаем установку, оценочно-интерпретативный

способ реализации в дискурсе видения мира в ситуации когнитивной неопределенности, призванный валоризировать субъектно формулируемое высказываемое на основе соответствующей модусу аксиологической стратегии.

Ориентиром модуса – отношением между мыслью и осмысляемым миром, который функционирует как стандарт, перспектива, план в целевых координатах осуществления, является базовое аксиологическое понятие «ценность».

Конструирование ценности в процессе дискурсивизации осуществляется в аксиологически параметризованном пространстве, в котором модус как параметр аксиологической стратегии дискурса призван валоризировать субъектно формулируемое высказываемое. В координатах модуса субъект, выстраивая определенным образом интерпретативную перспективу, высказывает, осуществляет, субъективирует свою точку зрения относительно «опорного» концепта осмысления. При этом, согласно Г. Риккерту, позиция человека относительно осмысляемого ценностно насыщенного объекта действительности (смысл в терминах Г. Риккерта) занимает положение между царством действительности (миром реальности) и царством ценности (миром должного, необходимого, желаемого) [Риккерт, 1998]. На основе механизма значимости, таким образом, определяется вектор реализации смыслообразования от модуса реальности к модусам необходимости, возможности и желательности, в которых с помощью приемов аргументации и выбора аттрактивных средств моделируется представление о дискурсивном топике с целью воздействия на ценностный мир адресата. При этом данное представление трансформируется, репрезентируя переход осмысляемого в новый способ бытия.

Модусный подход к дискурсивизации как способ вербализации и валоризации смысла в высказывании прослеживается во всех компонентах траектории дискурсивизации: от исходных установок, интенциональности, которые определяют модус высказывания, то есть проецируют

соответствующую стратегию, создают концептуально-оценочную рамку валоризирующего дискурса, до дестинации – целевой предназначенности высказывания в ситуации коммуникации. Такой подход позволяет придать аксиологический характер реализуемой стратегии как оптимального для медиатора способа конструирования наиболее значимого смысла в определенной модусной рамке дискурсивной формации, отграничивающей способ его продвижения и валидации.

Итак, ведущим принципом в моделировании аксиологической стратегии считаем принцип значимости. Данный принцип, с одной стороны, отражает сфокусированную на особо значимом (релевантном) интенциональность говорящего и его установку на профилирование данного смысла, с другой стороны, проецирует данную установку на стратегии его аргументации для достижения цели в коммуникации. Аксиологическую стратегию определяем как оптимальный способ конструирования наиболее значимого для медиатора смысла, который выводит осмысляемый объект на новый уровень интерпретации в его познании в экзистенциальных координатах и оценочной перспективе от реальности к необходимому, желаемому, должному. Ведущим параметром аксиологической стратегии в дискурсе об инновациях является модус структурирования смысла, который представляет собой реализуемый в дискурсе оценочно-интерпретативный способ видения мира в ситуации когнитивной неопределенности. Формирование и профилирование того или иного модуса с целью продвижения значимых смыслов оказывает влияние на переосмысление представлений о сущности осмысляемого и означаемого и, тем самым, влияет как на личностную, так и на национально-культурную аксиосферу как глубинное измерение целостной концептосферы.

1.3. Соотношение понятия концепта и ценности в динамическом подходе

Процессы концептуализации и категоризации мира, в конечном счете, возводятся к особо значимым смыслам-предпочтениям: идеалам, ценностям, идеям, моделям, нормам, стереотипным представлениям, символам, образам, которые составляют национально-культурную или личностную аксиосферу – глубинное мотивационно-установочное, целостное, ценностное измерение концептосферы, испытывающее постоянные трансформации в изменяющемся контексте жизненного мира человека и общества. Концепт, как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга» [Кубрякова, 1997, с.88.] отражает содержание опыта и знания, а также содержание всей человеческой деятельности. Концепт сам по себе динамичен, он «возникает в процессе построения информации об объектах и их свойствах» [Жеребило, 2006, с. 99]. Эта информация регулярно обновляется в процессе трансформационных изменений в мире, в том числе это относится и к сведениям о возможных мирах. Концепты, будучи «интерпретаторами смыслов» [Кубрякова, 1997, с. 91], все время находятся в процессе уточнения, обновления и модификации, в ходе проверки реальности на её соответствие ценностным установкам. В результате, в эволюционном плане, в структуре концепта появляются или стираются элементы, реструктурируется смысловая структура концепта, эволюционирует концептуальный смысл в обыденном сознании [Серебренникова, 2011 с. 20]. Концепты видоизменяются естественным образом как сами по себе в процессе развития языка как «живого знания» [Залевская, 2009], так и под влиянием других концептов, обновляя «языковой формат знания» (в терминах Н.Н. Болдырева).

По своей структуре концепт представляет собой «трехмерное смысловое образование» [Карасик, 2002, с. 105], в котором выделяются понятийная, образная и ценностная составляющие. Понятийный компонент

отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта. Образная составляющая подразумевает «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти» [Тамже, 2002, с. 129] Ценностный компонент включает в себя признаки, связанные с оценочной характеристикой концепта. Оценку можно определить как «суждение о ценности, содержащее субъективный компонент, т.е. субъективное выражение значимости предметов и явлений окружающего нас мира, а также нашего внутреннего мира для нашей жизни и деятельности» [Воронова, 2017, с. 134]. Согласно В. И. Карасику, ценностный компонент в структуре концепта является центральным. «Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2002 с. 166].

Ценности определяются как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни (в этом отношении их можно рассматривать как механизмы смыслового удержания и укоренения человека в мире)» [URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6895> (дата обращения: 1.03.2021)].

Уточняем понятие ценности, вслед за Серебренниковой Е.Ф., как «предмет и объект некоторого интереса, желания, объект в общем смысле, значимый для человека или группы лиц в его целевой предназначенности» [Серебренникова, 2008, с. 32]. Н.Ф. Алефиренко под ценностями понимает «модусные отношения человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами» [цит. по Кадачиевой, 2010].

В динамическом аспекте анализа текста / дискурса в русле когнитивно-коммуникативной парадигмы утверждается, что ценности конструируются в процессе дискурсивизации, где субъект высказывает своё отношение к

окружающему миру в процессах познания и коммуникации на базе имеющегося у него опыта, моделей освоенного знания, мотивов, целевых установок посредством языковых средств субъектной интерпретации и символизации осмысляемого и чувствуемого. Ценности в этом плане можно определить как смысловые целевые ориентиры, которые организуют модус концептуализации и оценивания. Посредством конструирования ценностного смысла по отношению к дискурсивному топосу и стоящему за ним концепту формируется оценочное отношение к предмету осмысления. Оценочное отношение порождается коммуникативной ситуацией переживания когнитивной неопределенности (проблемности) на глубинном, ценностном уровне, и, следовательно, ситуацией выбора, решения, высказываемого говорящим в форме знания, мнения, оценки и тем самым идентифицирующего себя, представляющего себя определенным образом. Таким образом, в процессе дискурсивизации и на результирующем её этапе в условиях современного глобализирующегося информационного общества, в контексте постмодерна, происходящих «цивилизационных сломов», а также в реальности его диалогического межличностного и социального функционирования, происходит формирование новых эпистем, позволяющих детерминировать и осмыслить воздействующий потенциал дискурса, а также ценностные ориентиры и изменения в ценностной составляющей концепта, организующего дискурс как в синхронической, так и в диахронической плоскостях развития социума.

Концепт, аккумулируя смыслы постоянно изменяющихся процессов познания и коммуникации, меняет свою структуру в континууме лингвокультуры. С этой точки зрения Ю.С. Степанов рассматривает структуру концепта в эволюционном плане и выделяет в смысловой структуре концепта исторический и актуальный признаки. Исторический слой концепта включает в себя набор дополнительных, «пассивных» признаков, не являющихся актуальными, ясно опознаваемыми, мотивированными, и отражает информацию о восприятии концепта в диахронии. Новейший актуальный и

активный слой содержит наиболее релевантные признаки, значимые и известные всем носителям той или иной лингвокультуры. По мнению В.И. Карасика, актуальный слой концепта подвижен [Карасик, 2001]. Подвижность концепта обуславливается развитием культуры, социума, технологий и сопровождается эволюционными изменениями и трансформациями. По мере обогащения концепта новыми ценностно акцентуированными признаками, ряд старых признаков, теряющих актуальность, уходит в «архив знания», то есть исторический слой концепта [Кононова, 2012].

Для нашего исследования концепции Ю.С. Степанова, В.И. Карасика имеют особую важность, так как работа посвящена не столько историческому или общему актуальному состоянию структуры концепта *инновация*, сколько аспектам, признакам, векторам самого изменения структуры концепта. Предметом нашего анализа является проблема насыщения актуальными смыслами содержания данного концепта, подверженного апперцепции, под которой в общем смысле понимается «восприятие и переживание по-новому какого-то факта действительности» [Озерова, Попиль, 2014, с.92]. Концептуализации как ассоциативному процессу конструирования смысла свойственна апперцепция, которая подразумевает трансформацию, переосмысление концептуального содержания в виде формирования новых элементов и «узлов».

В трактовку понятия «концептуальные узлы» закладываются лингвоаксиологические основания: мы исходим из положения о том, что ценностное измерение концептосферы конструируется в модели фрейма биполярной оценочной шкалы концептуализации, осью которой является представление о норме, идеале, эталоне. В связи с этим «узел» – это вид биполярного соотношения между компонентами в структуре концепта. Новые узлы в структуре концепта представляют собой новое биполярное соотношение (связи) в виде оппозиции или корреляции. Данные связи обладают различной степенью устойчивости на данном этапе осмысления концепта и вступают друг с другом в отношения взаимозависимости,

взаимодополняемости и взаимообусловленности (коррелятивный узел) или оппозиции (контрарный, оппозитивный узел). Понятия «корреляция» и «оппозиция» разрабатывались в фонологической теории Н.С. Трубецкого [Трубецкой, 1960]. Под корреляцией в рамках настоящего исследования понимаем реализацию концептуального сопряжения во взаимосвязи языковых элементов на основе семантического компонента. Под оппозицией понимаем семантическое противопоставление компонентов языковых единиц.

Отношения между компонентами в структуре концепта в виде корреляции бывают констеллятивного [Ельмслев, 2006, с.10], синонимичного, конверсивного [Новиков, 1982, с. 214], гиперо-гипонимического [Городецкий, 1969, с. 202] типов. Под констеллятивными отношениями понимаем открытые, двусторонние, равноправные отношения в виде свободной зависимости двух компонентов, которые не отталкивают и не определяют друг друга. В основе синонимических коррелятивных отношений лежит тождество дистрибуционных свойств между элементами в концептуальной структуре, стоящей за знаком. Конверсивная корреляция представляет собой взаимную бинарную импликацию компонентов, находящихся в отношениях взаимообратимости. Гиперо-гипонимическая корреляция – родовидовые отношения между компонентами в структуре концепта.

Отношения компонентов внутри оппозиции, вслед за Н.С. Трубецким, подразделяем на привативные, градуальные и эквиполентные. Привативными называются «оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой – отсутствием признака». Градуальные (ступенчатые) оппозиции представляют собой «оппозиции, члены которых характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака». И, наконец, эквиполентные (равнозначные) оппозиции определяются как «оппозиции, оба члена которых логически равноправны, то есть не являются ни двумя степенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака» [Трубецкой, 1960, с. 83].

Формирование новых оппозитивных и коррелятивных узлов различных типов в процессе концептуализации, которые трансформируют в том числе и ценностную составляющую концепта, а также ценностные ориентиры в целом в современном общественном сознании, находит свое отражение, прежде всего, в дискурсе валоризирующего типа и имеет прогнозирующее значение [Серебренникова, 2011, с. 15], так как позволяет выявить ценностные приоритеты развития современного общества. В процессе объективации и продвижении социально значимых смыслов говорящий, высказывая своё экспертное мнение с ориентацией на желаемое, должное, необходимое, предпринимает попытку повлиять и изменить внутренний ценностный мир реципиента, что может привести к изменениям в аксиосфере и концептосфере в целом сначала на уровне индивидуального, а затем и коллективного сознания.

Воздействующий потенциал дискурса порождается интенциональностью субъекта и основывается на принятой концептуальной позиции говорящего. Кредитность концептуальной позиции зависит от преследуемой цели говорящего, которая имеет под собой ценностное основание. Интенция и цель определяют аргументацию, аксиологическую стратегию и дестинацию в целостной траектории дискурса [Серебренникова, Плотникова, 2013].

Таким образом, концепт с его ценностными компонентами в динамике дискурса постоянно актуализуется, видоизменяется, в его структуре формируются новые узлы, представляющие собой связи между элементами, составляющими и формирующими структуру концепта, вступающими друг с другом в отношения взаимозависимости, взаимодополняемости или оппозиции. Такого рода коррелятивные и оппозитивные узлы, а также значимые смыслы, опредмечиваемые аксиологемами, характерны для данного момента времени, «здесь и сейчас», и отражают базовые оценочные модусы интерпретации человека познающего в его экзистенциальном состоянии между миром реальным и мирами желаемого, должного, необходимого. Для того чтобы определить сдвиги в актуальном состоянии структуры концепта

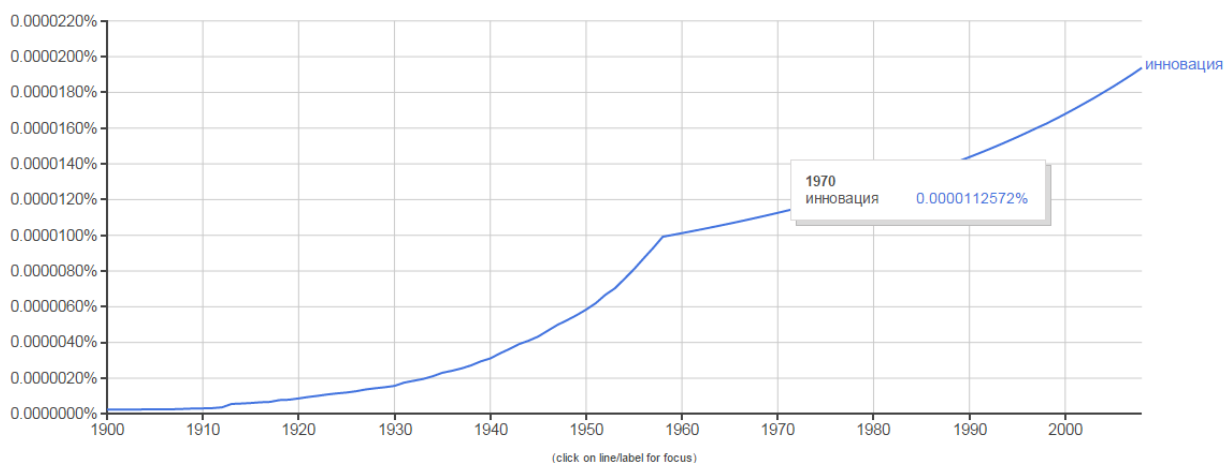
инновация, обратимся к анализу, позволяющему установить эволюционные и этнокогнитивные аспекты структурирования концепта в национальных концептосферах, обратившись к данным русского и китайского языков.

1.4. Этносемиотика знака «инновация» в русской и китайской лингвокультурах

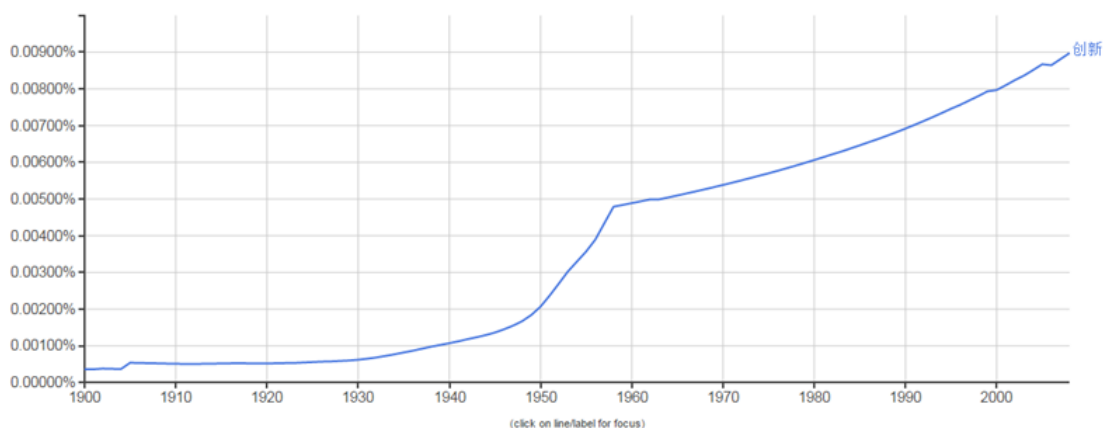
В современном медийном коммуникативном пространстве особо актуальными являются темы, связанные с модернизационными процессами в различных сферах общества, представленные в различного рода медиа-текстах. В данной предметной сфере осмысляется и репрезентируется ценностно насыщенный концепт *инновация* в русскоязычном дискурсе и его коррелирует в китайском языке *创新* в сущностном, целевом и действенном планах. Указанные знаки привлекают особое внимание исследователей современного дискурса. Знаки отличаются, прежде всего, высокой частотностью употребления, о чем свидетельствуют результаты подсчёта частотности употребления данных знаков по данным программы <https://books.google.com/ngrams/> за период с 1900 по 2008 г.:

Диаграмма 1

Частотность употребления знака «инновация»

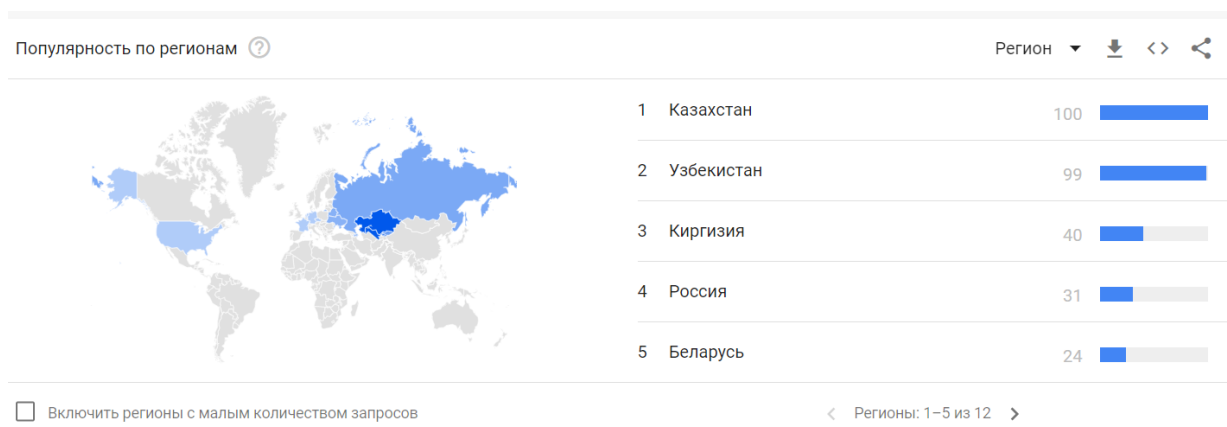
Частотность употребления знаков «创新»

Как видно из диаграмм, вектор частотности резко идёт вверх в современном дискурсе в русском и китайском языках с 2000 года. Под современным дискурсом понимаем, вслед за М. Фуко, тип дискурса, отражающий определенный стиль и способ осмысления мира, присущий данному моменту в эволюции культуры [Фуко, 1996].

По данным сервиса Google [URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=инновация> (дата обращения: 19.03.2020)] в пятерку стран по частотности и популярности поискового запроса слова «инновация», в период с 2004 по 2020 г. вышли следующие русскоговорящие страны: Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Россия, Белоруссия. (Рис.1)

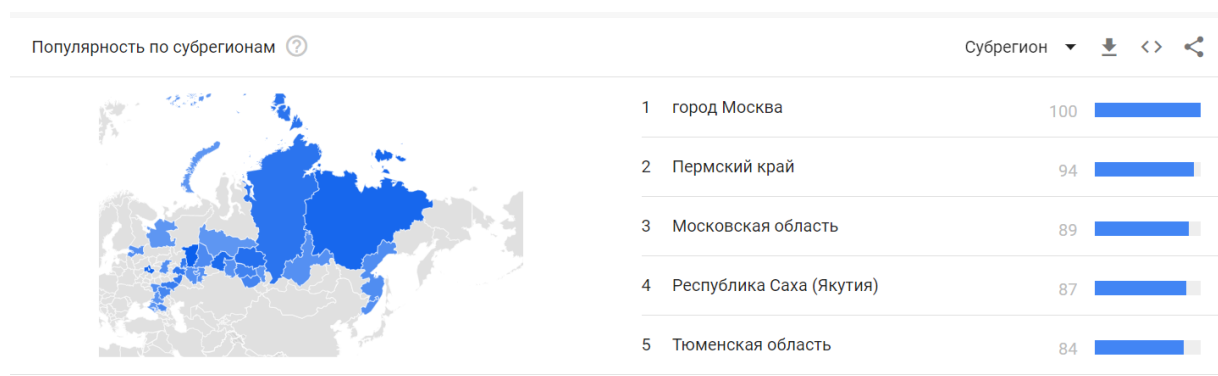
Рис.1

Самые популярные запросы по теме инновации согласно данной программе в мире: *инновация это, что такое инновации*; запросы, связанные с инновациями, часто касаются области экономики, образования, менеджмента, науки. При этом отмечается достаточно высокая «номинативная плотность» [Карасик, 2002, с.112] концепта *инновация*, что проявляется во множественном ряде текстовых синонимов, антонимов, гиперонимов, дескриптивных выражений.

В России регионом, где пользователи чаще всего делали запросы с ключевым словом инновация, стал г. Москва. (Рис.2)

Рис.2

Здесь инновациями интересуются в контексте менеджмента, экономики, образования, науки, инвестиций, политики, социологии.

Отметим, что исследуемый знак функционирует в ряду близких ему синонимов. Так, в русском языке, знак «инновация» употребляется наряду с такими синонимами, как нововведение, новшество, новация, новинка; в китайском синонимами слова 创新 являются 革新, 新事物 – слова общего значения, принадлежащие общему узусу и, в том числе, обыденному языку и обыденной картине мира. Данные синонимы объединены в лексико-семантическое микрополе гиперсемой «новое» в русском языке и гиперсемой «新» *новое* в китайском.

Исходя из фундаментального положения семиотики о том, что за каждой знаковой формой (означающим) стоит особое содержание (означаемое), делаем вывод, что за знаком «инновация» и его коррелятом в

китайском языке стоит 1) особая концептуальная структура, структура знания; 2) особый тип коммуникативной ситуации, особый контекст, который порождает семиозис посредством именно данного знака.

Адекватным способом изучения семантики в таком ракурсе является метод этносемиологии [Серебренникова, 2011, с. 7-91] как вид концептуального анализа эволюционного плана. Семиология знака нацелена на установление всех значимых смыслов в диахронии, выявляемых в знаке по данным репрезентативных, в том числе словарных контекстов, что позволяет подойти к пониманию тех компонентов структуры знания, которая стоит за знаком. Этнокогнитивный аспект семиологии, учитывающий фактор культурной обусловленности процессов познания и структур знания, отражаемых в языке, осуществляется в сопоставлении знаков аналогичного, коррелятивного значения разных языков и лингвокультур.

Руководствуясь методикой реализации этносемиологии, обоснованной на примере анализа французского знака «la valeur» [Там же, с. 41], установим этносемиологию знака «инновация» в русском языке и знака «创新» в китайском языке в последовательном алгоритме исследования.

Этносемиология первичных форм знака в языке, реализуемая посредством этимологического анализа, внутренней формы знака и интерпретации первичных контекстов его употребления, показывает, что в русском языке знак «инновация» является заимствованием из латинского языка знака «innovatio» в форме кальки. В данном знаке приставка «in» имеет значение направления внутрь и корень «novatio» со значением изменения, преобразования [http://encyclopediya_prava.academic.ru/ (дата обращения: 1.04.2018)]. Во внутренней форме знака репрезентируется признак введения в новое состояние чего-либо и, тем самым, его изменение, преобразование от старого состояния в состояние новое, радикальное обновление (небывалое, ранее не существовавшее, более совершенное по отношению к старому состоянию). Путем инференции получаем представление о базовой основе структуры концепта, стоящего за знаком, которая ассоциативно и логически

может быть представлена оппозитивным сравнительным аксиологическим узлом «старое, устаревшее – новое, радикально преобразованное и более совершенное».

Согласно данным Национального корпуса русского языка, знак «инновация» впервые употребляется в тексте книги автора М.Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции» в 1786 г.

*Понеже Царское Величество ПЕТРЪ I, Царь Императоръ Всероссийскій, въ своемъ данномъ универсалѣ, подписанномъ сего года, 16 Августа въ Санктпетербургѣ, который нынѣ коммунированъ и объявленъ сему городу, изъ особливоу къ оному склонности и милости святое обѣщаніе даетъ, что онъ безъ всякой **инновациі** (то есть введение какого прежде сего небывалаго обыкновенія) <...> [URL: <http://www.search1.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 20.03.2016)].*

Как видим, контекстом исторически первого употребления знака «инновация» является указ (универсалия) Царя Петра 1, в котором оповещается об обещании (*святое обѣщаніе даетъ*), что город Санкт-Петербург будет развиваться наряду с привилегиями, вольностями и правами, инновациями (*инновацией*). Здесь же незнакомый, заимствованный знак получает объяснение путем дескрипции, а не одного единственного знака - *введение какого прежде сего небывалаго обыкновенія*. Таким образом, уже при первом появлении знака устанавливается достаточно сложная, составная семантика, которая организована процедурно-объектно и включает в себя компоненты: 1) отглагольное существительное «введение»; 2) контрарный (антонимичный) оборот: *небывалаго обыкновенія*; 3) интенсификатор этого оборота. Как инференциально полученный вывод из анализа внутренней формы знака, так и его объяснительное описание в первом контексте употребления позволяют утверждать, что знак «инновация» появляется изначально как «аксиологема», то есть как носитель особо значимого, ценностного смысла [Казыдуб, 2009]. Значимость содержания вводимого знака в данном контексте подчеркнута как семантикой его контекстуального

определения, так и экспрессивными средствами выражения в форме контрастности, интенсификации.

В китайском языке слово «创新» образовано при помощи субъектно-предикативной связи. Первый иероглиф 创 обозначает «основывать», «создавать», «творить», относится к числу иероглифов указательной категории, в левой части – «仓» (*амбар*), справа – «刀» (*нож*). В своем древнейшем доступном для анализа виде – в стиле цзиньвэнь – данный знак представлял собой антропологический образ, изображение лежащего человека, пересеченного вертикалями, символизирующими раны. Первоначальное значение иероглифа – «рана» – употреблялось как имя существительное. Затем слово стало использоваться как глагол в значении «ранить, повреждать, причинять вред». Впоследствии глагол приобрел более абстрактное значение «создавать» [URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%88%9B> (дата обращения: 12.05.2021)].

Второй иероглиф 新 означает «новый», а также «молодой», «свежий», относится к фоноидеографической категории иероглифов, где 辛 – фонетик данного знака (первоначальное значение: *нож для пыток*), а ключи 木 *дерево* и 斤 *топор* являются смысловыми детерминативами и несут значение «рубить деревья». В словаре 汉字字源 также отмечается, что фонетик данного иероглифа в древнейших китайских текстах датированных XIV—XI векам до н. э. имел значение «преступник», соответственно значение иероглифа 新 согласно словарю: «用斧子砍破关押犯罪的木龙, 释放罪犯» *разрубить топором деревянную клетку, освободить преступника, то есть совершить новое преступление* [汉字字源, 73 页]. Впервые сочетание данных иероглифов 创 и 新 встречаем в одной из двадцати четырех официальных династийных хроник “南史” «История Южных династий», ответственным составителем которой выступал 李延壽 *Ли Яньшоу*. В данной династийной истории в главе

«后妃传上·宋世祖殷淑仪» «Биография наложницы императора родоначальника династии Сун», написанной в 659 г. слово 创新 употребляется в следующем контексте: 据《春秋》，仲子非鲁惠公元嫡，尚得考别宫。今贵妃盖天秩之崇班，理应创新 Согласно летописи «Весны и осени», Чун Цзы не была первой женой Лу Хуэйгуна, но всё же получила отдельный дворец. Теперь наложница занимает высокое положение среди государственных чиновников, а потому ей полагается **возвести новый** [храм] [URL : <http://www.guoxuedashi.com/hydcd/63113k.html> (дата обращения: 02.06.2020)]. Таким образом, первоначально 创新 представляло собой словосочетание *возводить новое*, причем в данном контексте новое синонимично более совершенному, лучшему, более подходящему по статусу, то есть семантически сочетание имеет ценностную нагрузку.

Во второй половине XX в. китайцы стали употреблять слово 创新 в экономическом дискурсе как коррелят английского знака innovation. Уточним, что в английском языке слово «innovation» восходит к латинскому слову «novus» (новый), которое затем перешло в романские языки. Так, в этимологическом словаре французского языка 1297 г. появляются слова «novelte» и «innovatio» ((воз)обновление, перемена, нововведение). Вероятно, в эпоху Ренессанса «novelte» и «innovatio» перешли в английский язык как «novelty» (новизна, новость) и «novation» (нововведение, новшество) [Хоменко, 2011]. Знак «novation» впервые появился в английском языке в XIII в. в значении «возобновление платежей по обязательству посредством заключения договора с новым заемщиком» [Godin, 2008, p. 24]. С XVI в. по вторую половину XX в. слово «innovation» в Англии имело отрицательную коннотацию и было связано с «изменениями, а не креативностью» [Там же, p. 24], слово стало широко употребляться в XX в. С XVI по XVIII вв. инновации ассоциировались с «ересью», так как изменения, тем более радикального плана, в области политики и религии воспринимались негативно. Затем до первой половины XX в. инновации стали символом прогресса

цивилизации. С приходом капитализма инновации стали касаться не цивилизации, а экономики, и слово «innovation» стало чаще подразумевать технологические инновации. Именно это значение было профилирующим и стояло за словом 创新 во второй половине XX в. [黄远征, 2017, 30 页].

Таким образом, эволюционная этносемиотрия знаков «创», «新» в совокупности выражающих концепт *инновация* в китайском языке, выявляет этапность становления рассматриваемого концепта. Последовательно, но с сохранением компонента глубокого, сущностного изменения – преобразования, формируется содержание концепта. Изначально это процесс создания нового, характеризующийся получением травм, где новое, с одной стороны, есть непременно уничтожение старого (срубить деревья), с другой стороны – это приобретение нового статуса, взамен предыдущему (построить новый дворец). В слове заложено не только аксиологически насыщенное представление о новом как преобразенном, свежем, но данное представление ассоциировано с трудностями, даже страданиями, которые проходит объект обновления, прежде всего человек, на пути к инновациям, когда происходит избавление от пережитков старого, переход на новый, неизведанный ранее этап. Таким образом, на данном этапе анализа выявляется особая семантика китайских знаков, отличная от русского коррелята.

В русском языке введение знака «инновация» осуществляется скорее в референциальном значении технологического феномена, создаёт соотношение с такими уже существующими исконными знаками, как «новшество» и «нововведение». Выявление специфики семантики знака «инновация» в современном русском языке можно произвести путем сопоставления дефиниций данных знаков в толковых словарях.

Так, сравнительный анализ семантики синонимов знака «инновация», проведенный на основании дефиниций, взятых из Толкового словаря С.А. Кузнецова [URL: <http://enc-dic.com/kuzhescov/Innovacija-57477/> (дата обращения: 03.04.2016)] и толкового словаря «Инновационная деятельность» [URL: http://innovative_activities.academic.ru/ (дата обращения: 03.04.2016)],

Словаря науки М.Н. Сарыбекова и К.М. Сындыкназарова [Сарыбеков, 2008] показал, что в синонимической цепочке семантически знак «инновация» соотносится со знаками «нововведение» и «новшество» (которые определяются один через другой) как вид к роду. Иначе говоря, *инновация* по своей семантике включает в себя родовые семы нововведения и новшества (в том числе *новое правило, передовой образец, причина и стимул целенаправленных действий, результат интеллектуальной разработки*), но проявляет вместе с тем дифференциальные признаки, к которым относятся *использование новшества в конкретной форме; результат целостного процесса модернизации, результат творческого процесса*. Кроме того, к отличительным признакам «инновации» следует отнести *новое, позднее и, значит, отвечающее актуальным требованиям и запросам времени новшество, относящееся преимущественно к сфере управления некоторой технологически функционирующей организацией, системы, которое было воплощено на практике в продуктах, услугах или процессах*.

Для сравнения в китайском языке коррелятом русского знака «инновация» выступает концепт, представленный именем «创新», его синонимами являются слова 革新, 新事物, в которых общей семой будет являться иероглиф 新 *новое*, дифференциальными признаками будут являться компоненты *突破常规* *выход за рамки общепринятых норм и показателей (прорыв), 在特定的环境中* , *改进新的事物* *модернизация предметов и вещей в особой среде, 有益效果的行为* *действия, приводящие к положительному, выгодному результату* [URL: <http://baike.baidu.com/subview/15381/5375888.htm> (дата обращения: 02.06.2020)], *技术进步* *технологический прогресс* [皮尔斯, 1983, 290 页]. Таким образом, и русский знак «инновация», и его китайский коррелят выявляют специфику семантики, уточняя сущность специфического «нового» не как единично взятого «новшества», но как средства технологического «прорыва» в общем процессе модернизации.

Отличие знака «инновация» от его синонимов «нововведение» и «новшество» в русском языке, явно проявляется в словосочетаниях атрибутивного типа и выявляется путем метода замещения. Так, в диагностических сопоставительных контекстах встречается как словосочетание *инновационный город (Инноград)*, так и *Новоград*, где замещение атрибутивной части возможно на основе родовой семы *новый*. При этом недопустимыми будут являться сочетания *нововведенческий град, *новшеский град, так как знаки «новшество» и «нововведение» не могут выступать в качестве качественного оценочного дескриптора. В китайском языке и слово «创新», и его аналоги «革新», «新事物» могут замещать атрибутивную часть в словосочетаниях, например, *创新头脑 инновационное мышление, 革新思想 инновационная идея, идея обновления, 新事物恐惧症 боязнь нового*. Данный дифференциальный признак русского знака «инновации» указывает на имплицитный оценочно-квалификативный потенциал знака и позволяет рассматривать его изначально как аксиологему в купе с компонентами значимости «нового» как технологического средства – прорыва в целостном процессе модернизации определенной сферы или организации. Уточним, что под «аксиологемой» понимается единица или структура дискурса, в семантике которой преобладает ценностный смысл. По сути, аксиологема – знак-носитель ценностной семантики. В связи с этим делаем вывод, что знак «инновация» в настоящее время мыслится как прорывной элемент целостного процесса модернизации некоторой технологически функционирующей системы. Таким образом, определяется та специфическая структура знания, узуально закреплённая за знаком в русском языке и служащая опорой для процессов означивания, в которых знак профилирует новые аспекты семантики, обогащается ими, проявляя семантический потенциал в дискурсе.

Исходя из изначальной характеристики рассматриваемых знаков как аксиологем, уделим особое внимание оценочным компонентам в смыслах,

реализуемых знаками. Считаем целесообразным на данном этапе анализа обратиться, прежде всего, к тем трактовкам знака, которые даются в словарях, фиксирующих его употребление в функционально и профессионально определенных видах экспертного дискурса: экономическом (Большой экономический словарь А.Н. Азрилияна [Азрилиян, 1997], Финансово-кредитный энциклопедический словарь А.Г. Грязновой [URL: http://finance_loan.academic.ru/649 (дата обращения: 02.04.2016)], Экономико-математический словарь Л.И. Лопатникова [URL: <http://slovar-lopatnikov.ru/slovar/i/innovaciya/> (дата обращения: 03.04 2016)]), социологическом (Социология: Энциклопедия. А.А. Грицанова [Грицанов, 2003], Словарь терминов по социальной статистике Б. Батлера [URL : http://social_statistics.academic.ru/ (дата обращения: 01.04 2016)]), психологическом (Словарь практического психолога С.Ю. Головина) [Головин, 1998, с. 204], философском (Новейший философский словарь А.А. Грицанова) [Грицанов, 1999, с. 505], педагогическом (Словарь-справочник по педагогической психологии М.В. Гамезо [URL: <http://www.psyoffice.ru/slovar-s177.htm> (дата обращения: 04.04.2016)]), рекламном (Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз Е.Е. Топильской [URL : http://advertising_pr.academic.ru/ (дата обращения: 01.04. 2016)] и других. Словарные дефиниции в такого рода словарях могут служить репрезентативными диагностическими контекстами для целей современной семиометрии знака.

Результаты анализа показали, что определения знака «инновация» насыщены аксиологически, что выявляет и отражает его статус целевой аксиологемы зонтичного характера [Воркачев, 2003]. К ряду данных оценочных компонентов аксиологемы, имплицитующих шкалу оценки, относятся квалификаторы *новое, современное, неповторимое, творческое, усовершенствованное, существенно меняющие практику*; обобщающие номинации: *значимое изменение; научно-технические достижения, явление культуры, получившее признание; результат вложения инвестиций; создание*

и внедрение новшеств; синтезирование новых идей и ценностей; результат творческой деятельности; современный технологический процесс; пропозиции: шанс подняться на более высокую ступень развития, крайне важный элемент в политике и властной деятельности и др. В целом, под инновацией понимается принципиально новое преобразование, которое отвечает вызовам времени, является результатом технологического прогресса и достижений культуры на данном этапе эволюции и вносит коренные изменения в различные сферы жизнедеятельности человека.

Отметим, что словарные определения, имея предикативный характер, категоризируют предмет предикации, относя его к определенным категориям, которые проявляют указанный выше оценочный, ценностный смысл: *получение преимуществ перед конкурентами; результат творческой деятельности; порождение значимых изменений в социальной практике; синтезирование новых идей, ценностей; смена поколений техники и технологий; удовлетворение потребностей человека и общества; явления культуры, получившие признание; внедрение в экономику новых изобретений; модернизация; конкуренция.*

Таким образом, знак «инновация» и стоящая за ним концептуальная структура репрезентуются в виде следующих ценностно насыщенных смыслов: *новизна, прорыв, модернизация, технологии, достижения научно-технического прогресса, значимые изменения, конкурентоспособность, культурный феномен, творческая деятельность*, среди которых профилирующей составляющей будут являться технологии, высокочастотно категоризирующие знак «инновация» по данным этносемиометрии.

В «汉语大词典» («Большой китайский толковый словарь») дается следующие значение изучаемого слова – имени концепта: *抛开旧的, 创造新的* *Отбросить старое, создать новое* [URL: <http://www.hydc.com/cidian/4884.htm> (дата обращения: 12.05.2020)]. В данном определении закладывается базовая аксиологическая оппозиция *новое* –

старое, где новое возникает путем уничтожения старого. Проанализируем ценностно-насыщенный компонент *нового*, опираясь на данные этого же словаря. В словаре представлено 4 дефиниции иероглифа 新:

1) *刚有的, 刚经验到的; 初始的, 没有用过的。 только что появившийся, только что прошедший испытания, неиспользованный.*

2) *性质改变得更好。 качественно изменившийся в лучшую сторону.*

3) *不久以前。 Недавний.*

4) *表示一种有异于旧质的状态和性质。 Выражает состояние и качество, отличное от прежнего.*

На основе данных дефиниций, можем сделать вывод, что категория *新* *новый* в китайской лингвокультуре находится в оппозиции к лексемам *老* *старый* (в силу возраста) и *旧* *старый, устаревший* (в значении немодный, неэффективный), специфическим компонентом *нового* в китайском языке являются не просто изменения, а качественные изменения объекта по сравнению с предшествующим, отличные от того, что было прежде.

В китайском языке слово *创新* рассматривается как экономическое понятие и определяется следующим образом:

1) *开发一种新事物过程* [陈晓玉, 2011, 11 页]. **Процесс создания нового.**

2) *运用知识或相关信息创造和引进某种有用的新事物的过程* [Там же, 11 页]. **Процесс использования знаний или связанной с ними информации для создания и внедрения некоторых полезных новых вещей (нововведений).** Подчеркнем утилитарную прагматическую значимость компонента «пользы» в семантике слова.

3) *对一个组织或相关环境的新变化的接受* [Там же, 11 页]. **Принятие новых мер (изменений) в организации или в связанной с ней среде.** Подчеркнем компонент «организуемости», сознательной организации инноваций.

4) *指新事物本身, 具体说来, 就是指被相关使用部门认定的任何一种新的思想、新的实践或新的制造物* [Там же, 11 页]. *Нечто новое, само по себе и, в частности, это новая мысль, новая практика или новый артефакт, признанные таковым соответствующим сектором использования. Подчеркнем компонент «признанности» чего-либо как «инновации» специалистами.*

5) *创新是就是从产生新思想到行动* [Там же, 11 页]. *Это процесс от генерации до реализации новых идей.*

Результат анализа словарных дефиниций выявляет наличие у данного слова нюансированного ценностного статуса. К ряду данных оценочных компонентов аксиологемы целевого характера, имплицитующих шкалу оценки, относятся квалификаторы *新 новый, 有用 полезный*; обобщающие номинации: *新变化的接受 принятие новых изменений, 产生新思 генерация идей, 新的思想 новая мысль, 新的实践 новая практика, 新的制造物 новый артефакт.*

Оценочные характеристики знака «инновация» в русской и китайской лингвокультурах также выявляются при анализе фразеологических оборотов, в которых объективируется общее, разделенное коллективным сознанием знание. Так, в русской лингвокультуре в большинстве паремий *новое* оценивается положительно, акцент делается на необходимости обновления, актуализации старого, например: *нового доброго знай не дичись, а чего не знаешь — учись; Новому везде дорога; не бойся новизны, а бойся пустозвонства.* При этом в русской лингвокультуре не отказываются кардинально от старого, любые инновации воспринимаются с осторожностью: *нового счастья ищи, а старого не теряй; новую одежду кроят, к старой примеряют; новое — это хорошо забытое старое.* Таким образом, при анализе паремий с одной стороны высвечивается желание и стремление к обновлениям и изменениям, с другой стороны – некоторый консерватизм, неготовность проститься со старым, ориентация на имеющийся опыт, где все

старое – это освоенное, понятное, уже проверенное опытом, а новое – неопределенное, вызывающее сомнения и опасения.

Китайской лингвокультуре, как мы видим из семантики знака «新», свойственно отторжение старого. Новое появляется тогда, когда происходит разрушение старого: *旧的不去, 新的不来 пока старое не уйдёт, новое не придёт; 新陈代谢 старое уходит, новое грядёт на смену, 标新立异 вводить новшества вопреки традициям*. Китайцы ценят и уважают традиции, но при этом положительно относятся к обновлениям, изменениям. Репрезентацией такого диалектического отношения к изменениям служат многочисленные устойчивые выражения, которые отражают смыслы, легитимизирующие сложившийся социальный порядок в обществе и, следовательно, конструирующие социальную реальность. К числу таких паремий относятся: *日新月异 идти в ногу со временем, в значении непрерывно обновляться с каждым днем; 更新换代 замена новым старого (устаревшего, отжившего); 弃过图新 отвергнуть старое ради нового, перевернуть новый лист; 厌故喜新 не любить старое и наслаждаться новым*. Таким образом, репрезентация концепта *инновации* в паремиологическом пространстве китайской лингвокультуры выявляет важность и необходимость изменений, готовность к освоению и принятию нового и, тем самым отражают «габитус», то есть «ментальные структуры, при помощи которых агенты воспринимают социальный мир» [Бурдые, 2007, с. 74].

В медийном дискурсе эксперты, рассуждая об инновациях, предпринимают попытки дать определение этому феномену, часто в метафоричной форме. Так, например, в русских медиа-текстах инновация определяется через понятие (1) «регуляторная песочница», которое подразумевает процесс поиска нового, лучшего с помощью отсеивания ненужного экспериментальным путем. Инновациям дается определение при помощи включенной в концепт категории будущего: (2) *Когда мы говорим об инновациях, мы говорим о контурах нашего будущего мира*. Данное

определение представляет инновации как проекцию на желаемое будущее, к которому стремится говорящий; мир будущего не определён, но ему уже приписывается квалификация инновационного, выражается желание достичь эту интегральную аксиологическую характеристику.

В китаеязычном медиадискурсе инновациям приписываются динамические характеристики: (3) *创新是人类发展进步的不熄引擎*. *Инновации являются непрекращающимся мотором для развития и прогресса человечества*. В данном определении при помощи метафоризации инновации включаются в категории развития и прогресса, высвечивается высокая значимость инноваций для развития всех сфер общества, при помощи метафоры *引擎* выражается необходимость в инновациях, без них не мыслится будущее, наблюдается застой, так же, как и без мотора, машина не сможет двигаться.

Полученные данные этносемиотрии знаков «инновация» и его коррелята в китайском языке показали, что оба слова характеризуются высокой частотностью употребления в современном дискурсе. Анализ этимологии знаков выявил их аксиологический статус. Будучи целевыми аксиологемами, изначально знаки несут в себе общий компонент *новое*, однако в слове *创新* новое не просто вступает в оппозицию новое – старое, но и является аксиологически нагруженным компонентом, который несет в себе смысл возникновения нового путем уничтожения или преодоления старого. В русском языке знак «инновация», в отличие от его синонимов, может выступать в качестве оценочного дескриптора в словосочетаниях атрибутивного типа, в китайском языке во многом из-за типа языка, слово *创新* и его синонимы могут в равной степени замещать атрибутивную часть словосочетания.

На этапе выявления ценностных смыслов путем анализа репрезентативных диагностических контекстов были установлены общие компоненты в концептуальной структуре знаков: «новое», «технологии»,

«модернизация», «прогресс», «процесс», «результат», «прорыв». Специфическими для русского языка являются ценностно насыщенные категории, в которые семантически и концептуально оказывается включен знак «инновация», а именно: «конкурентоспособность», «культурный феномен», «достижения», «творчество», «будущее»; для китайского – «развитие», «основной элемент движения вперед», «мысль», «идея», «практика», организуемая и управляемая специалистами. В целом, по результатам этносемиологии, можно заключить, что концепт *инновация* представляет собой аксиологему целевого характера в сравниваемых лингвокультурах. Исходным, базовым концептуальным узлом в структуре концепта является аксиологически поляризованное сравнительное соотношение «старое – устаревшее – введение в новое состояние – радикально изменившееся, более совершенное, более современное». Включенность инноваций как основного элемента (мотора) развития и модернизации, её условия и характеристики самого процесса, обеспечивающего прорыв в желаемое будущее, не только свидетельствует о его ценностном статусе объекта всеобщего интереса и позиции цели-идеала, но и открывает возможные модусы его осмысления в современном дискурсе, касающиеся оценивания инноваций в мире реального, способы их внедрения для достижения целевого желаемого будущего, что сопряжено с трудностями, рисками, неопределенностью, готовностью к действиям.

Для реализации валоризирующего дискурса об инновациях важна достаточно сложная семантика современного знака. В семантике знака профилируется признаковое знание (новое, целевое, творческое, желаемое, необходимое, преодолевающее устаревшее, способное уничтожить старое); сущностное знание (движитель модернизации, технологический прорыв, принципиально новое преобразование, вносящее значимые изменения в различные сферы жизнедеятельности человека). Наряду с этим профилируется и процедурное знание о том, как действовать по отношению к инновациям (создавать, организовывать, предпринимать меры, принимать, быть готовым к

их осуществлению), хотя именно процедурное знание остаётся недостаточно детализированным. Также следует отметить, что знание о степени готовности общества к инновациям и их внедрению остаётся на уровне желаемых, идеальных декларируемых максимум (открытость к новому, а не ретроградность, сотрудничество, обмен идеями, гибкость, мобильность, конкурентоспособность). Данные проведенной этносемиотрии знака «инновация» и его китайского коррелята схематично представлены на схемах (рис.3, рис.4).

Рис.3.

Концептуальная модель структуры знака «инновация» и по результатам этносемиотрии

Как видно из рисунка 3, в концептуальной структуре знака «инновация» заложена контрастная аксиологическая оппозиция «новое – старое». В русской лингвокультуре «новое» включает в себя семы небывалое,

неопределенное, передовое, современное, неповторимое, усовершенствованное, вносящее существенные изменения. В ближней периферии концепт *инновация* понимается одновременно и как *результат*, и как *процесс* внедрения новых **технологий**, который приводит к *значимым изменениям*, является *результатом модернизации и научно-технического прогресса*, способствует *повышению конкурентоспособности*. К дальней периферии относим сферу, в которую внедряются инновации – *экономику*, а также сферы *творчество, культура, достижения, будущее*, с помощью которых концепт осмысливается как особо значимое явление *культуры* в мире желаемого и возможного *будущего*, *достижение* которого возможно в результате *творческой деятельности*.

Рис.4.

Модель структуры концепта *创新* по результатам этносемиотрии

Как показывает рис. 4, внутренняя форма слова 创新 включает в себе сходную с русским знаком аксиологическую оппозицию «новое – старое», при этом анализ этимологии знаков выявил специфическую категоризацию инноваций, свойственную китайской культуре: инновации представляют собой внедрение нового через отказ/уничтожение старого. Таким образом, базовую ценностную оппозицию, раскрывающую концептуальное содержание в структуре слова, можно сформулировать как: создание нового – уничтожение старого. В ближней периферии концепта 创新 высвечиваются общие с концептом *инновации* компоненты в структуре знака, а именно: *科技* технологии, *(性质) 改变* (качественные) изменения, *突破常规* прорыв, *改进* модернизация, *科技进步* технологический прогресс. Инновации также осмысляются с точки зрения полученного результата от их внедрения (*有益效果* выгодный результат) и процессуальности (*开发一种新事物过程* процесс создания нового). Этноспецифичной базовой категорией в структуре концепта является категория *发展* развитие. Сфера использования концепта 创新 в большей степени – это *经济* экономика. К дальней периферии также отнесем этноспецифические категории *新的思想* новая мысль, *新的实践* новая практика, *新的制造物* новый артефакт. Инновации мыслятся как изменения в сфере технологий, которые качественно преобразуют жизнь, что говорит о том, что концепт инновации выходит на новый уровень осмысления, преодолевая признак некоторого отдельного процесса, элемента, инструмента, вносящего новшество, к признаку целевой перспективы общества.

Таким образом, в знаке «инновации» и его китайском корреляте выявляется общий базовый оппозитивный узел по сущности и признакам явления, а также ценностные категории, включенные в знак «инновация» в китайской и русской лингвокультурах по результатам этносемиометрии. В обоих языках знак «инновация», будучи аттрактивной целевой аксиологемой общего, коллективного знания, находится в состоянии формирования своего концептуального содержания, что в динамическом подходе к пониманию

дискурса разворачивает траекторию дискурсивизации, имеющую валоризирующий характер и позволяющую выявить векторы изменения структуры концепта *инновации* в виде формирования новых узлов оппозитивного и коррелятивного планов.

1.5. Моделирование параметров реализации аксиологической стратегии в дискурсивизации

Раскрытие параметров реализации аксиологической стратегии в исследуемом типе дискурса требует, прежде всего, отграничения самого понятия «дискурс об инновациях». Обратимся к типологическому подходу к дискурсу для уточнения данного понятия.

Вопрос о типологии дискурса затрагивали многие исследователи: В.И. Карасик [Карасик, 2000], ван Дейк [Дейк, 1989], Г.Г. Почепцов [Почепцов, 2001], А.А. Кибрик [Кибрик, 2003], В.Б. Кашкин [Кашкин, 2004] и др. Единого взгляда на типологию дискурса не существует, так как исследователи выдвигают различные основания для классификации. Так, например, выдвигая в качестве критерия канал передачи информации, выделяют устный, письменный, а также гибридный тип дискурса, соединяющий в себе признаки устного и письменного типа [Кашкин, 2004, с.20]. По критерию медийного канала передачи информации выделяется как особый медийный дискурс.

При выдвигании в качестве объекта «дискурс об инновациях», анализируются все вышеперечисленные разновидности дискурса, поэтому для определения принадлежности дискурса об инновациях к определенному типу целесообразнее воспользоваться классификацией, предложенной В.И. Карасиком о разграничении институционального и персонального типов дискурса. Основанием для разграничения является формирование и функционирование дискурса внутри, вокруг какого-либо социального института или вне его. В соответствии с этим выделяется персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) типы дискурсов. Персональный дискурс связан с

ситуациями, когда «говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира», он включает в себя два вида: бытовой и бытийный. Институциональный дискурс представляет собой «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, где количество подвидов дискурса напрямую связано с существованием различных социальных институтов» [Карасик, 2000, с.5]. Так, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, юридический, военный, педагогический, медицинский, деловой, научный и др.

Согласно представленной классификации, медийный дискурс об инновациях относится к институциональному типу дискурса исходя из сферы его функционирования внутри институции СМИ, и представляет собой целевую коммуникацию посредством медийных сообщений/текстов в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Институциональное медийное коммуникативное пространство образовано дискурсами, референциально относящимися к различным функциональным сферам общества, например, экономике, политике, спорту, искусству и так далее, которые являются предметными областями данных дискурсов.

Вместе с тем, возможно выделение типа медийного институционального дискурса по критерию единства темы, выступающей в качестве единого дискурсного топика, за которым стоит организующий данный дискурс концепт. В этом случае можно утверждать, что дискурсы, объединенные общей темой, образуют некоторый фрагмент более общего дискурсивного пространства, конституируемого определенными дискурсивными формациями, представляющими некоторые, соотносящиеся друг с другом дискурсивные позиции по одному топикю. Медийный дискурс об инновациях, по определению, относится к такого типа дискурсам. По критерию соотношения с предметными сферами его следует отнести к сквозным дискурсам, относящимся к различным предметным областям медийного пространства, например, к данному дискурсу об инновациях следует отнести дискурс об инновациях в менеджменте, в педагогических технологиях, в медицине, макроэкономике, политике, социальной сфере и т.д. При этом,

исходя из рефлексивно-аксиологического статуса самого концепта *инновация*, организующего дискурс, а также статуса медиатора – субъекта дискурсивной позиции по теме инноваций, считаем возможным уточнить, специализировать квалификационную характеристику медийного дискурса об инновациях как экспертного типа медийного дискурса.

Определение «экспертный» по отношению к дискурсу об инновациях указывает на то, что его субъектами и, одновременно, адресантами сообщений для публичного социального адресата в масс-медийном пространстве являются медиаторы, специально занимающиеся проблемами инноваций и обладающие специальными знаниями по теме благодаря опыту рефлексивной или производительной деятельности: аналитики, экономисты, политики, журналисты, исследователи, писатели и т.д. Константами дискурса об инновациях как вида экспертного дискурса выступает форма дискурса: медийное сообщение, структурированное в тексте; дискурсивный топик, по которому конструируется оценочный смысл по принципу значимости, что и составляет траекторию реализации дискурсивизации [Плотникова, 2013].

Термин «дискурс экспертного сообщества» ввел А.М. Каплуненко, определяя данную разновидность дискурса как «речевую деятельность, участники которой вырабатывают и канонизируют специальное знание об объекте» [Каплуненко, 2012, с. 177]. Экспертное сообщество представляет собой «группу экспертов в той или иной сфере, объединённых профессиональной компетенцией в отношении определенного количества жанров, с помощью которых осуществляются специфические коммуникативные цели» [Карымшакова, 2015, с. 25].

Статус эксперта в той или иной области определяет точку зрения – позицию эксперта по проблемно поставленной в дискурсе тематике, имеющей ценностную перспективу интерпретации путём осмысления – возведения ценностно-насыщенного дискурсивного топика «инновации» в шкале значимостей, профилирующих ценностные смыслы. Позиция эксперта по поставленному вопросу отграничивает горизонт ожидания от дискурса как авторитетного вклада в решении проблемной ситуации по заданной в

дискуссии проблематике и ориентирует на достижение дестинации как когнитивной предназначенности дискурса. Валоризация концепта в траектории дискурсивизации имеет сквозной характер и сопровождает весь процесс дискурсивизации от начальной точки – интенциональности до конечной – дестинации. Валидация позиции эксперта последовательно реализуется в дискурсе, прежде всего, на основе аргументации, посредством разного типа аргументов.

Как следствие, в дискурсе об инновациях основными компонентами его типологической характеристики как вида медийного институционального экспертного дискурса являются 1) экспертная позиция адресанта (субъекта дискурса), 2) тематическая константа – дискурсивный топик, обращенный к концепту *инновация* и 3) ценностная перспектива дискурсивизации как вариативной интерпретации топика. Тем самым определяются и параметры коммуникативной прагматической ситуации реализации дискурса об инновациях как социальной дискурсивной практики, направленной на конструирование социально важных смыслов путём убеждения социального целевого адресата в значимости выдвигаемой позиции по данному топик/концепту.

Таким образом, дискурс об инновациях определяем как тип институционального дискурса и вид экспертного дискурса, организованного вокруг концепта *инновация*. Критерием отграничения данного вида дискурса являются тип адресанта в коммуникации и дискурсивный топик – инновация, репрезентирующий концепт, организующий дискурсивизацию и, следовательно, интенциональность, стратегичность и дестинацию дискурса.

Руководствуясь данным отграничением, уточним моделирование параметров реализации аксиологической стратегии в дискурсе об инновациях.

Под моделированием в общем смысле, с одной стороны, понимается «исследование каких-либо явлений, процессов или систем объектов путем построения и изучения их моделей»; с другой стороны – «использование моделей для определения или уточнения характеристик и рационализации, прогнозирования способов построения вновь конструированных объектов»

[Сарыбеков, 2008, с. 188]. Модель представляет собой схематизированный аналог более сложного объекта, своего рода «рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [Карасик, 2012, с. 43].

Установим путем моделирования параметры реализации аксиологической стратегии в валоризирующем типе дискурса, к которому относится дискурс об инновациях. Исходя из обоснования положений о том, что ведущим параметром реализации аксиологической стратегии является модус, который определяется принципом значимости, организующим аргументацию дискурсивной позиции, а также исходя из результатов анализа нашего корпуса примеров, выделим, прежде всего, сущность ведущего параметра, по которому классифицируются тексты, опредмечивающие дискурс об инновациях. По данному критерию выделяются следующие модусы реализации аксиологических стратегий: модус критического, футурологического и оптимизирующего планов.

Выделение данных модусов определяется, прежде всего, содержанием общего экзистенциального модуса, отграниченного выше, на основе лингвоаксиологического подхода к мировоззренческим доминантам человека говорящего и оценивающего, а также выделенным в результате этносемиометрии ценностно-целевым статусом концепта *инновация*, организующего дискурсивные позиции по топику, за которым стоит данный концепт. Выделение модусов основано также на системном и интерпретативном анализе нашего корпуса данных.

Профилирование критического модуса обусловлено доминированием в дискурсе, организованном концептом *инновация*, критического оценочного отношения относительно предмета обсуждения. Квалификация «критический» в словарях трактуется как «способный к здравому суждению, к оценке, основанной на исследованиях и доказательствах» [URL: <http://endic.ru/fwords/Kriticheskij-18695.html> (дата обращения: 23.10.2020)]. Таким образом, в критическом модусе говорящий аналитически подходит к

рассмотрению предмета обсуждения с целью вынесения собственного, относительно независимого суждения о реальности состояния дел в актуальной ситуации, «мире действий» (Г. Риккерт).

В парадигме футурологического модуса в дискурсе, организованном концептом *инновация*, говорящий очерчивает и моделирует мир будущего, прогнозирует вероятность наступления событий, связанных с предметом обсуждения. Футурология в широком смысле представляет собой совокупность «разнообразных исследований и концепций о будущем человечества» [Мазаник, 2020]. Таким образом, квалификация «футурологический» применительно к модусу трактуется как моделирующее видение образа будущего, которое связано с представлением некоторого объекта сегодняшнего мира в возможностях его трансформации до будущего желаемого состояния и касается широкого спектра осмысления образа жизни, способа действия в сценариях будущего.

В модусе оптимизирующего плана в дискурсе с топиком «инновация» доминирующим концептом оценочного плана становится «оптимизация», которая по данным словарей трактуется как «выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных; улучшение какого-л. процесса для достижения его максимальной эффективности» [Кузнецов, 1998]. Квалификация «оптимизирующий» модус исходя из семантики данного слова, означает «привносящий оптимизацию, усовершенствование» и подразумевает высказывание, отражающее процедурное знание (в терминах Е.С.Кубряковой): способ организации действий, средства, инструменты усовершенствования технологий и, в целом, деятельности, касающейся некоторого феномена. Таким образом, в модусе оптимизирующего плана говорящий предпринимает попытки трансформировать ценное отношение к дискурсивному топикю через обозначение абсолютной цели, ориентиров и конкретных шагов как способов реализации цели, к осуществлению которых призывает стремиться говорящий для достижения мира желаемого, тем самым в процессе дискурсивизации придается особая значимость концепту *инновация*.

Каждый из данных модусов раскрывается в траектории дискурсивизации на уровне интенциональности, аргументации и дестинации. Раскроем каждый из данных параметров в общем моделировании реализации аксиологической стратегии.

Параметр «интенциональность» как категория, лежащая в основе стратегичности и являющаяся точкой роста в дискурсе, подразумевает свойственную данному модусу направленность сознания говорящего на определенный объект и действие, реализуемую в коммуникативной интенции, намерении что-то сообщить [Серль, 1987]. Интенциональность – базовый элемент дискурса, который он продуцирует [Ушакова, 2000, с. 10]. Интенции как имманентные направленности субъекта речи на объект переживания (концепт) образуют «глубинное психологическое содержание речи» [Афиногенова, 2012, с. 257], которое связано с видением мира субъектом, его желаниями, нуждами, внутренними установками, потребностями, а также целями деятельности. Интенции проявляются в тот момент, когда субъект речи вводит осмысляемый объект реальности в свое сознание для реализации последующих действий. Понимание истинных намерений говорящего во многом определяется интенциональным аспектом речи.

Интенциональность, определяя точку зрения говорящего, его установку и смысл (базовый концепт), организующий высказывание, проецируется на аксиологическую стратегию, которая как линия валоризации реализуется посредством использования аттрактивных средств – аргументов в их роли оснований для повышения / понижения статуса высказываемого смысла при осмыслении и оценивании предмета дискурса.

Аргументация как параметр дискурсивизации отражает принятие решения говорящим о способе профилирования и продвижения своего особо значимого смысла; представляет собой процесс приведения аргументов и доводов с целью изменения позиции или убеждения другой стороны. В структурном плане аргументация состоит из ряда пропозиций, выдвигаемых в защиту точки зрения. В валоризирующем дискурсе аргументация носит аксиологический характер, при большей или меньшей степени

эксплицированности оценивания в структуре дискурса. Аксиологическая аргументация имеет под собой оценочное основание и задается принимаемыми субъектом ценностными ориентирами, а также существующей в его сознании моделью мира. На уровне аргументации выделяются свойственные каждому из модусов частные аргументативные стратегии, которые заключаются в совмещении различных типов оценок: общей, количественной, прототипической, гомеостатической [Баранов, 1989]; различные типы аргументов: логические / рациональные (приведение фактов, опора на статистику, научные теории и т.д.), аналогия, метафора, апелляция к образу, авторитету, здравому смыслу в сочетании с оценочными высказываниями. Аксиологическая аргументация может разворачиваться как в направлении консолидации ценностей говорящего и слушающего, так и в изменении иерархии ценностей сторон. Аргументативный путь оценочной концептуализации в траектории дискурса ориентирует его в нужном говорящему направлении, подводя к конечной целевой доминанте, завершающей траекторию дискурсивизации – дестинации.

Дестинация как параметр является вкладом в оценочное разъяснение референциальной ситуации и «отражает когнитивно-оценочную установку говорящего на целевую роль высказываемого смысла в коммуникации для целевого адресата» [Попова, 2017, с. 24]. Дестинаторность является результирующим этапом смыслообразования. В случае достижения максимального эффекта воздействия от коммуникации дестинация совпадает и отражает когнитивно-оценочную установку говорящего на целевую роль высказываемого смысла. Направленность говорящего на дестинацию активизирует выбор аксиологической стратегии и аргументации, в основе стратегичности лежит категория интенциональности.

На уровне дестинации как вклада данного дискурса в конструирование нового видения предмета дискурсивации (дискурсного топика) в коммуникативном пространстве каждому из модусов свойственны дискурсивные структуры выводного смысла, которые финализируют дискурс, в том числе концептуальные оппозиции, новые понятия, новые метафоры,

обогащающие концептуальную структуру, стоящую за осмысляемым концептом. На этапе дестинации инферируется новое целевое видение концепта, он обогащается новыми смыслами и качествами, тем самым изменяется статус аксиологемы. Дестинацию рассматривают не только как вклад в изменение состояния проблемной ситуации по отношению к реализованному дискурсу, но и шире, с точки зрения содержательного вклада в предмет (концепт) обсуждения как способ конструирования нового знания, приращение нового смысла. В нашем исследовании, вслед за И.А. Якоба, эффективность дискурса, связанная с достижением дестинации, выводится не по прагматическому измерению перлокутивного эффекта, но по способу структурирования дискурса, сущности аргументации и реализации дискурсивных стратегий [Якоба, 2019].

Таким образом, дискурс об инновациях относим к институциональному типу, экспертному виду дискурса, организованного вокруг аксиологически нагруженного концепта *инновация*. Исходя из сущности ведущего параметра реализации аксиологической стратегии – модуса, который создает концептуально-оценочную рамку валоризирующего дискурса, были выявлены три аксиологические стратегии: футурологическая, оптимизирующая и стратегия критического плана. Сущность и реализация вышеупомянутых стратегий раскрывается в процессе дискурсивизации через категории интенциональности, аргументации и дестинации, формирующие траекторию дискурса в динамике «здесь» и «сейчас» с целью внести свой вклад в разъяснение дискурсного топика в ситуации когнитивной неопределенности и вывести осмысляемый объект на новый уровень его концептуализации и оценивания путем конструирования новых узлов в его концептуальной структуре в коммуникативном социальном пространстве.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В русле динамического подхода к анализу дискурса оценочная концептуализация осуществляется вокруг опорного концепта в актуально происходящей траектории дискурсивизации в коммуникативном пространстве от начальной точки – установок, интенциональности, проецируемых на стратегичность и аргументацию, – до завершающей точки, определяемой как достижение дестинации дискурса в коммуникации. Стратегия в модели траектории дискурсивизации носит аксиологический характер, обусловленный оценочным характером концептуализации. Под аксиологической стратегией понимается оптимальный способ конструирования наиболее значимого для медиатора ценностного смысла, который выводит осмысляемый объект на новый уровень интерпретации в его познании в экзистенциальных координатах и оценочной перспективе от реальности к необходимому, желаемому, должному.

Ведущим принципом в моделировании аксиологической стратегии является принцип значимости, который определяет модус структурирования смысла. Модус понимается как ведущий параметр аксиологической стратегии дискурса, отражающий конструирование, способ видения мира и призванный валоризировать субъектно формулируемое высказываемое. Модусный подход к дискурсивизации как вербализации смысла в высказывании прослеживается во всех компонентах траектории дискурсивизации, от исходных установок, интенциональности, которые определяют модус высказывания, то есть проецируют соответствующую стратегию, до дестинации. Реализация валоризирующего дискурса по модели дискурсивизации позволяет осмыслить конструирование ценностного смысла в нем по отношению к предмету осмысления, выявить изменения ценностных ориентиров осмыляемого концепта, характерные для данного момента времени, направленные на достижение желаемого, должного, необходимого, заключающиеся в

формировании новых узлов – связей в структуре концепта коррелятивного и оппозитивного планов.

Концепт *инновация* по данным этносемиологии является ценностно насыщенным концептом, отличающимся неопределенностью в интерпретации, репрезентированным именем – целевой аксиологемой и её дискурсивными коррелятами; определяется по внутренней форме данного знака как процесс, результат и инструмент введения нового, принципиально, радикально преобразующего старое. В структуре данного знака исторически заложен оппозитивный узел «старое – устаревшее – введение в новое состояние – радикально изменившееся, более совершенное, более современное», а также ценностно насыщенные категориально-оценочные компоненты, отражающие некоторое накопленное признаковое, сущностное и процедурное знание: прорыв, культурный феномен, технология, артефакт, инструмент, мысль, идея. Концепт *инновация* является зонтичным концептом для таких совмещенных с ним концептов, как *модернизация, технологизация, конкуренция, прогресс*.

Анализ этимологии китайского слова 创新 выявил специфическое понимание инноваций, свойственное китайской культуре: инновации представляют собой внедрение нового через отказ/уничтожение старого и раскрывают концептуальное содержание в своей структуре в виде ценностной оппозиции: создание нового – уничтожение старого.

В русской и китайской лингвокультурах в ближней периферии концепт *инновация* осмысливается одновременно с точки зрения полученного результата от внедрения новых технологий и процессуальности. В ближней периферии концепта 创新 высвечиваются общие с концептом *инновации* компоненты в структуре, а именно: 科技 технологии, (性质) 改变 (качественные) изменения, 突破常规 прорыв, 改进 модернизация, 科技进步 технологический прогресс. Этноспецифической категорией в ближней периферии знака «инновации» по результатам этносемиологии является

категория конкурентоспособность, для концепта, представленного именем «创新» – категория 发展 *развитие*. К дальней периферии знаков «инновация» и «创新» относится сфера, в которую в большей степени внедряются инновации – 经济 *экономика*, а также такие целевые сферы как *творчество, культура, достижения, будущее*, характерные для русской лингвокультуры и этноспецифические категории 新的思想 *новая мысль*, 新的实践 *новая практика*, 新的制造物 *новый артефакт*, типичные для китайской лингвокультуры. Концептуальное содержание данного знака находится в состоянии формирования и актуализации.

Дискурс об инновациях относится к типу институционального дискурса и виду экспертного дискурса, организованного вокруг ценностно насыщенного концепта *инновация*, в котором в ситуации когнитивной неопределенности транслируются, продвигаются особо значимые смыслы, высказывается точка зрения говорящего, оценочное отношение относительно дискурсного топика. Таким образом, модусы создают концептуально-оценочную рамку валоризирующего дискурса, и определяют аксиологическую стратегию – целенаправленный способ продвижения особо значимого смысла в траектории дискурсивизации. Анализ текстов с топиком «инновация», репрезентирующих дискурсивную позицию экспертов, журналистов, аналитиков, показал, что аксиологические стратегии дискурса об инновациях реализуются в парадигме трех модусов: модуса критического, футурологического и оптимизирующего планов, которые раскрываются в траектории дискурсивизации на уровне интенциональности, аргументации и дестинации.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ДИСКУРСА ОБ ИННОВАЦИЯХ В МОДУСНОЙ МОДЕЛИ АНАЛИЗА

2.1. Аксиологическая стратегия критического плана

Аксиологическая стратегия критического плана проецируется критической интенциональностью, фокусированием дискурсивизации на реальность референциальной сферы инноваций, профилированием «истинностного» положения дел в данной реальности и, на уровне дестинации, нацелена на конструирование таких аксиологических параметров ситуации, которые апеллируют в коммуникативном пространстве к необходимости изменения реальности.

Задачей нашего анализа реализации стратегии критического плана является выявление способов аксиологической параметризованности данного вида валоризирующего дискурса, а также способов критической аргументации, которые, будучи элементами оценочной концептуализации, рассматриваются как компоненты, вносящие вклад в обновление структуры концепта *инновация*.

Как показывает наш анализ, основным способом аксиологической параметризованности дискурсивизации данного вида является явно негативная девалоризация, прежде всего, «факторов» референциальной сферы инноваций на фоне общепринятого положительного восприятия реализованных инноваций:

- (4) *Много лет с высоких трибун звучит мысль, что на смену нефти и газу должны прийти инновации. На эти цели ежегодно выделяются сотни миллиардов казённых рублей. Если верить бравым отчётам, Россия неуклонно ползёт вверх в международных рейтингах инновационного развития. Однако с этим явно что-то не так: бизнес к инновациям индифферентен, возобновилась утечка умов, а открытия российских учёных уже много лет не котируются у Нобелевского комитета.*
- (5) *我国科技管理体制还不能完全适应建设世界科技强国的需要, 科技体制改革许多重大决策落实还没有形成合力, 科技创新政策与经济、产业政策的统筹衔接还不够。 Система научно-технического управления*

нашей страны ещё не полностью отвечает требованиям создания мировой научно-технической великой державы. Многие важные решения по реформированию системы управления науки и техники еще не сформировали единую силу; интеграция нового политического курса в области науки, техники и инноваций с политикой в области экономики и производства ещё недостаточна.

Как видим из примера (4), позиция говорящего по отношению к дискурсивному топику – ситуации с инновациями в стране аргументируется способом структурирования базовой аксиологической оппозиции: *нефть и газ – инновации*, тем самым в структуре концепта конструируется оппозитивный узел эквиполентного типа «реализованные инновации – должны инновации». Экспликация оппозиции мира реального и мира должного, необходимого профилируется в примере (5) с помощью аргументов негативной оценочной предикации *不能完全适应 не полностью отвечает требованиям, 还没有形成合力 не сформировали единую силу, 还不够 еще недостаточно*, для фокусализации и означивания цели – *建设世界科技强国 создания величайшей в мире научно-технической державы*. В результате в процессе оценочной концептуализации конструируются новые смыслы в виде коррелятивных узлов констеллятивного типа: *技术 технологии – 产业 производство, 改革 реформы – 管理 управление*.

Аксиологическая оппозиция может реализовываться как посредством противопоставления самого концепта *инновация*, так и его отдельных признаков, так, например, противопоставление имеющихся инноваций финансовой сферы в мире реальном и в мире должном, желаемом могут высвечиваться с помощью дефиниций и оценочных операторов:

- (6) “伪创新”——无效创新的滥竽充数。 <...> “跛脚创新”——前台创新与中后台创新不平衡。 <...> “沙滩创新”——模式创新背后缺乏科技创新支撑。 <...> 真正的创新，是围绕金融需求的创新，是优化竞争格局的创新，是满足用户需求的创新，是符合法律规范的创新。 Псевдо-

инновации» – переполнение неэффективными инновациями. <...> «Хромые инновации» – дисбаланс между передовыми инновациями и инновациями среднего уровня. <...> «Пляжные инновации» – отсутствие поддержки научных и технологических инноваций, стоящих за типовыми инновациями. <...> Настоящие инновации – это инновации, связанные с финансовыми потребностями, инновации, оптимизирующие конкурентную среду, инновации, отвечающие потребностям пользователей, и инновации, соответствующие правовым нормам.

Осмысление отношения к имеющимся инновациям в мире реальном конструируется через оппозицию *伪创新, 跛脚创新, 沙滩创新 – 真正的创新* псевдо-инновации, хромые инновации, пляжные инновации – настоящие инновации, отражающую точку зрения говорящего на внедрение и реализацию инноваций в финансовой сфере Китая, а также видение концепта *инновации* в процессуальном, действенном плане. На фоне обесценивания имеющихся инноваций и квалификации их с точки зрения неэффективности, отсталости, слабой мотивированности, несбалансированности высвечиваются качества *真正的创新* настоящих инноваций при помощи предикаций, выступающих в позиции определения к инновациям: охватывать финансовые потребности, оптимизировать конкурентную среду, отвечать потребностям пользователей, соответствовать правовым нормам. На этом фоне конструируются выводные ценностные смыслы в виде оппозитивных узлов привативного характера: *无效* неэффективный, бесполезный – *有效* эффективный, полезный; *缺乏支撑* отсутствие поддержки – *支持* помощь, содействие; и коррелятивного узла констеллятивного плана *优化* оптимизация – *竞争* конкуренция. Оценивание выявляет и вершину нормативно-идеальной концептуальной шкалы – фрейма оценивания: *Нобелевский комитет* (4), *успехи компаний из Кремниевой долины* (7).

Одновременно аксиологическая параметризация реализуется путем ироничного перевода дискурсивизации в «альтернативный» анти-мир. Отношение к реализованным инновациям представлено в ироничной форме, что эксплицитно осуществляется при помощи квалификатора *бравый* (4).

Критическая интенция профилируется и продвигается в аргументации путем использования:

- аргументов оценочной квалификации девалоризации в предикативных структурах: *бравые отчеты, бизнес индифферентен;*

- аргументов с опорой на образный потенциал устойчивых сочетаний, на частную гомеостатическую стратегию осмысления инноваций: *возобновилась утечка умов, открытия не котируются* (4).

Интенциональная направленность и аргументация в аксиологической стратегии продвижения критического ироничного смысла выводят, финализируют высказывание на поиск решения выхода из представленной критической ситуации:

(7) Успехи компаний из Кремниевой долины уже давно вызывают стойкое желание государственных управленцев построить нечто подобное в своих странах. <...> Пока растить стартапы и создавать на них спрос в пределах страны особо не получается, я хочу обратить внимание на другие возможности для России в венчуре.

В данном примере отметим эксплицитность модальности говорящего как репрезентации модуса его дискурсивизации: *я хочу обратить внимание на другие возможности для России в венчуре*. Такого рода интенция является точкой зарождения критического видения ситуации, она возникает на контрасте с миром реальным, где девалоризируется процесс внедрения инноваций.

Валоризация инноваций в коммуникативном русскоязычном пространстве может происходить на фоне очернения, обесценивания инновационного курса других стран с опорой на стратегию обвинения:

(55) *Китай много лет использует заимствование технологий развитых стран в качестве одной из национальных идей. На этот факт обратил внимание директор ФБР Кристофер Рэй, который заявил, что китайцы активизировали кражу разработок в сфере электрического транспорта. «Мы видим, как китайские компании крадут американскую интеллектуальную собственность, чтобы избежать жесткой борьбы за инновации, а затем используют ее, чтобы конкурировать с теми американскими компаниями, которые они преследовали, фактически обманывая дважды», — заявил глава Федерального бюро расследований.*

В представленном фрагменте (55) обвинительная интенция эксплицитно прослеживается с помощью аргументов аксиологической поляризации с использованием средств негативной оценочной предикации как эвфемистического характера (*использует заимствование технологий*), так и предикатов с выраженной негативной смысловой нагрузкой, которые являются репрезентантами экспертного мнения относительно проблемно осмысляемого предметного топика (*активизировали кражу, крадут американскую интеллектуальную собственность; обманывая дважды*). На первый план выходит ярко выраженная обвинительная интенция, которая нацелена на дискредитацию инноваций Китая и валоризацию на этом фоне американских технологий. В результате конструируются выводные ценностные смыслы в виде оппозитивного узла привативного характера: *оригинальные инновации – заимствованные («ворованные») инновации.*

Критический модус эксплицитно репрезентуется при помощи выражений с эпистемической модальностью, которая отражает оценочное отношение значения высказывания к реальной ситуации относительно ее достоверности/недостоверности по мнению говорящего:

(4) *Создаётся впечатление, что власти не так и важны реальные инновации.*

Модальность в сфере критического вектора размышления в примере (4) выражается при помощи модального оператора с относительно невысокой степенью верифицируемости: *создается впечатление*, тем самым субъект даёт негативную оценку действиям властей по поддержанию инновационного курса в стране, что с необходимостью валоризует концептуальный топик, в том числе и с помощью квалификаторов, имплицитующих оценку со знаком «+» по шкале значимостей: *важный, реальный*.

Одним из частотных способов аргументации в реализации аксиологической стратегии критического модуса является эвалюация [Тванба, 2013] – аргументация в принятии решения по дискурсивному топик, основанная на использовании объективной, наблюдаемой, поддающейся определённому измерению, фактологической, терминологически точной, в том числе экономической информации, в оценке феномена или ситуации, часто на основе количественной стратегии аргументации, переходящей в гомеостатическую стратегию, как это видим в примере (8), (9):

(8) *科学是技术创新的主要源泉，科学基础薄弱，颠覆性技术就很难甚至冒不出来。为什么会出现这种情况呢？原因就在于基础研究的经费比例偏低，大概只有 5%左右，而就是这 5%，还包括基础性研究和应用基础研究，和美国的 17%左右相比少得可怜。Наука – главный источник технологических инноваций. При слабой научной базе трудно или невозможно появление прорывных технологий. Почему это происходит? Причина в том, что доля финансирования фундаментальных исследований относительно низка – около 5%, и эти 5%, которые также включают фундаментальные исследования и прикладные фундаментальные исследования, ничтожны по сравнению с 17% в Соединенных Штатах.*

(9) *«Время сжигания мусора безвозвратно ушло, инновации сделали его переработку прибыльным делом. Прибыль на тонну мусора в год — \$ 30, на каждого жителя — по \$7. Экономически сжигание мусора — разорительное предприятие, в 4 раза дороже переработки. <...> В*

Европе огненной переработке подвергают лишь 5% мусора, ибо только непутевый человек сжигает вперемишку градусники, электронику, краски и лаки. У нас здоровье побоку, инновации — на бумаге. Важно получить доступ к жирному бюджету. Мусор не пахнет».

Валидация позиции субъекта высказывания в примере (9) также осуществляется путем эвалюации с использованием частной аксиологической стратегии перехода от количественной к общей оценке, которая верифицирует позицию субъекта высказывания. В качестве аргумента приводятся конкретные данные в сфере мусоропереработки, что в совокупности с количественной оценкой подтверждает важность внедрения инноваций в данную проблемную сферу жизни российского общества. Говорящий неслучайно в качестве иллюстратора особой значимости инновации взял проблему мусоропереработки, которая, на первый взгляд, не является инновационной. На фоне высвечивания проблем этой сферы, субъект речи имплицитно валоризует концепт *инновация*, конструирует новые коррелятивные узлы констеллятивного типа в его структуре: *здоровье – благосостояние, комфорт – качество жизни*. В фокусе внимания оказывается обвинительная интенция высказывания субъекта референтной ситуации и его целевая дестинация изменить отношение к проблеме и активизировать её решение.

Научный сотрудник Китайской академии наук во фрагменте (8) аналитически подходит к вопросу эффективности внедрения технологических инноваций в Китае, фокусирует внимание на первоисточнике инноваций – науке и, опираясь на имеющиеся данные по финансированию науки (в том числе и в сравнительном ключе), маркирует свою концептуальную позицию при помощи операторов с отрицательной оценкой по шкале значимостей: *薄弱* слабый, немощный; *偏低* заниженный, *少得可怜* ничтожный, чрезвычайно маленький. Как видим, критический модус моделирует проблемную ситуацию

в виде коррелятивного узла констеллятивного типа: *科学 наука – 技术 технологии.*

Поскольку базовым профилируемым смыслом критического модуса реализации аксиологической стратегии является конструирование базового оппозитивного узла «реальное – необходимое», то особенно активно используются аргументы, профилирующие негативный аспект валоризации, придающий ей характер девалоризации. К уже перечисленным аргументам данного модуса отнесем также способ девалоризирующей номинации, которую можно назвать также оценочной реноминацией.

Данный способ состоит в негативной оценочной квалификации референтов, первично номинированных позитивно: (10) *Инноград обреченный*, (11) *город со странным названием*, (4) «инкубатор» для эмигрантов, (12) *сомнительные инновации*, (13) «черная дыра», (14) *мертвый проект*. В результате дискурсивизации конструируется представление о Сколково как о достаточно неудачном инновационном проекте, в котором наблюдается обесценивание реализованных инноваций как инструментов, не отвечающих запросу на внесение качественных, долгосрочных прогрессивных изменений в существующее положение дел. Тем самым профилируются ценностные смыслы в виде коррелятивных узлов конверсивного и констеллятивного планов соответственно в концепте *инновация: развитие – прогресс, стимуляция научных кадров – сохранение интеллектуального потенциала*. Данные смыслы выводятся в оппозиции к смыслам неспособность, пассивность, деградация, отток кадров.

На стыке биполярных оценок целевая область «новое», включенная в концепт *инновация*, имплицитно включает шкалу оценки, ориентированную на прототипический максимум – «истинностно новое» и градуирует тем самым осмысление реализованного «нового» с оценкой «+/-». Превалирование на эксплицитном уровне негативной оценочной квалификации, валоризируя концептуальную позицию адресанта по отношению к дискурсивному топиксу, структурирует новый оппозитивный узел в структуре концепта *инновация*,

маркируемый гомеостатической оценкой: реализованные (*обреченные, странные, принудительные*) инновации / инновации истинностные, должные, желаемые. Тем самым аргументация осуществляется посредством когнитивной процедуры оценивания от исходной прототипической оценки к гомеостатической оценке.

Другим высокочастотным способом аргументации является аналогия и, в частности, метафора, как концептуально-оценочный способ выражения аналогии. Сущность метафоризации заключается в подведении дискурсивизации под концептуальную структуру более значимой концептуальной области, понимание объекта-мишени в данной целевой концептуальной области [Хахалова, 2011]. Так, например, говорящий в качестве доказательства своей позиции о необходимости инновационных изменений валоризует инновации и процессы модернизации посредством метафоры:

(9) Для России инновации — живая вода, страна нуждается в модернизации по всем направлениям.

Метафора «живая вода» отсылает к концептуальной сфере мифологического и прецедентного для культуры, высвечивает высокую значимость инновационной политики для жизни общества и выводит инновации на новый уровень базовых человеческих ценностей, в более ценностно значимую концептуальную область. Позиция говорящего легитимируется данного типа аргументом прецедентного характера.

Метафора как аргумент в продвижении концептуальной позиции адресанта в дискурсе об инновациях выступает эффективным способом аргументации, валоризуя инновации, которые приобретают статус первоочередной, жизненно важной ценности современного общества. Наряду с переводом в более высокие по категоризации духовного опыта концептуальные области, метафоризация используется также для перевода в более низкие по категориальному типу опыта концептуальные области. Например,

(4) *Инновации «отклеиваются» от российской экономики, как виниловые обои от кирпичной кладки.*

Посредством метафоры концептуализация переносится в прототипическую сферу обыденного, всем понятного и даже примитивного опыта физической деятельности; тем самым метафора структурирует аргумент, выявляющий, по мнению адресанта, правду о сути происходящего.

Метафорическое ценностно негативное определение также служит эффективным средством раскрытия смысла оппозитивного узла «*инновации истинные – мнимые*». Основой для такого определения становится широкая семантика самого знака «инновация», которая в медийном дискурсе, отражающем идеологические позиции [胡春阳, 2007], позволяет манипулятивно использовать знаки для продвижения собственных конкретных его интерпретаций, о чем свидетельствует следующее высказывание ведущего медиа-программы: (15) *Инновация, модернизация, прогресс – это всё маскировочные слова, под которые подводится всё, что приходит в голову.*

В отдельных случаях метафора может сочетаться с количественной оценкой в аргументации, как это видно в примере (4): *Инвестировав в инновации более 2 трлн рублей и не достигнув ни одной цели, правительство уже готово бросить любимую игрушку* и структурировать ироничную тональность дискурса. Когнитивная процедура оценивания выстраивается на основе перехода от количественной оценки, маркирующей конкретными цифрами: *более 2 трлн рублей* к гомеостатической оценке, которая отражает результат деятельности по развитию инноваций – *не достигнув ни одной цели, бросить любимую игрушку.*

Примеры свидетельствуют, что аналогия как аргумент в продвижении концептуальной позиции адресанта структурирует новые оппозитивные узлы в структуре концепта *инновация: естественность – искусственность инноваций, неизбежность инноваций – готовность к их принятию и внедрению.*

Тот эффект девалоризации реальности состояния дел с инновациями посредством комбинирования метафоризации и количественной оценки усиливается путём введения плана достигнутого, результатов, итоговых процессов. В частности, в метафоричных выражениях используются глаголы прошедшего времени, а само высказывание часто сопровождается экземплификацией в аргументации:

(4) В 2012 г. умы снова стали паковать чемоданы: из России уехали 5700 дипломированных специалистов.

Девалоризация инновационного опыта России достигается путем эвалюации оттока лучших специалистов за 2012 год, а также посредством метонимии *умы стали паковать чемоданы*. Тем самым инферируется идея необходимости сохранения лучших кадров для инновационного будущего страны.

Развернутая метафора как структура размышления в дискурсивизации топика моделирует целые сценарии реальности с точки зрения её сущности, акторов, правил реализации специфической инновационной деятельности, отличающейся от деятельности рутинной:

(16) Представьте, вы ребенок и вышли паять радио во двор. Там один стол, а за столом мужики в домино играют. Матерятся, толкают вас постоянно, мешают паять. Что вам делать? Можно научиться играть в домино с мужиками, но это другая игра. Можно ругаться и бороться с ними, но на это уйдет время, а времени до вечера мало (жизнь коротка). Поэтому, если вы хотите именно радио паять, проще поискать другой стол, где все удобно для радио и другой народ сидит.

Говорящий дает в метафорической форме пояснения о том, почему создавать и внедрять новое, осуществлять инновационную деятельность трудно в пределах Российской Федерации и легко и доступно за рубежом в Кремниевой Долине. В данном случае метафоризация конструирует иной образ народа, которому будет присущ инновационный дух, понятна сущность инноваций. Метафорическая номинация адресата как «ребенка» апеллирует к

воображению и наличию искреннего желания создания принципиально новых идей, технологий, как человека, который своими руками создает и заключает в себе мир будущего. Структурирование смысла происходит в метафоричной форме на фоне девалоризации инфраструктуры (*Там один стол, а за столом мужики в домино играют*) и в целом управленческих действий и решений, препятствующих инновационному развитию (*матерятся, толкают вас постоянно, мешают паять*). При помощи развернутой метафоры говорящий создаёт ироничный нарратив: очерчивает три возможных пути инноватора для достижения желаемой цели – создания инноваций, последний из которых высвечивается как наиболее оптимальный, простой, удобный для инноватора. Когнитивная процедура оценивания осуществляется на основе перехода от исходной прототипической (*вы ребенок и вышли паять радио во двор*) к гомеостатической оценке (*проще поискать другой стол, где все удобно для радио и другой народ сидит*). Валоризирующая аргументация осуществляется путем конструирования ценностных смыслов дискурсивизации в виде оппозитивного узла привативного характера (*рутинность – изобретательность в деятельности людей*) и коррелятивных узлов констеллятивного типа: *время – деньги – комфорт, свобода – творчество*, которые выводятся в оппозиции с бюрократизмом, ограничениями в выборе, отсутствием комфортной инфраструктуры.

Дестинация стратегии критического плана, которая, в свою очередь, характеризуется интенцией и поиском наиболее оптимального решения относительно проблемы, связанной с реализацией, внедрением и созданием инноваций и проявляется в попытке проанализировать с различных сторон выходы и пути решения сложившейся проблемы, тем самым изменив существующее представление о данной ситуации, данном фрагменте мира. Иными словами, дестинация стратегии критического плана заключается в рефрейминге сложившейся ситуации:

(17) *中国的原始科技创新哪里去了? 被经费过分集中的科研管理制度压制住了。因此, 要给青年科学家一定的选择课题的自由度, 给予青年科*

学家一定的基础科研经费支持，让他们能够自由地开展科学研究。在他们科研生涯的早期，不要过分催促他们发表论文，不要急于让他们做出成果。因为最好吃的大米，一定是生长期比较长的。唯有如此，米粒才会饱满，口感才会香甜。原始科技创新，是不能靠行政命令实现的。原始科技创新需要的，只是一个相对宽松的环境。Куда делись подлинные научно-технологические инновации Китая? Их подавляют чрезмерные издержки централизованной системы управления научными исследованиями. Следовательно, необходимо предоставить молодым ученым определенную степень свободы в выборе тем и оказать определенную финансовую поддержку их фундаментальных научных исследований, чтобы они могли свободно проводить научные исследования. В начале исследовательской карьеры не нужно призывать их публиковать статьи и торопить с получением результатов. Потому что самый вкусный рис должен иметь достаточно долгий период роста. Только так рисовые зерна будут насыщенными, а вкус ароматный и сладкий. Подлинные научно-технологические инновации не могут быть достигнуты административными приказами. Подлинным научно-технологическим инновациям нужна относительно свободная среда.

Субъект речи с помощью аттрактивного вопроса *中国的原始科技创新哪里去了？* Куда делись подлинные технологические инновации Китая? фокусирует внимание на проблеме генерации инновационных идей и предлагает наиболее эффективный способ к решению проблемы отсутствия прорывных, истинных инноваций. Структурирование смысла высвечивается в оппозиции мира «реального», в котором последовательно девалоризируются существующие способы решения поставленной проблемы (*被经费过分集中的科研管理制度压制住了。 Их подавляют чрезмерные издержки централизованной системы управления научными исследованиями.*) посредством предикатов с отрицательной оценкой, и мира «желаемого»,

«должного» (*给自由 дать свободу, 给予科研经费支持 оказать финансовую поддержку фундаментальных научных исследований*) при помощи предикации с положительной оценкой по шкале значимостей. Такой рефрейминг позволяет очертить единственно возможный, верный путь, по мнению говорящего, который позволит производить *原始科技创新 подлинные научно-технические инновации* при условии ориентации на ценность свободы. Говорящий финализирует дискурс в метафоричной форме, тем самым валоризацию получает процесс создания и производства инноваций, что достигается с помощью сравнения с ростом риса – традиционного основного продукта питания в Китае. Таким образом, в процессе дискурсивизации синтезируется выводной ценностный смысл в виде коррелятивных узлов констеллятивного плана *时间] время – 自由 свобода*, которые способствуют актуальной оценочной концептуализации исследуемого концепта как явления, не являющегося принципиально новым, уже существующего, но требующего более эффективного, вдумчивого управления и использования в связи с его высокой степенью значимости для страны.

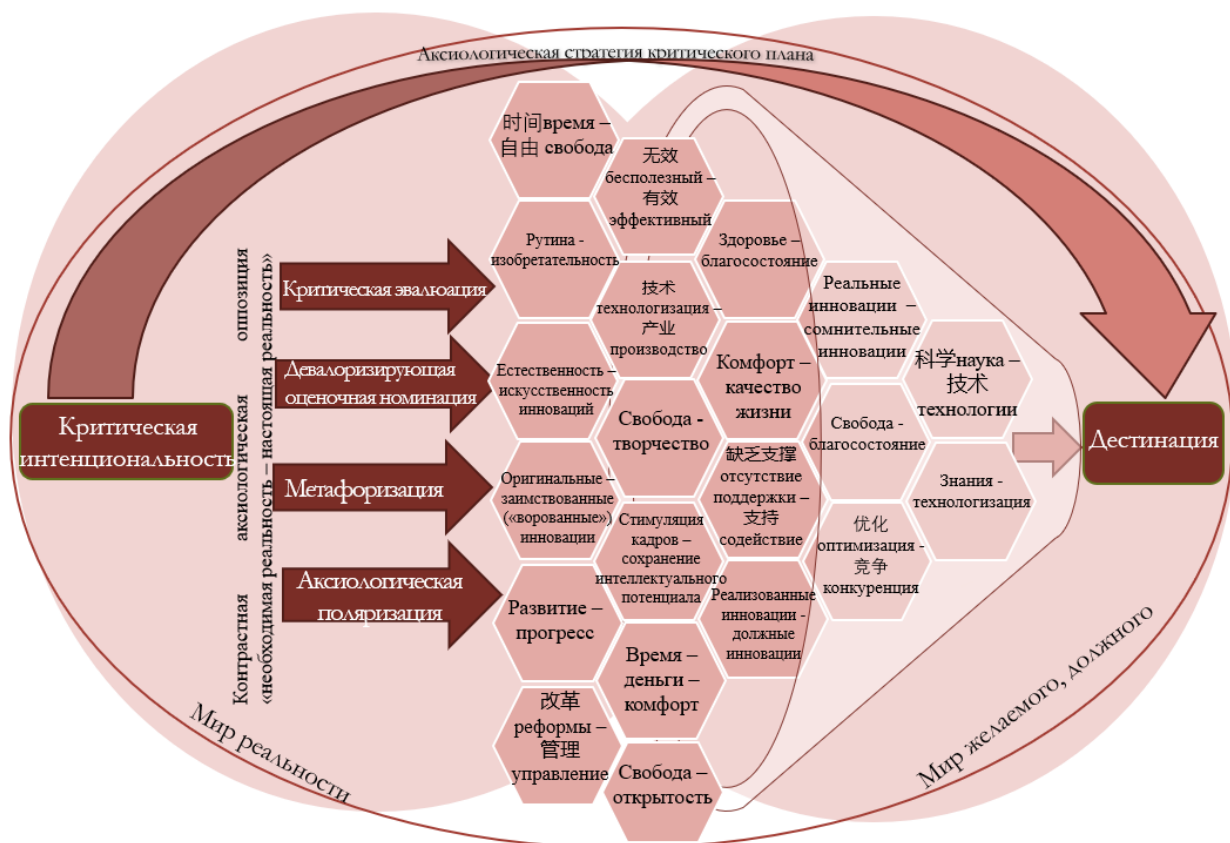
Продвижение интенционального критического значимого смысла о несоответствии абсолютному максимальному показателю «идеала» в представлении сущности инновации в дискурсивизации осуществляется преимущественно с опорой на девалоризацию и негативную прототипическую, количественную и гомеостатическую аргументацию и контраргументацию путем конструирования ценностной оппозиции «реальное – негативные стороны реального». В результате в процессе оценочной концептуализации выводятся новые смыслы, актуализирующие аксиологически-насыщенный концепт *инновация*, дискурс финализируется посредством компрессирования смысла в структурах оценочного плана – аттракторах [Серебренникова, 2013b], которые способствуют достижению наилучшего способа формулирования и аккумуляции смысла:

(18) В постиндустриальном обществе сначала нужно вырастить пару поколений свободных, обеспеченных и ценящих знания и инновации людей, потом начать производить совершенные технологические изделия, а лишь в конце пути перевести индустриальное производство на аутсорсинг, а самим сосредоточиться на технологиях. Предполагать иной путь — это как надеяться успешно учиться в университете, купив диплом провинциальной школы, в которую не ходил ни дня.

В примере (18) дестинация представлена имплицитно и проявляется в виде сформированной выводной концепции – целостной и целевой структуры понимания объекта осмысления, предъявляемой публичному адресату, которая формулируется в алгоритме четких последовательных действий (*вырастить пару поколений свободных, обеспеченных и ценящих знания и инновации людей → производить совершенные технологические изделия → перевести индустриальное производство на аутсорсинг и сосредоточиться на технологиях*) на фоне девалоризации иных путей развития с помощью развернутой метафоры (*это как надеяться успешно учиться в университете, купив диплом провинциальной школы, в которую не ходил ни дня*). Тем самым говорящий выводит на ценности итогового целевого характера внедрения инноваций в виде следующих коррелятивных узлов констеллятивного типа: *свобода – благосостояние, знания – технологии*, актуализирующие концепт *инновация* в оппозицию к смыслам: зависимость, ограничения, бедность, невежество, пассивность, отсутствие стратегичности мышления.

Таким образом, аксиологический анализ выявил способы структурирования аксиологической стратегии в критическом модусе реализации аргументации, которые способствуют переосмыслению и обогащению структуры концепта *инновация*. Схематично модель аксиологической стратегии критического плана представлена на рис. 5.

Модель реализации аксиологической стратегии критического плана

Как видно из рисунка 5. точкой зарождения аксиологической стратегии в критическом модусе выступает критическая интенциональность продвижения значимого смысла в векторе от мира реального к миру желаемого и должного. Продвижение критической интенциональности в аргументации преимущественно осуществляется на базе контрастной ироничной аксиологической оппозиции «необходимая реальность – настоящая реальность» и структурируется при помощи средств критической эвалюации, аксиологической поляризации, девалоризирующей оценочной номинации, метафоризации как способов аргументации, которые задают направление на прототипический максимум концепта *инновация* в аспектах противопоставления «истинно инновационное – декларируемое инновационное» в мире действий. В итоге последовательная позитивная и негативная валоризация концепта *инновация* в процессе дискурсивизации путем аксиологической аргументации выводит концепт на позитивные ценностные смыслы-ориентиры.

В результате в модусе критического плана на основе обоснования необходимости конструктивных преобразований конструируется ироничный альтернативный мир.

В ходе реализации аксиологической стратегии, а также на этапе дестинации в структуре концепта, на основе устойчивого представления об инновациях как средстве модернизации, выводятся в фокус, аргументируются и финализируются:

– актуально значимые аксиологемы – носители ценностного содержания концепта *инновации*: *здоровье, благосостояние, эффективность, комфорт, время, деньги, творчество, 自由 свобода, 技术 технологии, знания, развитие, качество жизни, интеллектуальный потенциал, стимуляция научных кадров, 优化 оптимизация, 科学 наука, 技术 технологии;*

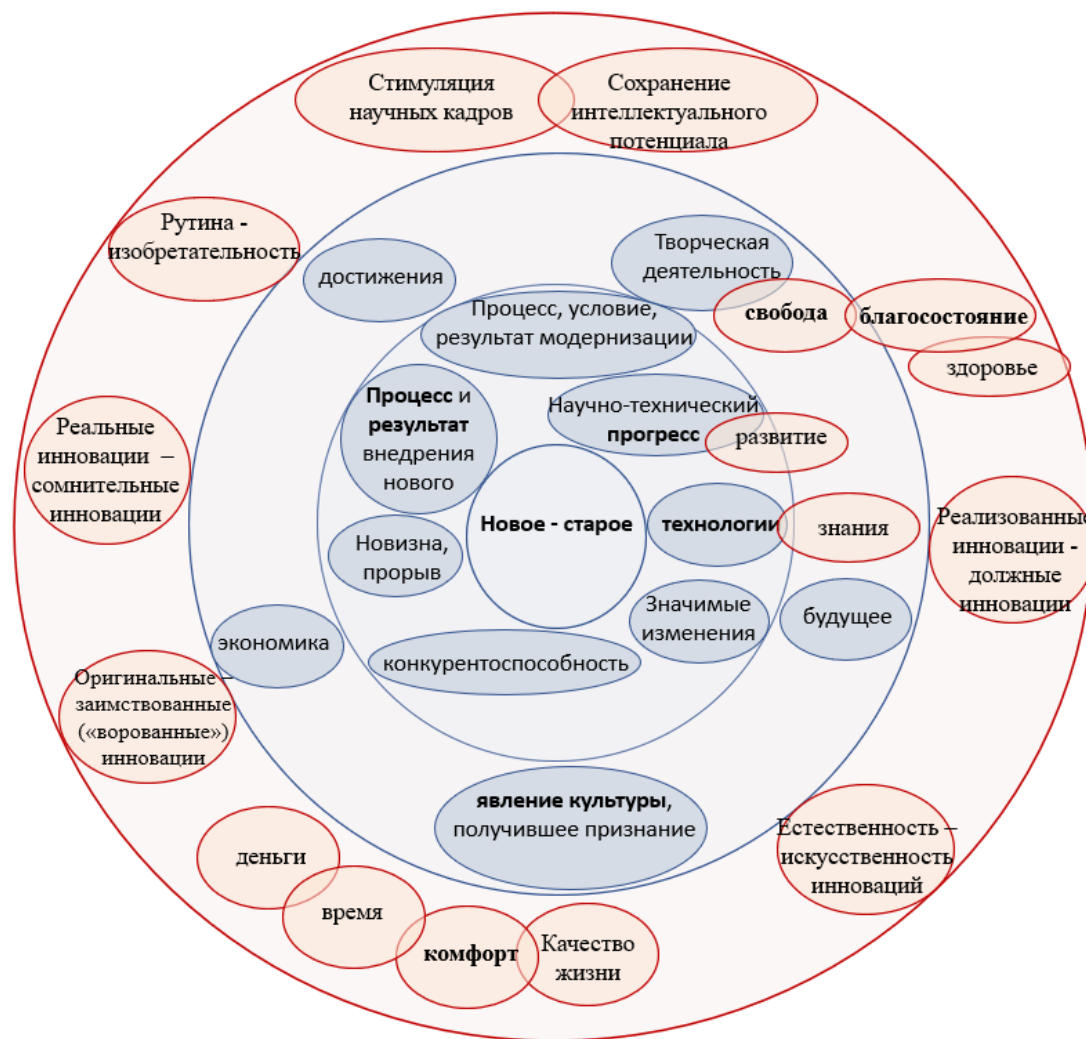
– новые концептуальные оппозитивные узлы эквиполентного (*реализованные инновации – должные инновации, реальные – сомнительные инновации*) и привативного характера (*无效 бесполезный – 有效 эффективный, 乏支撑 отсутствие поддержки – 支持 содействие, рутинность – изобретательность; естественность – искусственность инноваций, оригинальные – заимствованные («ворованные») инновации*); а также коррелятивные узлы констеллятивного (*技术 технологии – 产业 производство, 改革 реформы – 管理 управление, 优化 оптимизация – 竞争 конкуренция, здоровье – благосостояние, комфорт – качество жизни, 科学 наука – 技术 технологии, стимуляция научных кадров – сохранение интеллектуального потенциала, время – деньги – комфорт, свобода – творчество, 时间 время – 自由 свобода, знания – технологии, свобода – благосостояние, 优化 оптимизация – 竞争 конкуренция*) и конверсивного типа связи (*развитие – прогресс*).

В своей совокупности рассмотренные структуры дискурсивизации, продвигаемые аксиологической стратегией в критическом модусе осмысления, значительно обновляют актуальную структуру концепта *инновации* в сознании

публичного социального адресата. На схемах (рис. 6, 7) наглядно представлена обновленная модель концептуальной структуры, стоящей за знаками «инновация», «创新» по результатам анализа реализации аксиологической стратегии в критическом модуле:

Рис. 6.

Актуальная структура концепта *инновация* на основе анализа реализации аксиологической стратегии в критическом модуле

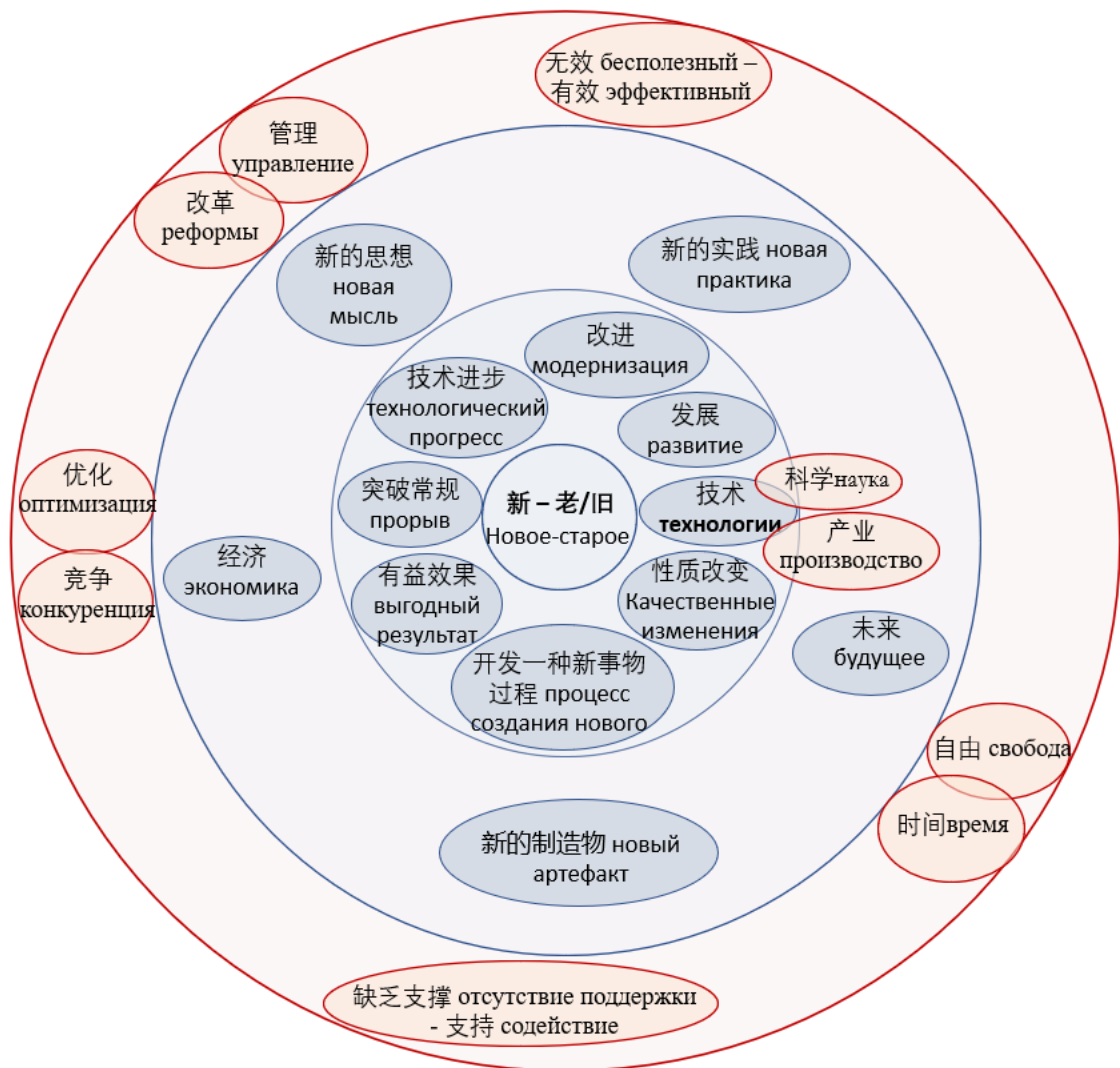

Из рис. 6 видно, что в критическом модуле инновации осмысляются, прежде всего, через корреляцию категории *знания* с базовой категорией *технологии*, а также корреляцию категории *развитие* с категорией *научно-технический прогресс*, которые выявлены по результатам этносемиотрики знака. В дальнейшей периферии категория *творческая деятельность* коррелирует с категорией *свобода*, которая в свою очередь продвигается через ценностные смыслы *благополучие* и *здоровье*. В критическом модуле профилируется

категория *комфорт*, которая вступает в констеллятивные отношения с категориями *время, деньги, качество жизни*. Остальные ценностные смыслы, выявленные на этапе этносемиотрии отходят на второй план. В структуре концепта в критическом модусе также зарождаются отдельные оппозитивные и коррелятивные узлы, которые насыщают концепт *инновация* новыми актуальными ценностными смыслами. В китайском медиа-дискурсе также происходит насыщение ценностными смыслами, которые обновляют структуру концепта *创新*. Актуализированная модель концепта в критическом модусе схематично представлена на схеме (рис.7):

Рис. 7.

Актуальная структура концепта *创新* на основе анализа реализации аксиологической стратегии в критическом модусе

Из рис. 7 видно, что инновации в критическом модусе главным образом осмысляются через категорию 技术 *технологии*, которая вступает в констеллятивные отношения с ценностными смыслами 科学 *наука*, 产业 *производство*. Категория *технологии* становится ведущей в структуре концепта как русскоязычного, так и китаеязычного дискурса. Наблюдается зарождение новых узлов коррелятивного и оппозитивного планов, которые обновляют и насыщают концептуальное содержание знака новыми ценностными смыслами.

2.2. Оптимизирующая аксиологическая стратегия

Аксиологическая стратегия оптимизирующего плана служит для реализации и продвижения интенционального значимого смысла необходимости изменения и улучшения способа действия в сфере инноваций в модусе оценочной деонтической концептуализации реальности путем конструирования программы необходимых действий, средств, ресурсов. В модусе оптимизирующего плана в дискурсе с топиком «инновация» говорящий предпринимает попытки трансформировать ценное отношение к дискурсному топикю через обозначение абсолютной цели, идеала, ориентиров и алгоритма конкретных шагов как способов реализации цели, к осуществлению которой призывает стремиться говорящий для достижения состояния дел мира должного, желаемого и необходимого.

Задачей анализа аксиологической стратегии оптимизирующего плана является выявление способов аксиологической параметризованности данного вида валоризирующего дискурса, а также способов аргументации, направленной на профилирование смысла необходимости модернизации и реформ в сфере инноваций. Выявленные способы аргументации рассматриваются как компоненты, актуализирующие концептуальную структуру знака «инновация».

Основным способом аксиологической параметризованности дискурса об инновациях в модусе оптимизирующего плана является аксиологическое программирование, которое как аргумент подразумевает валоризацию инноваций как дискурсного топика путем последовательного изложения алгоритма действий в русле поиска решения проблемы и придания тем самым деятельности инновационного характера:

(1) **第一**, 坚定不移贯彻新发展理念。 <...> **第二**, 与时俱进全面深化改革。

<...> **第三**, 锐意开拓全面扩大开放。 <...> **第四**, 创新思路推动城市治理体系和治理能力现代化。 <...> **第五**, 真抓实干践行以人民为中心的发展思想。 **Во-первых**, неуклонно реализовывать новую концепцию развития. **Во-вторых**, идти в ногу со временем и всесторонне углублять реформы. **В-третьих**, мы должны быть полны решимости открываться и расширяться во всех направлениях. **В-четвертых**, новаторские идеи способствуют управлению системой городского хозяйства и модернизации управленческих возможностей. **В-пятых**, мы должны проделать тяжелую работу по претворению в жизнь идеи о том, что развитие должно быть ориентировано на народ.

(19) 世界经济数字化转型是大势所趋，新的工业革命将深刻重塑人类社会。

我们既要鼓励创新，促进数字经济和实体经济深度融合，也要关注新技术应用带来的风险挑战，加强制度和法律体系建设，重视教育和就业培训。我们既要立足自身发展，充分发掘创新潜力，也要敞开大门，鼓励新技术、新知识传播，让创新造福更多国家和人民。 Цифровая трансформация мировой экономики — это общая тенденция, новая промышленная революция, которая коренным образом изменит человеческое общество. Мы должны не только поощрять инновации, содействовать глубокой интеграции цифровой экономики и реальной экономики, но также обращать внимание на риски и проблемы, связанные с применением новых технологий, укреплять построение строя и правовых систем и придавать большое значение образованию и

обучению в целях дальнейшего трудоустройства. Мы должны опираться на собственное развитие и полностью раскрыть потенциал для инноваций. Мы также должны распахнуть двери для поощрения новых технологий и распространения знаний, чтобы инновации могли принести пользу большему количеству стран и людей.

Фрагмент (1) содержит в себе как имя концепта 创新, так и ценностные смыслы входящие в его структуру по результатам анализа словарных дефиниций на этапе этносемиотрии (创新思路 инновационное мышление (новаторские идеи), 现代化 модернизация). В представленном примере маркером аксиологического программирования выступают вводные слова 第一, 第二, 第三, 第四, 第五, которые эксплицируют алгоритм действий и раскрывают наиболее значимые, ключевые, приоритетные направления поддержки китайской системы инновационной деятельности. Посредством изложения программы действий в деонтическом ключе инновациям придается статус особо ценного, которое необходимо развивать в данной оптимальной последовательности, поощрять, продвигать и реализовывать, направлять на благо отдельно взятого человека и народа в целом. Валоризация позитивных ценностных смыслов достигается путем конструирования коррелятивных узлов констеллятивного типа связи: 发展 развитие – 改革 реформы – 人民 народ, 创新思路 новаторство (новаторские/инновационные идеи) – 现代化 модернизация. Базовой аксиологемой, на основе которой реализуется аксиологическая стратегия, в данном случае является неуклонное следование плану – программе действия. План приобретает стратегический характер программы с учетом целевых показателей его последовательного выполнения определенной совокупностью действий.

В примере (19) концепт 创新 репрезентуется через категорию 新技术 (новые технологии), входящую в его структуру. Эксплицитно высвечивается интенция программирующего плана, которая продвигается в аргументации путем формулирования четкой последовательности действий в мире должного,

необходимого. Аттрактивным элементом в представленном фрагменте выступает аксиологема-словосочетание *世界经济数字化转型 цифровая трансформация мировой экономики*, которая вводится дескриптивным путем и стягивает к себе дальнейшее смыслообразование. Такого рода целевая аксиологема с высокой степенью компрессированности смысла валоризуется последовательно и валидуется с помощью дескриптивных оценочных квалификаторов по шкале оценок со знаком «+» *新的工业革命 новая промышленная революция, 深度融合 глубокая интеграция*, и перформативных высказываний в мире действий: *鼓励创新 поощрять инновации, 促进数字经济和实体经济深度融合 стимулировать интеграцию цифровой и реальной экономики, 加强制度和法律体系建设 укреплять создание институтов и правовых систем, 重视教育和就业培训 придавать большое значение образованию и обучению в целях дальнейшего трудоустройства*. Тем самым в концепте *инновация* профилируются ценностные смыслы в виде коррелятивных узлов конверсивного типа связи: *实体经济 реальная экономика – 数字经济 цифровая экономика*; констеллятивного *数字化转型 цифровая трансформация – 革命 революция, 技术 технологии – 知识 знания – 好处 польза*, гиперо-гипонимического типа *教育 образование – 发展 развитие*.

Способом реализации такого аргумента как аксиологическое программирование выступают средства деонтической модализации – проекции на желаемое и должное будущее, которая заключается в означивании цели, целевой установки при помощи модальных операторов долженствования, например:

(2) *В ближайшие годы должно возникнуть много динамичных цифровых компаний. Для этого есть хороший потенциал.*

(20) *Мы обязаны ориентироваться на инновационный путь развития страны. Альтернативы нет, мы с вами об этом многократно говорили.*

Любые другие сценарии означают топтание на месте и «проседание» ресурсов. Нам же необходимо добиться повышения конкурентоспособности и эффективности национальной экономики, стимулировать инвестиционную активность.

Во фрагменте (2) на основе модального оператора долженствования *должно* дается проекция на желаемое и должное будущее по продвижению инноваций в России посредством цифровизации, процедура оценивания осуществляется с помощью перехода от количественной оценки (*много*) к качественной оценке со знаком плюс (*хороший потенциал*), в результате в концептуальном содержании знака «инновации» появляется новый коррелятивный узел констеллятивного типа, обогащающий структуру концепта: *цифровизация – динамика*.

В примере (20) средством выражения деонтической модализации выступают модальные операторы долженствования *обязан, необходимо*, которые проецируются на способ достижения лучшего будущего России – развитие страны инновационным путем в оппозиции ко всем другим сценариям развития, тем самым конструируется узел оппозитивного плана привативного характера в структуре концепта *инновации: развитие – деградация, застой*. С помощью атрибуции *инновационный* раскрывается видение говорящим развития страны, что апеллирует к ценности модернизации, глубокой перестройке общества, улучшению качества жизни. Высвечиваются ценностные ориентиры, означивающие желаемый, должный мир будущего в виде коррелятивного узла констеллятивного типа: *конкурентоспособность – эффективность*.

Аргументирование путем аксиологического программирования часто высвечивает базовые цели, стратегии и модели в программе экономического развития:

(21) *第一，着力实施创新驱动发展战略。把创新摆在第一位，是因为创新是引领发展的第一动力。Во-первых, прилагать усилия к осуществлению стратегии стимулирования инновационного развития. Поставить*

инновации на первое место, так как инновации являются первой движущей силой, ведущей за собой развитие.

(22) *Экология – это не только собственно экологические движения, но и инновации. В этом смысле она может стать системным драйвером модернизации и обеспечить так называемый двойной выигрыш: и укрепить конкурентоспособность экономики, и улучшить качество жизни людей.*

В данном фрагменте (21) в программирующем ключе при помощи повтора (*第一 первый*) инновации эксплицитно высвечиваются как ведущая ценность, без которой невозможно развитие. Валидация позиции говорящего осуществляется путем дескрипции (*引领发展的第一动力*) и заключается в перспективизации и выводе на аксиологему-словосочетание *创新驱动发展战略* (*стратегия стимулирования инновационного развития*), имеющую целевой характер.

В примере (22) эксплицитно означивается глобальная цель – развитие инноваций в сфере экологии, которая выводит на ценностные смыслы – ориентиры мира желаемого, должного будущего и способствует структурированию коррелятивных узлов констеллятивного плана в концептуальной структуре, стоящей за знаком «инновация»: *модернизация – развитие, конкурентоспособность – качество жизни.*

Интенция программирующего характера продвигается в аргументации и эксплицитно высвечивается в дискурсе путем использования:

– аргументов дескриптивной оценочной квалификации по шкале оценок со знаком «+»: (1) *更高 более высокий, 新征程 новый путь*; (23) *新技术, 新产业、新业态、新模式 новые технологии, новые предприятия, новые методы управления, новые модели*; (24) *качественный прорыв в ключевых технологических направлениях нового десятилетия*; и перформативов (1) *推进改革开放 стимулировать политику реформ и открытости, 动员*

мобилизовать, *奋进* отважно идти вперед; (25) *并肩同行* двигаться вместе плечом к плечу.

– аргументов с опорой на деонтические модальные операторы: (3) *我们要把握发展大势。Мы должны ухватиться за ситуацию развития.* (3) *我们要胸怀共同未来。Мы должны лелеять в сердце совместное будущее.* (25) *我们应该追求绿色发展繁荣。Мы должны стремиться к зеленому развитию и процветанию.*

Одновременно аргументация и валидация позиции говорящего профилируется при помощи метафоры, выступающей в роли аттрактивного элемента в модуле оптимизирующего плана:

(1) *一花独放不是春，百花齐放春满园。我们坚定不移奉行互利共赢的开放战略，既从世界汲取发展动力，也让中国发展更好惠及世界。Весна не приходит с цветением одного цветка, весна приходит, когда распускаются все цветы. Мы неуклонно следуем взаимовыгодной и беспроигрышной стратегии открытия не только для того, чтобы получить импульс от мирового развития, но и для того, чтобы сделать развитие Китая более выгодным для всего мира.*

Развернутая метафора *一花独放不是春，百花齐放春满园* как структура размышления в дискурсивизации предметного топика структурирует новый коррелятивный узел констеллятивного типа связи в структуре концепта *инновация: 开放 открытость – 合作 сотрудничество*.

Авторские креативные метафоры и метафорические конструкции, входящие в структуру концепта *инновация* как аргумент, валоризуют предметный топик:

(24) *亚洲经济总量已占世界经济的 1/3 以上，新一轮开放创新浪潮涌动下的亚洲，必将成为世界经济繁荣发展的重要动力。Объем экономики Азии уже превысил 1/3 объема мировой экономики, ее новый виток развития позволит волне инноваций хлынуть в Азию, которая*

непрерывно станет важной движущей силой в процветании и развитии мировой экономики.

- (19) *Сегодня мы стремимся наладить эту систему таким образом, чтобы возник так называемый инновационный лифт – чтобы на каждом этапе жизни инновационного продукта от зарождения идеи до запуска в серию был подходящий набор инструментов поддержки.*

Валоризация в примере (24) достигается путем представления нового витка инновационного развития экономики в образе прилива волны. Посредством метафорического выражения *创新浪潮* волна инноваций категоризируется совершенно новый этап в развитии экономики Азии, идущей по инновационному пути, что повлечет за собой глобальные изменения в мировой экономике в целом. В структуре концепта *инновация* структурируется новый коррелятивный узел констеллятивного типа связи: *发展 развитие – 繁荣 процветание*, обогащающий структуру знака.

В примере (19) профилируется так называемая структурная метафора [Лакофф, 2004б]. Метафору «инновационный лифт» ввели в оборот в апреле 2010 года при подписании «Соглашения десяти», которое регулирует взаимодействие созданных в России институтов развития, таких как ВЭБ, МСП Банк, Роснано, Фонд «Сколково», Российская венчурная компания (РВК). Такого типа метафоры концептуализируют отдельные области путем переноса на них структурированной другой области. Так, в данном случае путем переноса в аксиологически более насыщенный формат знания модель развития «по возрастающей», где каждый этаж означает новую стадию роста, сравнивается с лифтом. Тем самым валоризацию получает весь предмет высказывания – целостная система модернизации России. Метафора «инновационный лифт» структурирует новый корреляционный узел констеллятивного типа в структуре концепта *инновации: модернизация – поддержка*.

Дальнейшее смыслообразование в модусе программирующего плана структурируется с помощью прямых вопросов, выступающих в дискурсе как аттрактивные элементы. Такого типа аттракторы-предложения в форме вопроса призваны включить адресата в процесс размышления над дискурсным топиком, направить дискурсивизацию в нужное медиатору русло:

(26) *国外朋友经常问我，中国持续发展的秘诀是什么？根本上靠的是中国人民的勤劳加智慧。中国的改革开放，涉及 13 多亿人，是世界上最大规模的创新活动。Иностранные друзья часто спрашивают меня, в чем секрет устойчивого развития Китая? Он в основном опирается на упорный труд и мудрость китайского народа. Политика реформ и открытости Китая, в которых участвуют более 1,3 миллиарда человек, являются крупнейшей инновационной деятельностью в мире.*

В примере (26) точкой зарождения осмысления концепта *инновация* является вводный аттрактивный вопрос, дальнейшее смыслообразование и валоризация концепта *инновации* осуществляется путем инклюзии в особо значимые категории *勤劳 труд, 智慧 мудрость*. Аргументация осуществляется с помощью частной аксиологической стратегии с переходом от количественной оценки (*涉及 13 多亿人*) к качественной (*上最大规模*) с целью валидации позиции говорящего. Концепт обогащается коррелирующими смыслами констеллятивного типа: *勤劳 труд – 智慧 мудрость, 改革 реформы – 开放 открытость*.

Вопрос часто формулируется имплицитно для выделения ключевой, реперной точки в дискуссии, влекущей и мотивирующей осмысление ситуации: (27) *Что такое «умный дом», наверное, всем уже известно. Теперь нам нужно построить «умный дом» в масштабах всей страны.* В примере аттрактором выступает метафора «умный дом», которая вводится и профилируется при помощи скрытого вопроса и категоризует новое видение России как инновационного государства в мире возможном, должном и желаемом. Продвижение смысла о необходимости осуществления конкретных

действий в сфере инноваций для повышения качества жизни, выражается при помощи личного местоимения и деонтического оператора *нам нужно*, которые подключают адресата к решению проблемы, призывают к совместным действиям и подводят к пониманию того, что инновации являются ценностью и необходимостью для всего общества.

Дальнейшее смыслообразование и верификация позиции говорящего осуществляется с помощью оценочных квалификаторов путем конструирования программы необходимых действий, средств, ресурсов, способов достижения поставленной цели:

(28) Система предоставления госуслуг будет и дальше совершенствоваться.

Становиться более удобной, понятной и простой. Мы продолжим выстраивать новый, цифровой контур взаимодействия между людьми и государством.

(29) Модель производства будущего – «быстро, качественно, дешево». За ближайшие десять лет необходимо достичь двукратного роста эффективности оборудования, увеличить количество высокотехнологичных рабочих мест в полтора раза, сократить затраты на разработку и вывод высокотехнологичной продукции на рынок вдвое.

В примере (28) концепт *инновации* репрезентуется через ядерную категорию *новый*. Имплицитно с помощью операторов шкалирования с качественной сравнительной оценкой со знаком плюс *более удобный, понятный, простой* высвечивается базовая аксиологическая оппозиция *новое – старое*, на основе которой говорящий конструирует «мир ценностный, должный, необходимый» в контрасте с «миром реальным», наделяя его желаемыми качествами.

В примере (29) с помощью средств валоризирующей оценочной квалификации высвечиваются целевые ориентиры – качественные показатели в модели мира ближайшего будущего: *быстрый, качественный, дешевый*, которые способствуют конструированию новых коррелятивных узлов

конstellативного типа в структуре концепта *инновации*: *эффективность – качество – выгода*.

В оптимизирующем модусе посредством квалификации с оценкой «+» по шкале значимостей, выражается отношение говорящего к реализующимся инновационным изменениям:

- (1) *广东是改革开放的排头兵、先行地、实验区，是建立经济特区时间最早、数量最多的省份。深圳是改革开放后党和人民一手缔造的崭新城市，是中国特色社会主义在一张白纸上的精彩演绎。<...> 这是中国人民创造的世界发展史上的一个奇迹。 Гуандун является авангардом, первопроходцем и экспериментальной зоной политики реформ и открытости. Это провинция с самым ранним и самым большим количеством особых экономических зон. Шэньчжэнь — это совершенно новый город, созданный партией и людьми, как результат политики реформ и открытости, блестящая интерпретация социализма с китайской спецификой на чистом листе бумаги. <...> Это чудо в истории мирового развития, созданное китайским народом.*

В примере (1) говорящий при помощи квалификаторов с наречием степени *最*: *最早* *самый ранний*, *最多* *самый многочисленный* эксплицитно выражает качественную и количественную оценку с целью валоризации политики модернизации и реформ. Город Шэньчжень, как особая экономическая зона провинции Гуандун, получает валоризацию с помощью аксиологически нагруженного компонента *崭新* *совершенно новый*, включенного в концепт *инновация*, а также путём метафорического переноса осмысления в сферу «нового» (*一张白纸上 чистый лист бумаги*), тем самым высвечивается идея о необходимости преобразований по заданному образцу. С помощью квалификатора *精彩* *'блестящий'* положительно оценивается внедрение инноваций в общественные практики города Шэньчжень. Тем самым профилируются ценностные смыслы в виде коррелятивных узлов

констеллятивного характера: *改革* реформы – *开放* открытость, *社会主义* социализм – *发展* развитие.

Говорящий в качестве аргумента может приводить статистические данные для валидации своей позиции, то есть осуществлять аргументацию с помощью эвалюации как способа структурирования оценочного отношения:

(1) 40 年来 <...> 大力推进科技创新, 地区生产总值从 1980 年的 2.7 亿元增至 2019 年的 2.7 万亿元, 年均增长 20.7%, <...> 财政收入从不足 1 亿元增加到 9424 亿元, 实现了由一座落后的边陲小镇到具有全球影响力的国际化大都市的历史性跨越。 В последние 40 лет <...> мы активно продвигали научно-технологические инновации. Валовый региональный продукт увеличился с 270 млн юаней в 1980 году до 2,7 трлн юаней в 2019 году, со среднегодовым темпом роста 20,7%, <...> бюджетные доходы увеличились с менее чем 100 миллионов юаней до 942,4 миллиардов юаней, что стало историческим скачком из отсталого приграничного города в международный мегаполис с глобальным влиянием.

Когнитивная процедура оценивания осуществляется посредством использования частной аксиологической стратегии аргументации с переходом от количественной оценки, подкреплённой конкретными статистическими данными (地区生产总值从 1980 年的 2.7 亿元增至 2019 年的 2.7 万亿元, 年均增长 20.7%), к гомеостатической оценке (具有全球影响力的国际化大都市的历史性跨越), для убеждения в правильности осуществления политики реформ.

Другим способом валоризации является многократный, целенаправленный, экспрессивный повтор отдельных фраз и выражений по нарастающей с целью усиления эффекта воздействия, выделения значимого на фоне незначимого:

(23) **面向未来, 我们要相互尊重、平等相待, 坚持和平共处五项原则, 尊重各国自主选择的社会制度和发展道路**<...> **面向未来, 我们要对话协**

商、共担责任<...> **面向未来, 我们要同舟共济、合作共赢<...> 共同** 打造新技术、新产业、新业态、新模式, 推动经济全球化朝着更加开放、包容、普惠、平衡、共赢的方向发展。 **面向未来, 我们要兼容并蓄、和而不同<...> 面向未来, 我们要敬畏自然、珍爱地球, 树立绿色、低碳、可持续发展理念<...>。 Смотри в будущее, мы должны уважать друг друга, относиться друг к другу как к равным, твердо придерживаться «Пяти принципов мирного сосуществования», уважать самостоятельно выбранный всеми государствами общественный строй и путь развития <...> Смотри в будущее, мы должны вести диалоги и переговоры, совместно нести ответственность <...> Смотри в будущее, мы должны объединить усилия, вместе выигрывать <...> вместе создавать новые технологии, новые предприятия, новые методы управления, новые модели, подталкивать экономическую глобализацию к развитию еще большей открытости, толерантности, всеобщего блага, сбалансированности и взаимного выигрыша. <...> Смотри в будущее, мы должны совмещать в себе разное, но при этом находиться в согласии <...> Смотри в будущее, мы должны глубоко уважать природу, дорожить Землей, сформировать зеленую, низкоуглеродистую, устойчивую концепцию развития <...>.**

- (1) **40 年来, 深圳奋力解放和发展社会生产力, 大力推进科技创新 <...> 40 年来, 深圳坚持解放思想、与时俱进 <...> 40 年来, 深圳坚持实行“引进来”和“走出去” <...> 40 年来, 深圳坚持发展社会主义民主政治 <...> 40 年来, 深圳坚持以人民为中心 <...> 40 年春风化雨, 40 年春华秋实 [习近平, 2020]. В течение последних 40 лет Шэньчжэнь стремился освободить и развить общественные производительные силы и активно продвигать технологические инновации. <...> В течение последних 40 лет Шэньчжэнь, придерживаясь стратегии**

раскрепощения сознания, шел в ногу со временем. <...> **В течение последних 40 лет Шэньчжэнь** придерживался стратегии «привлечения зарубежного» и стратегии «выхода во внешний мир». <...> **В течение 40 лет Шэньчжэнь** придерживался развития социалистической демократической политики. <...> **За последние 40 лет Шэньчжэнь** придерживался подхода, ориентированного на людей. <...> **40 лет** сеем благородные семена [досл. весенний ветер рождает дождь], **40 лет** пожинаем плоды своего труда [досл. весной – цветы, осенью – плоды].

В примере (23) конструируется мир желаемого, должного будущего посредством базовой аксиологической оппозиции в структуре концепта *инновации: новое – старое*. В данном отрывке в речи Си Цзиньпина 5 раз повторяется фраза *面向未来, 我们要* (смотря в будущее, мы должны) достигая эффекта «мантры». Такой намеренный экспрессивный повтор фокусирует внимание на программе развития страны, апеллирует к необходимости изменения реальности для лучшей жизни в будущем, тем самым конструируются ценностные смыслы в виде коррелятивных узлов констеллятивного типа: *发展 развитие – 共担责任 совместная ответственность, 技术 технологии – 合作 кооперация, 开放 открытость – 包容 толерантность*.

В примере (1) семь раз повторяется фраза *40 年来* с целью профилирования результатов деятельности по модернизации и инновациям, а также принципов, правил, стратегии, которыми руководствовалось государство в течении этого периода времени. Репрезентация успешной политики осуществляется по градации от продвижения идеи свободного внедрения и развития технологий до ориентации на пользу инноваций для общества и отдельно взятого человека, и, в конечном счете, внимание фокусируется на инновациях как должном результате, к которому привела политика партии. Ценностно-насыщенный концепт *инновация* валоризуется

посредством метафорического выражения *春风化雨*, *春华秋实* и его концептуальное содержание обогащается ценностными коррелятивными смыслами констеллятивного характера: *自由* свобода – *开放* открытость – *人道主义* гуманизация; *技术* технологии – *发展* развитие.

Намеренный повтор отдельных фраз и слов в предложении может быть выстроен по принципу дедукции, с целью поиска выхода для достижения цели – реализации инновационной политики:

(30) *Нам нужна концентрация. Концентрация интеллекта, концентрация денег, концентрация управленческих решений.*

В первом предложении задается установка на желаемое для достижения цели, высвечивается в обобщенном виде главная мысль – нужна концентрация, которая раскрывается в другом предложении с использованием приема градации и неоднократного повтора однородных членов предложения (диафора).

Дестинация модуса оптимизирующей аксиологической стратегии характеризуется интенцией программирующего плана и подразумевает структурирование смысла о правильности выбора стратегии развития с ориентиром на инновации, о положительной практике внедрения инноваций во все сферы общества и стремлении добиться поставленной цели по модернизации и технологизации общества, чтобы выйти на новый уровень развития и общественного благосостояния. Структурирование наиболее значимого смысла осуществляется за счет конструирования выводов в виде единственно верной, безальтернативной идеи, имеющей идеологический характер в форме лозунга, призыва:

(1) *同志们! 坚持和完善中国特色社会主义制度、推进国家治理体系和治理能力现代化既是一项长期战略任务, 又是一个重大现实课题, 我们要增强政治责任感和历史使命感, 坚定信心, 保持定力, 锐意进取, 开拓创新, 完成好这次全会确定的各项任务, 为实现“两个一百年”奋斗*

目标、实现中华民族伟大复兴的中国梦提供有力保证。 Товарищи! Поддержание и совершенствование социалистического строя с китайской спецификой и продвижение модернизации национальной системы управления и управленческих возможностей являются как долгосрочной стратегической задачей, так и серьезным практическим вопросом. Мы должны укрепить наше чувство политической ответственности и исторической миссии, укрепить нашу уверенность, сохранять решимость и стремительно двигаться вперед, создавать инновации, а также выполнить задачи, поставленные на этом пленарном заседании, чтобы обеспечить надежную гарантию реализации целей «двухсотлетия» и реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации.

- (31) “天行健，君子以自强不息。” 一个民族之所以伟大，根本就在于在任何困难和风险面前都从来不放弃、不退缩、不止步，百折不挠为自己的前途命运而奋斗。从 5000 多年文明发展的苦难辉煌中走来的中国人民和中华民族，必将在新时代的伟大征程上一路向前，任何人任何势力都不能阻挡中国人民实现更加美好生活的前进步伐！ «Движение небесного светила днем и ночью без остановки вращается по кругу; достойный человек должен подражать силе неба и постоянно стремиться к самосовершенствованию.» Основная причина того, почему нация велика, заключается в том, что она никогда не сдается, не отступает, не останавливается перед лицом каких-либо трудностей и рисков и неустанно борется за свое будущее и судьбу. Китайский народ и китайская нация, пережившие страдания и великолепие более чем 5000 лет цивилизованного развития, непременно продвинулись вперед по великому пути новой эры. Никто и ничто не может остановить китайский народ в достижении лучшей жизни!

В примере (1) эксплицитно репрезентируется обращение – аттрактор *同志们! Товарищи!*, являющееся знаком-призывом к кооперации, к включению в политическую повестку. На этапе финализации и дестинации структурируется и означивается глобальная цель и единственно верные механизмы и способы достижения этой цели. Дестинация репрезентуется при помощи выражения с деонтической модальностью (*要 должны*), которое служит показателем убежденности в необходимости реализации поставленных задач и по своей форме представляет ассертив, выражающий намерения говорящего на лучшее будущее и уверенность в правильности выбранной стратегии, за счет формулирования символов аксиологической привлекательности (*“两个一百年” 奋斗目标 цели двухсотлетия, 中华民族伟大复兴的中国梦 китайская мечта о великом возрождении китайской нации*). Одновременно целевой адресат присоединяется к выполнению миссии, тем самым профилируется ценность единения и солидарности.

В представленном фрагменте (31) аттрактивным элементом на этапе дестинации в траектории дискурсивизации становится прототипическое выражение *“天行健, 君子以自强不息。”* «*Движение небесного светила днем и ночью без остановки вращается по кругу; достойный человек должен подражать силе неба и постоянно стремиться к самосовершенствованию*», которое валоризует целевые ценности непрерывного развития и самосовершенствования, включенные в концепт *инновация*; высвечивает единственно правильный и возможный вектор для достижения цели – улучшения качества жизни. Когнитивная процедура оценивания осуществляется на основе перехода от исходной прототипической к гомеостатической оценке. Аргументация осуществляется путем конструирования коррелирующих констеллятивных ценностных смыслов дискурсивизации: *发展 развитие – 未来 будущее, 自强不息 самосовершенствование – 福利 благосостояние.*

Финализация дискурса часто конструируется при помощи анафоры, которая представляет собой возвращение к исходной пропозиции, имеющей вопросную форму изложения и репрезентующей интенциональность субъекта речи: (28) *Отвечая на главный вопрос сегодняшнего форума – готовы ли мы к изменившемуся миру? – скажу: да, Россия готова. Уверен, мы справимся со всеми сложностями. И сможем добиться тех целей, которые перед собой ставим.* Дискурс финализуется ответом на главный исходный вопрос, который говорящий обозначал в начале речи (*готовы ли мы к изменившемуся миру?*). Повторение вопроса на этапе финализации и дестинации смысла является аттрактивным элементом, к которому стягивается смыслообразование в дискурсе. Говорящий убеждает в правильности своей позиции с помощью маркеров эвиденциальности (*уверен*) и оценочных предикатов (*готова, справимся, сможем добиться*), выражающих знания говорящего о готовности адресанта к выполнению плана по модернизации и обновлению всех общественных структур и институтов.

Дестинация дискурса оптимизирующего плана может конструироваться с опорой на прецедентное высказывание посредством вывода на ценностно-ориентированное целевое видение предмета осмысления:

(32) *塔吉克民族伟大诗人鲁达基曾写道, “智者追求善良与和平, 愚者才醉心争吵和战争。” 中方愿同各方携手努力, 不懈追求和平、稳定、繁荣, 共同创造亚洲和世界的美好未来。 Великий таджикский поэт Рудаки однажды написал: «Мудрые стремятся к добру и миру, а глупцы опьянены ссорами и войнами». Китай готов работать вместе со всеми сторонами, чтобы неустанно добиваться мира, стабильности и процветания, а также совместно создавать лучшее будущее для Азии и мира.*

Апелляция к прецедентному выражению, построенному на основе базовой аксиологической оппозиции «добро – зло» / «хорошо – плохо» конструирует ценности в структуре концепта *инновации* в виде следующих

коррелятивных узлов констеллятивного типа: 和平 мир – 开放 открытость – 合作 сотрудничество; 稳定 стабильность – 繁荣 процветание, которые высвечиваются на фоне анти-ценностей: война, разобщенность, закрытость, нищета.

Таким образом, в ходе аксиологического анализа выявлены основные способы валоризации концепта *инновация* и структурирования аксиологической стратегии в оптимизирующем модусе, которые способствуют формированию новых смыслов в виде коррелятивных узлов в структуре концепта *инновации*. Модель реализации аксиологической стратегии оптимизирующего плана схематично представлена на рис 8.

Рис. 8.

Модель реализации аксиологической стратегии оптимизирующего плана

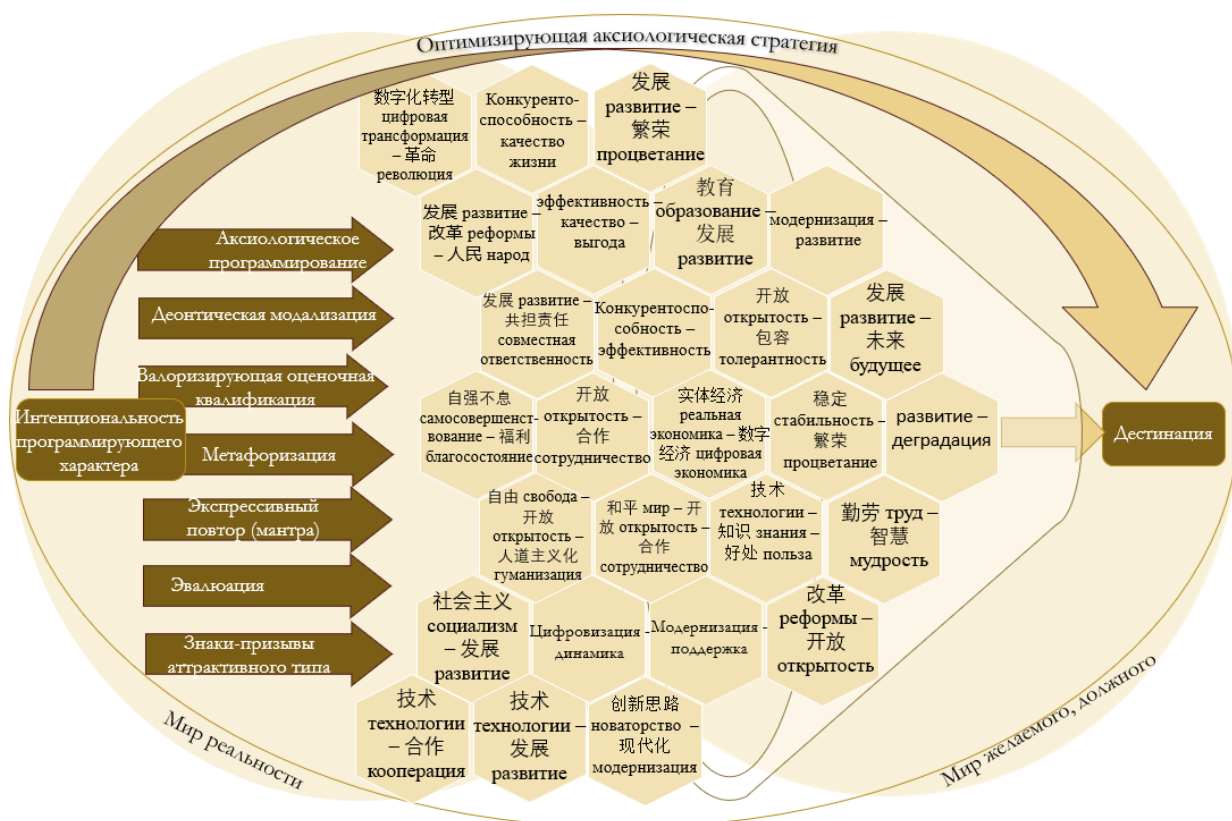

Рис. 8 иллюстрирует то, как говорящим в модусе программирующего плана на основе репрезентации видения инновационного развития в ближайшем будущем конструируется мир должного, желаемого.

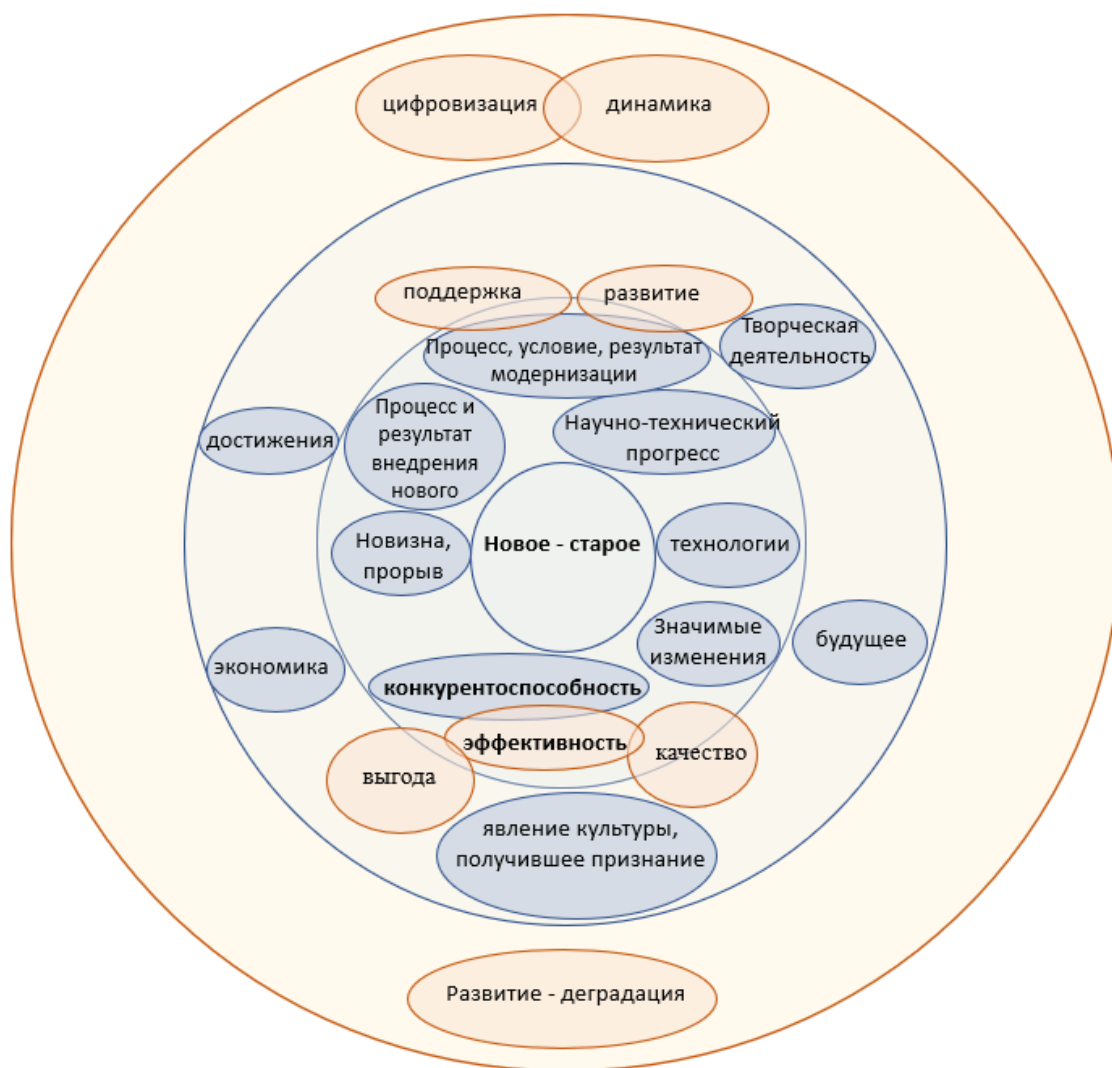
Профилирующими способами валоризирующей аргументации для валидации точки зрения говорящего являются средства аксиологического программирования, деонтическая модализация, валоризирующая оценочная квалификация, эвалюация, метафоризация, экспрессивный повтор, знаки-призывы аттрактивного типа. В ходе последовательной валоризации концепта *инновация* при помощи вышеперечисленных средств аргументации в рамках оптимизирующей аксиологической стратегии и на этапе дестинации в структуре, стоящей за знаком «инновация», формируются актуальные ценностные смыслы в виде коррелятивных узлов констеллятивного (发展 развитие – 改革 реформы – 人民 народ, 创新思路 новаторство – 现代化 модернизация, 数字化转型 цифровая трансформация – 革命 революция, 技术 технологии – 知识 знания – 好处 польза, цифровизация – динамика, конкурентоспособность – эффективность, модернизация – развитие, конкурентоспособность – качество жизни, 开放 открытость – 合作 сотрудничество, 发展 развитие – 繁荣 процветание, модернизация – поддержка, 劳动 труд – 智慧 мудрость, 改革 реформы – 开放 открытость, эффективность – качество – выгода, 社会主义 социализм – 发展 развитие, 发展 развитие – 共担责任 совместная ответственность, 技术 технологии – 合作 кооперация, 开放 открытость – 包容 толерантность, 自由 свобода – 开放 открытость – 人道主义化 гуманизация, 技术 технологии – 发展 развитие, 发展 развитие – 未来 будущее, 自强不息 самосовершенствование – 福利 благосостояние, 和平 мир – 开放 открытость – 合作 сотрудничество, 稳定 стабильность – 繁荣 процветание), конверсивного (实体经济 реальная экономика – 数字经济 цифровая экономика), гиперо-гипонимического типов (教育 образование – 发展 развитие), а также оппозитивных узлов привативного характера (развитие – деградация, застой), насыщающих и обновляющих ценностную составляющую концептуального содержания знака.

При этом, наряду с технологическими ценностными смыслами, профилируются целевые ценности социального характера.

В общем виде структура концепта по результатам анализа реализации аксиологической стратегии в оптимизирующем модусе представлена на рис.9, 10.

Рис. 9

Актуальная структура концепта *инновация* на основе анализа реализации аксиологической стратегии в оптимизирующем модусе

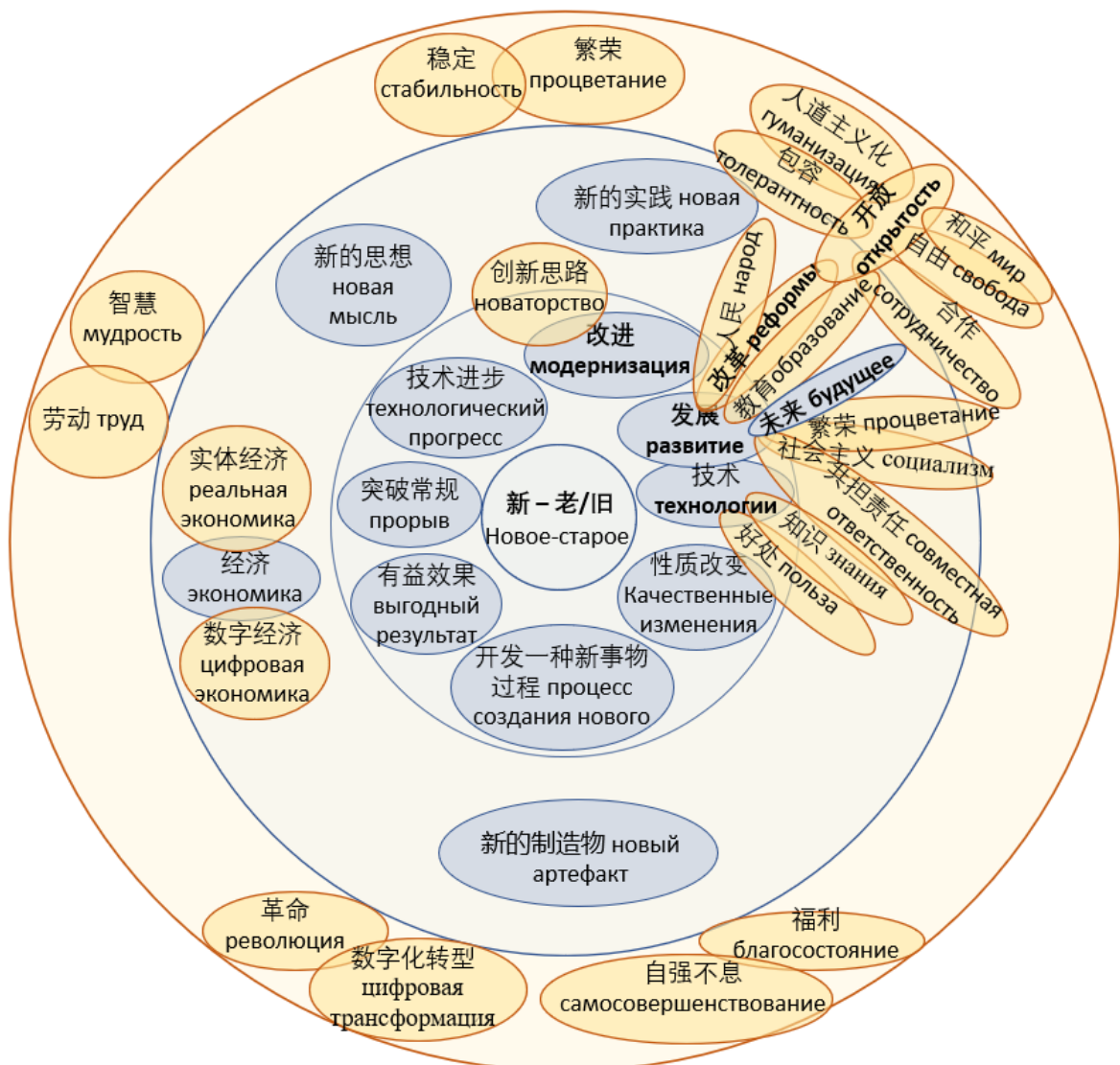

На рис. 9 видно, что в модусе оптимизирующего плана базовая категория *модернизация*, входящая в структуру концепта *инновации* по данным этносемиотрии, начинает осмысляться через коррелирующие ей категории *поддержка* и *развитие* и становится ведущей по результатам анализа реализации оптимизирующей аксиологической стратегии наравне с

категорией конкурентоспособность, которая начинает осмысляться в корреляции с ценностными смыслами *эффективность, качество, выгода*. Остальные категории, которые по результатам этносемиотрии были выявлены в структуре концепта, уходят на второй план, в периферию. В концептуальной структуре знака «инновации» появляется новый оппозитивный узел привативного характера: *развитие – деградация*. В китаеязычном дискурсе в оптимизирующем модусе концепт 创新 инновация актуализируется и значительно обновляется, что отражается в обновленной модели структуры концепта, представленной на рис. 10:

Рис. 10.

Актуальная структура концепта 创新 на основе анализа реализации аксиологической стратегии в оптимизирующем модусе

В оптимизирующем модусе на первый план в осмыслении концепта *创新* инновации выходят коррелирующие базовые по данным этносемиотрии категории *发展 развитие, 技术 технологии*, а также категория *改进 модернизация*. Категория *发展 развитие* начинает осмысляться через коррелирующие с ней ценностные смыслы *人民 народ, 繁荣 процветание, 社会主义 социализм, 共担责任 совместная ответственность, 教育 образование, 未来 будущее, 改革 реформы*, причем категория *发展 развитие* становится ведущей по результатам анализа реализации оптимизирующей аксиологической стратегии. Намечается переход категории *未来 будущее* из дальней в ближнюю периферию. Высвечивается категория *改革 реформы*, которая коррелирует с категорией *开放 открытость* – одним из значимых ценностных смыслов в структуре концепта *инновации* по результатам анализа оптимизирующей аксиологической стратегии. Категория *开放 открытость* образует коррелятивные узлы в структуре концепта со следующими ценностно насыщенными социально значимыми смыслами: *自由 свобода, 和平 мир, 人道主义 гуманизация, 包容 толерантность, 合作 сотрудничество. 技术 Технологии* получают осмысление через ценностные категории *知识 знание и 好处 польза. 改进 Модернизация*, как базовая категория концепта *инновации* профилируется в дискурсе через категорию *новаторство. 经济 Экономика* как сфера внедрения инновации получает качественные характеристики: *реальная (实体经济), цифровая (数字经济)*. Остальные категории, которые по результатам этносемиотрии были выявлены в структуре концепта, уходят на второй план, в периферию. В концептуальной структуре знака «инновации» появляются новые коррелятивные узлы констеллятивного плана: *智慧 мудрость – 劳动 труд, 福利 благосостояние –*

自强不息 самосовершенствование, *革命* революция – *数字化转型* цифровая трансформация, *稳定* стабильность – *繁荣* процветание.

Таким образом, анализ указывает на тенденцию к реструктивизации смысловой структуры концепта: появляются совершенно новые актуальные смыслы, в том числе социального характера, которые выходят на первый план, тем самым происходит переосмысление концепта в медийном коммуникативном пространстве. Обогащается не только сущностное и признаковое, но и процедурное знание.

2.3. Футурологическая аксиологическая стратегия

В модусе футурологического плана в дискурсе, организованном концептом *инновация*, моделируется мир ближайшего или отдаленного будущего, прогнозируется вероятность наступления событий, связанных с предметом обсуждения: будущего земной цивилизации, страны, человека, общества, отдельных функциональных областей экономики, искусства и т.д.

Интенциональность аксиологической стратегии футурологического плана направлена на создание образа будущего посредством экстраполирования и проецирования сценария будущего. В дискурсе об инновациях с помощью валоризации или девалоризации предмета осмысления в возможном альтернативном будущем, концепт *инновация* переосмысливается и получает статус ведущей ценности в мире будущего, что влечет за собой реконструирование ценностной картины мира адресата.

В рамках данного параграфа раскроем способы реализации футурологической аксиологической стратегии валоризирующего дискурса предметной сферы инноваций, а также выявим базовые способы аргументации, направленные на высвечивание инноваций как ценности в желаемом мире будущего и структурирование тем самым новых смыслов в концептуальной структуре знака «инновация».

Как показывает наш анализ медиа-текстов, опредмечивающих дискурс об инновациях, аксиологическая стратегия конструирования будущего, в футурологическом модусе дискурсивизации смысла, реализуется при помощи сравнения, метафоризации как способов означивания, а также на базе логических аргументов (теории, гипотезы), с использованием частных аксиологических стратегий аргументации с переходом от количественной к прототипической оценке, а также по дуге от исходной общей до количественной оценки конструируется новое видение концепта *инновация*.

Обратимся к сравнению как способу аргументации аксиологической стратегии. В валоризирующем дискурсе в модусе футурологического плана аргументация часто осуществляется за счет осмысления инновационных технологий будущего в оппозиции и посредством сравнения с привычными предметами обыденной жизни, процессами, отношениями в мире реальном с целью конструирования на этом фоне модели будущего:

(33) *Лидеры капиталистических предприятий XX века выделялись тем, что они делали. Мы были очень изобретательны: побеждал тот, кто успевал изобрести что-то новое и запатентовать свое изобретение, а тот, кто не мог этого сделать, подбирал остатки, чтобы хоть как-то выжить. Я называю это явление «инновацией в том, что делать» [что-инновацией] <...> Самые ценные инновации XXI века несут с собой не только новые продукты, услуги, навыки, новые модели ведения бизнеса и новые стратегии, но и новые способы создания ценностей – через наше поведение, как личное, так и корпоративное; это так называемые как-инновации или новые способы делать то, что мы делаем.*

В приведенном отрывке структурируется креативное авторское противопоставление по способу генерирования и производства инноваций: инновации прошлого (*что-инновации*) и инновации настоящего и будущего (*как-инновации*), причем последние валоризируются с помощью квалификации *ценные* и корреляции категории *ценности* с результатами инновационной

деятельности (*новые продукты, услуги, навыки, новые модели ведения бизнеса и новые стратегии*). В результате в концептуальной структуре концепта *инновации* структурируется оппозитивный узел эквиполентного типа: *что-инновации – как-инновации*, а также коррелятивный узел гиперогипонимического типа *как-инновации – ценности*.

Конструирование модели инновационного будущего производится посредством предикаций в плане будущего, вводится часто посредством проецирующих выражений: *представьте, вообразите*, в том числе гипотетических вопросов: *можете ли вы вообразить? Можете ли вы представить?* Данный представляемый образ будущего видится часто в рамках концепта *революция*, а инновации получают в это плане трактовку как революционный способ доступа к информации как основной ценности информационного общества:

(34) *В последующие годы компьютерные чипы будут стоить буквально копейки, дешевле, чем мусор, чем бумага, предназначенная для утилизации. И даже наши контактные линзы – если мы их наденем и просто моргнём, то выйдем в интернет. Вы представляете, как студенты будут сдавать экзамены с такими технологиями? Им не надо будет запоминать всё, что рассказывают на лекциях. Это революционизирует сферу образования, потому что не будет больше необходимости запоминать. Они моргнут, и информация станет доступна.*

(35) **设想**, 如果我们的汽车装上了操作系统, 加上数据, **世界会变成什么样? 设想**, 电灯泡、电视机、电冰箱全部装上操作系统, 全部进行数据集成以后, **世界会变成怎么样?** 以前的电器是插上了电以后就听你话, 未来电器不仅要通电, 更要通数据, 由于机器收到的数据, 机器比人变得越来越聪明。 <...> 所以我们对“聪明”二字也要重新进行定义。**Представьте себе**, если наша машина будет оснащена операционной системой и данными, **каким будет мир? Представьте себе**, что когда

лампочки, телевизоры и холодильники будут оснащены операционными системами и все данные будут интегрированы, **каким будет мир?** В прошлом электрические приборы слушали вас тогда, когда они подключены к сети. В будущем электрические приборы будут не только получать питание, но и сверх того, передавать данные. Благодаря данным, получаемым машинами, машины становятся умнее людей. <...>, Следовательно, мы должны дать новое определение слову «умный».

В примере (34) валоризация концепта *инновации* осуществляется с помощью сравнения стоимости компьютерных чипов со стоимостью мусора. Таким образом выстраивается яркий, образный **контраст**, кристаллизирующий сущность инновационной трансформации. Возведение концепта *инновации* в аксиологически более насыщенный формат знания за счет сравнения и частной аксиологической стратегии перехода от количественной к прототипической оценке позволяет осмыслить инновации с точки зрения доступности, простоты, удобства их использования. Побудительно-вопросная форма изложения *Вы представляете, как студенты будут сдавать экзамены с такими технологиями?* выступает как аттрактор и включает слушателя в диалог, касающийся инноваций и преобразований, тем самым каузируя в нем желание и потребность оказаться в мире инновационных преобразований сферы будущего и ощутить на себе плюсы инновационного прогресса и изменения качества жизни.

В примере (35) мир инновационного будущего конструируется с помощью параллельных аттрактивных вопросов, которые содержат в себе лексические повторы проецирующего выражения (设想 *Представьте себе*), а также гипотетического вопроса (世界会变成怎么样? *Каким будет мир?*). Такого рода аттракция призвана сместить фокус внимания на будущие качественные изменения, которые структурируются через оценочную квалификацию 聪明 *умный*. Такого рода квалификацией в футурологическом

модусе означиваются как отдельные предметы мира реального в их желаемом состоянии, так и целые системы, процессы, например:

(36) интерактивный умный дом будущего;

(37) умный / smart город, умное освещение, умные шторы, умный холодильник, умный транспорт, умная энергетика, умная система управления жилищно-коммунальным хозяйством, умное обращение с отходами, умное образование, умная система здравоохранения и т.д.

Оценочный квалификатор «умный» вводится в оппозиции к монотонности, рутинности, временным затратам, тем самым структурируется новый узел констеллятивного плана в концептуальной структуре знака «инновации»: *автоматизация – удобство*. В футурологическом модусе с помощью качественных определений концепт *инновация* получает квалификативное обновление как напрямую эксплицитно: *(38) 改变世界的创新 инновации, которые изменяют мир, (39) инновации, которые изменяют нашу жизнь, (40) подрывные инновации;* так и путем квалификации включенных в него категорий. Например, технологии – базовая категория в структуре концепта *инновации* квалифицируется через определения *(40) конвергентные экспоненциальные;* человек (как источник инноваций) получает квалификацию, структурированную по градации с целью репрезентации и продвижения точки зрения относительно модели инновационного мира будущего на разных этапах развития человеческой цивилизации:

(41) человек улучшающийся (2020-2025), человек подключенный (2025-2030), человек долгоживущий (2030-2035), человек неработающий (2035-2040), человек улучшенный (2040-2050), человек устремленный (2050-2060), человек программируемый (2060-2070), человек независимый (2070-2080), человек первозданный (2080-2090), человек думающий (2090-2100), человек вездесущий (2100-2120)

В представленном фрагменте (41) путем выведения дискурсивизации на целевую предназначенность инноваций людям субъект инферирует новое

видение концепта и структурирует новый узел коррелятивного плана констеллятивного типа связи в структуре концепта: *совершенство – технологизация – качество жизни*.

Метафоризация высказывания как аргумент высокочастотно используется в футурологическом модусе для продвижения позиции говорящего относительно дискурсного топика с целью структурирования концепта *инновации*:

(42) *AI 是堪比工业革命大的技术浪潮, 一定会彻底改变今天每一个行业。*

而这次疫情会成为一个契机, 让人们产生对于掌握自己命运的紧迫感, 同时也让我们看到人工智能不再遥远, 就在我们身边, 延长了我们的双手, 强大了我们的大脑, 丰富了我们的视觉, 消除了时空的障碍。

Искусственный интеллект – это технологическая волна, сравнимая с промышленной революцией, которая определенно сможет полностью изменить каждую отрасль производства. Эта эпидемия предоставит людям возможность взять судьбу в свои руки. В то же время она даст нам понять то, что искусственный интеллект находится рядом с нами, тянется к нашим рукам, укрепляет наш мозг, обогащает наше восприятие и устраняет барьеры времени и пространства.

(43) *Искусственный интеллект, машинное обучение и глубокое обучение – основные элементы семантической паутины. <...> Что будет, если применить идею семантической паутины в банковском секторе? По сути, цифровые банки – цифровые хранилища ценностей. <...> Семантический банк превратится в живого и активного компаньона моего кибермозга.*

Генерализирующая метафора «семантическая паутина» в примере (43) выступает как аттрактивный аргумент и валоризует сеть данных, наделяя её сознанием и приписывая качества умной, сложной, всеохватывающей системы, с точки зрения её роли и функций в процессах обучения и организации информации в модели будущего мира. На дальнейшую

аргументацию выводит вопросная форма изложения, являющаяся аттрактором раскрытия сущностных характеристик предмета высказывания. Валоризация осуществляется при помощи квалификации банка, с одной стороны, как *хранилища ценностей*, с другой как *живого, активного партнера*, тем самым говорящий осуществляет возведение концепта *инновации* в шкале значимостей, профилирующих ценностные смыслы. Инновации осмысляются иначе, с точки зрения подключения (инклюзии) в ценностно насыщенные категории «ценности», «партнерство». Человек приобретает новых компаньонов (*семантический банк*), а сам он, в его целостности, редуцируется до понятия «кибермозг».

Во фрагменте (42) метафора *技术浪潮* валоризует искусственный интеллект путем представления его в образе волны и сравнения с инновационной для своего времени, промышленной революцией, качественно изменившей все отрасли производства, тем самым очерчивается новый революционный этап общественного развития, который находится в зоне ближайшего будущего и окажет положительное влияние на человека и общества в целом. Искусственный интеллект категоризуется с помощью оценочных предикативных структур с метафорическим значением *强大了我们的大脑, 丰富了我们的视觉, 消除了时空的障碍*. В результате в процессе оценочной концептуализации в структуре концепта конструируются новые смыслы в виде коррелятивных узлов констеллятивного характера: *AI (artificial intelligence) искусственный интеллект – 技术革命 технологическая революция, 性质变化 качественные изменения – 无限可能 безграничные возможности (отсутствие барьеров)*.

Аргументация по отношению к дискурсивному топику – инновационному миру будущего аргументируется с помощью структурирования эксплицированной оппозиции мира реального и мира возможного, которая профилируется в метафорическом ключе в предложениях, построенных по принципу параллелизма:

(44) *现在, 科技能看、能听、能互动——如人类一般。未来, 科技能观察、能聆听, 能感受——如朋友一般。Сейчас технологии могут видеть, слышать и взаимодействовать – точно так же, как люди. В будущем технологии смогут наблюдать, слушать и чувствовать, как друзья.*

В данном фрагменте (44) метафоризация валоризует технологии – категорию, входящую в концепт *инновации*, наделяя их качествами, присущими человеку, тем самым технологии в частности и инновации в целом осмысляются путем инклюзии к ценностно-насыщенной категории «друзья», в результате в структуре концепта *инновации* формируются коррелятивные узлы констеллятивного типа связи: *聪明科技* умные технологии – *机器人化* роботизация, *机器* машина – *朋友* друг.

Концепт *инновации* в футурологическом модусе конструируется с помощью новых концептуальных образований:

(41) *Каждый третий хотя бы раз задумывается о **биохакинге** — попытке «взломать» генетически заданный уровень здоровья и продолжительность жизни. <...> Активно распространяются **нейроинтерфейсы**, связывающие напрямую мозг и компьютер. Генетические технологии позволяют в полной мере вернуть **биоразнообразие**.*

Концептуальные образования по типу заимствований из английского *биохакинг*, *нейроинтерфейс*, *биоразнообразие* образованы путем редукции, в представленном фрагменте о них говорится в настоящем времени, как о том, что происходит в мире реальном, однако данные редуцированные понятия относятся к целевым образованиям, к зоне ближайшего будущего. Такой способ структурирования информации призван оказать эффект воздействия на потенциального адресата для убеждения и принятия мира возможного, в котором существующие сегодня инновации станут обыденностью.

Помимо концептуальных образований, в модусе футурологического плана эксплицитно высвечиваются аксиологемы-аттракторы, которые

находятся в отношениях взаимозависимости и осмысляются в модели траектории от мира реальности к миру возможного инновационного будущего и формируют следующие коррелятивные узлы синонимичного (45) *диджитализация – цифровая трансформация*, и констеллятивного типов связи (46) *киберпанк – нейроинтерфейс*, (47) *роботизация – искусственный интеллект*, (48) *人工智能 искусственный интеллект – 数字化 цифровизация*, *人工智能 искусственный интеллект – 机器学习 машинное обучение*, (49) *Интернет вещей – нейронные сети*.

Гипотетизация является также одним из активно используемых способов реализации аксиологической стратегии дискурса в футурологическом модусе дискурсивизации, то есть концептуализации и оценивания дискурсного топика. Аргументация дискурсивной позиции в футурологическом модусе, прежде всего, опирается на эвалюативные (количественно-фактологические) гипотезы для верификации своей точки зрения:

(50) *Долгосрочным последствием внедрения беспилотных автомобилей и других автономных транспортных средств может стать **радикальное** изменение способов использования автомобилей, отразится на транспортной инфраструктуре и использовании городских территорий. Возможно, мы получим **существенное** снижение количества дорожно-транспортных происшествий и жертв на дорогах: более 90% аварий случаются из-за человеческой ошибки.*

(51) *Если революция машинного интеллекта пойдет так, как нам хотелось бы, появившийся в её результате сверхразум почти наверняка найдет способ бесконечно продлевать жизнь людей, которые окажутся его современниками, причем не просто продлевать жизнь, но и делать ее абсолютно качественной, поскольку люди будут совершенно здоровы и полны энергией – тоже благодаря стараниям сверхразума.*

Аргументация в примерах (50), (51) имеет форму гипотезы, прогноза: говорящий, высвечивая ценностную составляющую концепта под определенным углом, валоризует предмет осмысления в возможном альтернативном будущем. Гипотеза в примере (50) как аргумент вводится с переходом от общей к количественной оценке. С помощью квалификаторов *радикальный, существенный* положительно оценивается внедрение инноваций в дорожно-транспортную систему, тем самым вектор размышления над будущим страны направляется в нужную адресанту сторону. В примере (51) гипотетизация маркируется через высказывания со значением эпистемического долженствования (*почти наверняка*). Конструирование мира возможного осуществляется с опорой на кваликативные и предикативные выражения с положительной оценкой по шкале значимостей: (*бесконечно продлевать жизнь, делать [жизнь] абсолютно качественной, люди будут совершенно здоровы и полны энергией*). При этом в ценностной составляющей концепта *инновации* формируются новые коррелятивные узлы констеллятивного характера, способствующие наращению его структуры: *качество – здоровье – совершенство, революция – машинный интеллект, сверхразум – энергия*.

Аргументация может опираться на мнение ученых для большей кредитивности и иметь характер **вызова** для сознания целевого адресата:

(43) В 2030 году мы будем заниматься любовью с роботами! Это первая идея. Добавим к ней вторую: по мнению ученых, вскоре дети будут рождаться без участия людей.

Аргументирование в такой аттрактивной форме с непрямым порядком изложения призвано максимально воздействовать на адресата, удивить, ввести в шоковое состояние, заинтересовать, при этом отсылка к ученым убеждает переосмыслить предмет высказывания и принять инновации как факт, неизбежную реальность мира будущего.

Обратимся к логическому способу реализации аксиологической стратегии. Дедукция как аргумент в футурологическом модусе призвана

Дискурс финализируется посредством профилирования и аккумуляции смысла в выводной аксиологеме целевого характера – *интернет вещей*, которая означает видение будущего мира, где инновации и технологии интегрированы с человеком. Такого рода осмысление формирует в концептуальном содержании знака «инновация» узел коррелятивного плана с констеллятивным типом связи: *жизнь – технологии*.

На этапе финализации и дестинации смысла в дискурсе футурологического плана высвечивается и продвигается идея о мире будущего, как единственно верный, безальтернативный путь развития для всего человечества:

(35) *我觉得这是我们共同的未来，活在未来，没办法活在昨天，更没有办法把昨天留住。Я думаю, что это наше общее будущее, живите в будущем, так как у нас нет возможности оставаться в дне вчерашнем, да ещё и удерживать его.*

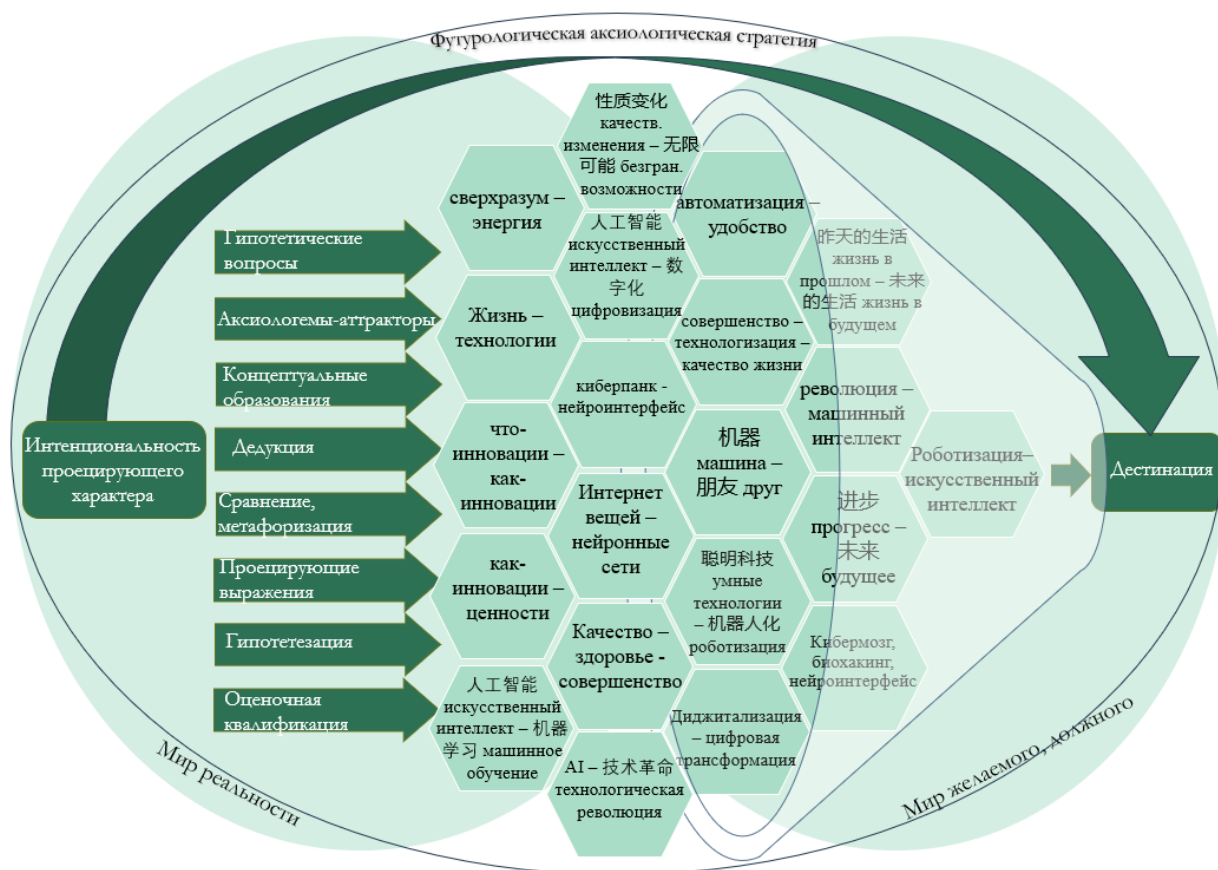
(54) *预测未来最好的方式，就是去创造未来。Лучший способ предсказать будущее – это создать будущее.*

В примере (35) аксиологема итогового целевого характера *未来* эксплицитно выводится способом структурирования оппозиции *昨天* — *未来*, тем самым в структуре концепта конструируется оппозитивный человекоцентрический узел эквиполентного типа связи *昨天的生活* *жизнь в прошлом* – *未来的生活* *жизнь в будущем* и коррелятивный узел констеллятивного типа *进步* *прогресс* – *未来* *будущее*. В примере (54) будущее как категория, включенная в концепт *инновации*, структурируется с помощью квалификатора *好* и осмысляется в операционном ключе путем противопоставления предикатов *预测* — *创造*, тем самым во фразе имплицитно звучит призыв к действиям по созданию и продвижению инноваций с целью приближения мира будущего.

Таким образом, аксиологический анализ валоризирующего дискурса об инновациях в футурологическом модусе позволил выявить основные способы валоризации концепта *инновации*, а также способы структурирования аксиологической стратегии, которые способствуют порождению новых смыслов в концептуальной структуре знака «инновация» в виде оппозитивных и коррелятивных узлов. В общем виде модель реализации футурологической аксиологической стратегии представлена на рис. 11.

Рис. 11

Модель реализации футурологической стратегии

Итак, в футурологическом модусе на основе моделирования будущего как целевой сферы, включенной в концепт *инновация*, конструируется мир возможного, желаемого. К ведущим способам аргументации валоризирующего характера для продвижения мнения и точки зрения говорящего относительно предметного топика относим средства гипотетизации, сравнение, метафоризацию, дедукцию, оценочную квалификацию, гипотетические вопросы. В ходе последовательной

валоризации концепта при помощи вышеперечисленных средств аргументации и на этапе дестинации в футурологическом модусе знак «инновация» последовательно конструируется через:

- аксиологемы (*интернет вещей*);
- оппозитивные узлы эквиполентного типа (*昨天的生活 жизнь в прошлом – 未来的生活 жизнь в будущем, что-инновации – как-инновации*);
- коррелятивные узлы гиперо-гипонимического (*как-инновации – ценности*), синонимического (*диджитализация – цифровая трансформация*) и констеллятивного типов (*автоматизация – удобство, совершенство – технологизация – качество жизни, AI (artificial intelligence) искусственный интеллект – 技术革命 технологическая революция, 性质变化 качественные изменения – 无限可能 безграничные возможности, 聪明科技 умные технологии – 机器人化 роботизация, 机器 машина – 朋友 друг, кибербанк – нейроинтерфейс, роботизация – искусственный интеллект, 人工智能 искусственный интеллект – 数字化 цифровизация, 人工智能 искусственный интеллект – 机器学习 машинное обучение, Интернет вещей – нейронные сети, качество – здоровье – совершенство, революция – машинный интеллект, сверхразум – энергия, жизнь – технологии, 进步 прогресс – 未来 будущее*).
- новые концептуальные образования (*кибермозг, биохакинг, нейроинтерфейс*);
- качественные квалификативные определения (*умный/smart/ 聪明, конвергентный, экспоненциальный, подрывной*).

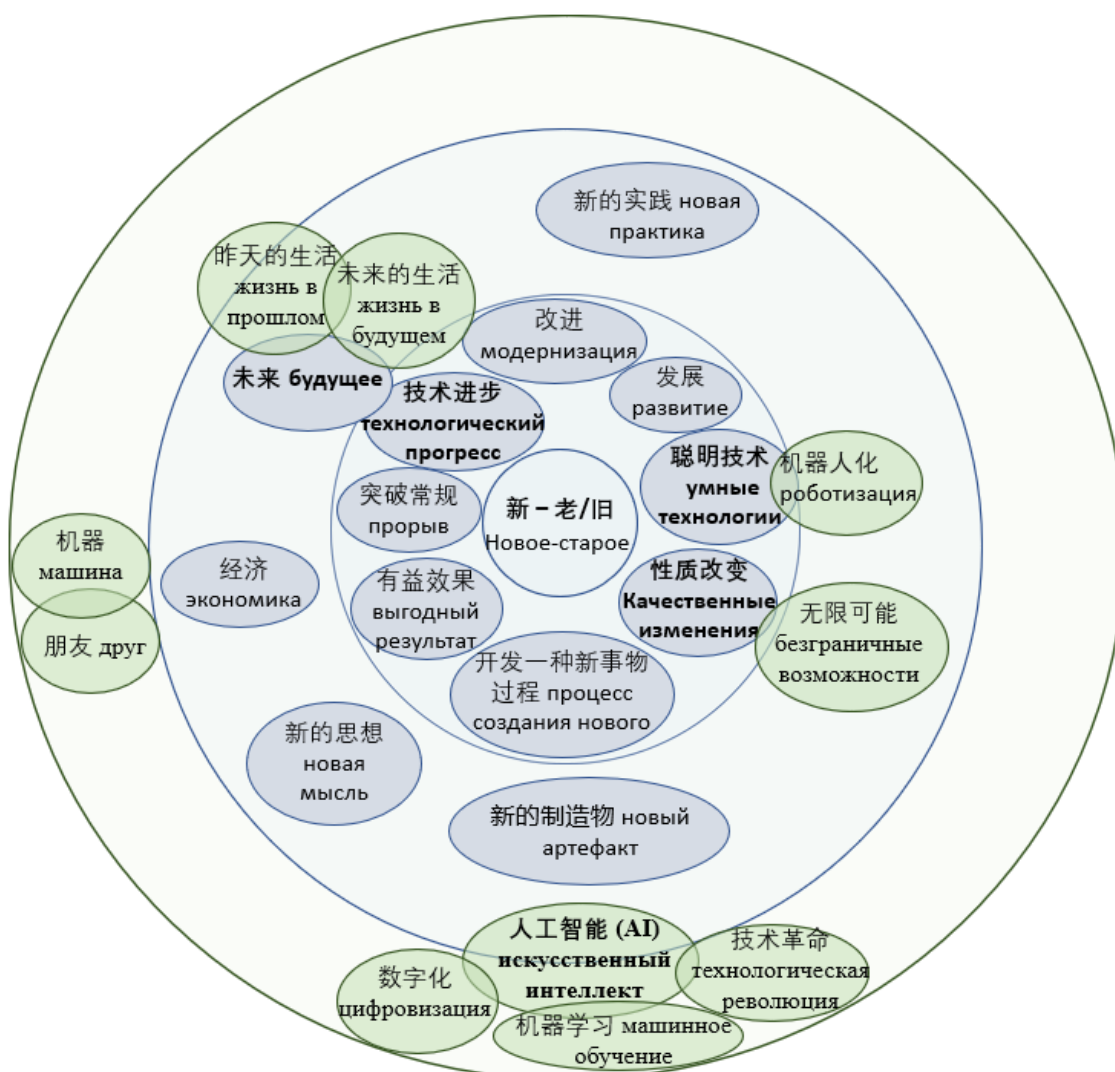
Структуры дискурсивизации, продвигаемые футурологической аксиологической стратегией, способствуют выдвигению актуальных целевых ценностных смыслов мира желаемого и должного в концептуальной структуре, стоящей за знаком «инновации» в когнитивной системе адресата.

В общем виде структура концепта по результатам анализа реализации аксиологической стратегии в футурологическом модусе представлена на рис.12, 13.

цифровая трансформация, Интернет вещей – нейронные сети, как-инновации – ценности. Таким образом, наблюдается реструктивизация смысловой структуры концепта: в футурологическом модусе в ходе реализации аксиологической стратегии актуализируется концептуальное содержание знака, высвечиваются совершенно новые ценности, целевые признаки концепта, которые выходят на первый план, тогда как такие целевые категории мира реальности как *творческая деятельность, достижения, конкурентоспособность* отходят на второй план, в периферию в сознании адресанта. Изменения в структуре концепта *инновация* высвечиваются в китаеязычном дискурсе, схематично они представлены на рис. 13.:

Рис. 13.

Актуальная структура концепта *创新* на основе анализа реализации аксиологической стратегии в футурологическом модусе

На рис. 13 видно, что в модусе футурологического плана, как и в русскоязычном экспертном дискурсе базовая категория *技术 технологии*, входящая в структуру концепта *инновации* по данным этносемиотрии, получает квалификацию *聪明 умные* и осмысляется через корреляцию с категорией *机器人化 роботизация*. Перспективизируется также категория *性质改变 качественные изменения*, которая коррелирует с категорией *无限可能 безграничные возможности*. Высвечивается категория *未来 будущее* за счет корреляции с базовой категорией в ближней периферии *技术进步 технологический прогресс* и осмысления через ценностную оппозицию *昨天的生活 жизнь в прошлом – 未来的生活 жизнь в будущем*. В футурологическом модусе перспективизируется ценностная категория *人工智能 (AI) искусственный интеллект*, которая образует корреляцию констеллятивного характера с ценностными смыслами: *数字化 цифровизация, 机器学习 машинное обучение, 技术革命 технологическая революция*. В структуре концепта *创新 инновации* появляются и новые коррелятивные узлы: *机器 машина – 朋友 друг*.

Таким образом, в футурологическом модусе очерчиваются изменения в концептуальной структуре концепта: актуализируются имеющиеся признаки в структуре концепта, появляются новые коррелятивные узлы, насыщающие его смысловую структуру, из ближней в дальнюю периферию отходят отдельные целевые признаки в структуре концепта, выявленные на этапе анализа этносемиотрии знака.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Модусный подход к анализу валоризирующего дискурса предметной сферы инновация позволил выявить три аксиологических стратегии (футурологическая, оптимизирующая, критическая), а также способы их структурирования, которые приводят к изменениям и актуализации в концептуальной структуре, стоящей за знаком «инновация».

В модусе критического плана профилируется критическая направленность сознания на предметный топик (критическая интенциональность адресанта сообщения), которая проецируется на стратегичность на базе контрастной, часто ироничной, аксиологической оппозиции «необходимая реальность – настоящая реальность» посредством аргументов, имеющих аттрактивный характер. К базовым способам структурирования аксиологической стратегии критического плана относятся: критическая эвалюация, аксиологическая поляризация, девалоризирующая оценочная номинация, метафоризация. В результате медийной оценочной концептуализации на основе критической аксиологической стратегии продвижения наиболее значимого смысла и на этапе дестинации как реального итога процесса дискурсивизации конструируются новые оппозитивные концептуальные узлы в структуре концепта эквивалентного (*реализованные инновации – должные инновации, реальные – сомнительные инновации*) и привативного характера (*无效 бесполезный – 有效 эффективный, 乏支撑 отсутствие поддержки – 支持 содействие, рутинность – изобретательность; естественность – искусственность инноваций, оригинальные – заимствованные («ворованные») инновации*); а также коррелятивные узлы констеллятивного (*技术 технологии – 产业 производство, 改革 реформы – 管理 управление, 优化 оптимизация – 竞争 конкуренция, 健康 здоровье – благосостояние, комфорт – качество жизни, 科学 наука – 技术 технологии, стимуляция научных кадров – сохранение интеллектуального*

потенциала, время – деньги – комфорт, свобода – творчество, 时间] время – 自由 свобода, знания – технологии, свобода – благосостояние, 优化 оптимизация – 竞争 конкуренция) и конверсивного типов связей (развитие – прогресс).

В модусе оптимизирующего плана высвечивается интенциональность программирующего характера, которая получает дальнейшее развитие на этапе стратегичности и порождает следующие способы валоризирующей аргументации для валидации позиции говорящего: аксиологическое программирование, деонтическая модализация, валоризирующая оценочная квалификация, эвалюация, метафоризация, экспрессивный повтор, знаки-призывы аттрактивного типа. Структурирование и продвижение смысла в аксиологической стратегии оптимизирующего плана, а также на этапе дестинации при помощи такого рода аргументов способствует формированию актуальных ценностных смыслов в концепте *инновация* в виде коррелятивных узлов констеллятивного (发展 развитие – 改革 реформы – 人民 народ, 创新思路 новаторство – 现代化 модернизация, 数字化转型 цифровая трансформация – 革命 революция, 技术 технологии – 知识 знания – 好处 польза, цифровизация – динамика, конкурентоспособность – эффективность, модернизация – развитие, конкурентоспособность – качество жизни, 开放 открытость – 合作 сотрудничество, 发展 развитие – 繁荣 процветание, модернизация – поддержка, 劳动 труд – 智慧 мудрость, 改革 реформы – 开放 открытость, эффективность – качество – выгода, 社会主义 социализм – 发展 развитие, 发展 развитие – 共担责任 совместная ответственность, 技术 технологии – 合作 кооперация, 开放 открытость – 包容 толерантность, 自由 свобода – 开放 открытость – 人道主义化 гуманизация, 技术 технологии – 发展 развитие, 发展 развитие – 未来 будущее, 自强不息 самосовершенствование – 福利 благосостояние, 和平 мир – 开放

открытость – 合作 сотрудничество, 稳定 стабильность – 繁荣 процветание), конверсивного (*实体经济 реальная экономика – 数字经济 цифровая экономика*), гиперо-гипонимического типов (*教育 образование – 发展 развитие*), а также оппозитивных узлов привативного характера (*развитие – деградация, застой*).

В модуле футурологического плана в дискурсе, организованном концептом *инновация*, перспективизируется интенциональность проецирующего характера, которая способствует продвижению ценностных целевых смыслов мира желаемого в аксиологической стратегии путем аргументации валоризирующего характера с помощью средств гипотетизации, сравнения, метафоризации, дедукции, оценочной квалификации, гипотетических вопросов. Данные способы валоризации способствуют продвижению новых выводных аксиологем (*интернет вещей*) и концептуальных образований (*кибермозг, биохакинг, нейроинтерфейс*), формированию оппозитивных узлов эквиполентного характера (*昨天的生活 жизнь в прошлом – 未来的生活 жизнь в будущем, что-инновации – как-инновации*), а также коррелятивных узлов гиперо-гипонимического (*как-инновации – ценности*), синонимического (*диджитализация – цифровая трансформация*) и констеллятивного типов (*автоматизация – удобство, совершенство – технологизация – качество жизни, AI (artificial intelligence) искусственный интеллект – 技术革命 технологическая революция, 性质变化 качественные изменения – 无限可能 безграничные возможности, 聪明科技 умные технологии – 机器人化 роботизация, 机器 машина – 朋友 друг, кибербанк – нейроинтерфейс, роботизация – искусственный интеллект, 人工智能 искусственный интеллект – 数字化 цифровизация, 人工智能 искусственный интеллект – 机器学习 машинное обучение, Интернет вещей – нейронные сети, качество – здоровье – совершенство, революция –*

машинный интеллект, сверхразум – энергия, жизнь – технологии, 进步 прогресс – 未来 будущее) в структуре концепта *инновация*.

Векторы изменения структуры концепта *инновация* в виде конструирования новых концептуальных образований, выводных целевых аксиологем, формирования новых узлов оппозитивного и коррелятивного планов прослеживаются путем сопоставления полученных результатов анализа реализации аксиологических стратегий и той структуры концепта *инновация*, которая была выявлена на этапе анализа семантики знака методом этносемиометрии. Данные анализа представлены на рис. 14, 15

Рис. 14.

Актуальная структура концепта *инновация*

Актуализация и профилирование ценностных категорий, которые были выведены в ходе анализа реализации аксиологических стратегий, привели к реструктуризации смысловой структуры концепта. Среди ближайших к ядру категорий профилируется выявленная на этапе этносемиометрии категория *технологии*, которая получает качественную квалификацию *умные* и коррелирует с категориями *конкурентоспособность*, *качество жизни*, *жизнь*, *комфорт*, *время* *деньги*, *знания*. Наряду с ценностными смыслами *результат модернизации*, *умные технологии*, *конкурентоспособность*, в ближней периферии появляется новая ценностная категория *качество жизни*, которая была выявлена по результатам анализа аксиологических стратегий. Категории *научно-технический прогресс*, *творческая деятельность* отходят на второй план в дальнюю периферию знака. К обновленным элементам дальней периферии также отнесем следующие ценностные смыслы: *развитие*, *поддержка*, *благополучие*, *свобода*, *качество*, *совершенство*, *здоровье*, *комфорт* *эффективность*, *машинный / искусственный интеллект*. Нужно отметить, что в структуре концепта на этом уровне наблюдаются отдельные коррелятивные узлы, не связанные с ближней периферией, например, *эффективность – выгода*, *стимуляция научных кадров – сохранение интеллектуального потенциала*, *сверхразум – энергия*, *машина – друг*, *киберпанк – нейроинтерфейс*, *Интернет вещей – нейронные сети*, *удобство – автоматизация*, *как-инновации – ценности*, *диджитализация – цифровая трансформация*, *динамика – цифровизация*; а также оппозитивные узлы: *рутина – изобретательность*, *реальные инновации – должные инновации*, *реальные инновации – сомнительные инновации*, *естественность – искусственность инноваций*, *оригинальные – заимствованные («ворованные») инновации*, *что-инновации – как-инновации*. В архив знания уходят категории, которые по данным этносемиометрии были в ближних слоях: *процесс и результат внедрения нового*, *будущее*, *экономика*, *значимые изменения*, *достижения*, *прорыв*, *явление культуры*, *получившее признание*.

聪明 умные и образует корреляцию констеллятивного типа с базовой категорией 发展 развитие, а также коррелирует с ценностными смыслами 科学 наука, 机器人化 роботизация, 好处 польза, 知识 знания, 产业 производство, 合作 сотрудничество. Самой ближайшей к ядру категорией оказывается также категория (квалификативный признак), ранее не выявленная по результатам этносемиотрии – 开放 открытость, которая образует коррелятивные узлы с категориями 包容 толерантность, 改革 реформы, 合作 сотрудничество, 自由 свобода. К элементам дальней периферии отнесем категории, выявленные на этапе этносемиотрии, которые отошли на второй план: 未来 будущее, 性质改变 качественные изменения, 改进 модернизация, 经济 экономика, 技术进步 технологический прогресс, а также новые ценностные смыслы, которые профилируются по результатам анализа аксиологических стратегий в траектории дискурсивизации: 改革 реформы, 繁荣 процветание, 自由 свобода, 合作 сотрудничество, 技术革命 технологическая революция, 人工智能 (AI) искусственный интеллект. В структуре концепта образуются не связанные с ближней периферией коррелятивные (朋友 друг – 机器 машина, 优化 оптимизация – 竞争 конкуренция, 自强不息 самосовершенствование – 福利 благосостояние, 智慧 мудрость – 劳动 труд), а также отдельные оппозитивные узлы, обновляющие ценностное содержание концепта 创新: 昨天的生活 жизнь в прошлом – 未来的生活 жизнь в будущем, 缺乏支撑 отсутствие поддержки - 支持 содействие, 无效 бесполезный – 有效 эффективный. В архив знания уходят категории, которые по данным этносемиотрии были в ближнем слое: 新的造物 новый артефакт, 新的思想 новая мысль, 新的实践 новая практика, 突破常规 прорыв, 有益效果 выгодный результат, 开发一种新事物过程 процесс создания нового.

Стоит заметить, что для русскоязычного экспертного дискурса осмысление концепта *инновации* в большей степени происходит в критическом модусе, в меньшей степени в модусах футурологического и оптимизирующего планов. Данное соотношение представлено на рис. 16.

Рис. 16

Этноспецифика модусов поляризации аксиологических стратегий в русскоязычном дискурсе

Для китаеязычного дискурса характерно преобладание оптимизирующего модуса в траектории дискурсивизации, в меньшей степени структурирование оценочного отношения осуществляется в футурологическом модусе. В критическом модусе смыслообразование по исследуемому предметному топику реализуется достаточно мало, это отражено на рис. 17:

Рис. 17

Этноспецифика модусов поляризации аксиологических стратегий в русскоязычном дискурсе

Таким образом, анализ аксиологических стратегий в критическом, оптимизирующем и футурологическом модусах позволил выявить изменения в структуре концепта, заключающиеся как в формировании новых связей между категориями в структуре концепта, так и в образовании новых концептуальных коррелятивных и оппозитивных узлов различного типа, которые способствуют реструктуризации концепта и его валоризации в медийном коммуникативном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевыми положениями при установлении теоретических оснований исследования является концептуально-оценочный подход к дискурсивизации. Концепт, вокруг которого организуется дискурсивизация, обладая аксиологическим статусом, конструирует дискурс валоризирующего характера. Под валоризирующим типом дискурса понимается такой дискурс, в котором смыслообразование реализуется как структурирование оценочного отношения к объекту, то есть в определенном модусе интерпретации. В таком типе дискурса открывается множественная интерпретативная перспектива, опорный ценностно насыщенный концепт отличается неопределенностью в интерпретации и конструктивным потенциалом в продвижении актуальных социальных смыслов путем метафоризации и других способов преодоления неопределенного через известное и определенное. Анализ, проведенный методом этносемиотрии, выявил в структуре концепта *инновации* базовый исторически заложенный оппозитивный узел «старое, устаревшее – новое, радикально преобразованное и более совершенное», в котором компонент *новое* включает в себя семы небывалое, неопределенное, передовое, современное, неповторимое, усовершенствованное, вносящее существенные изменения. В китайском языке выявлено специфическое понимание инноваций, свойственное китайской культуре: инновации представляют собой внедрение нового через отказ/уничтожение старого. Методом этносемиотрии были выявлены ценностно насыщенные категориально-оценочные компоненты в структуре концепта *инновации*. Так, в русском языке в ближней периферии знака «инновация» выявлены следующие категории: *технологии, значимые изменения, научно-технический процесс, процесс, условие, результат модернизации, новизна, прорыв, процесс и результат внедрения нового, конкурентоспособность*. В ближней периферии концепта *创新* высвечиваются как общие с знаком «инновации» компоненты в структуре знака, а именно: *科技 технологии, (性质) 改变 (качественные)*

изменения, *突破常规* прорыв, *改进* модернизация, *科技进步* технологический прогресс, так и этноспецифические компоненты: *发展* развитие. К дальнейшей периферии исследуемых знаков относим сферу, в которую в большей степени внедряются инновации – *经济* экономику, а также целевую сферу, в которой осмысляются инновации – *未来* будущее, кроме того, сюда входят компоненты *творчество, культура, достижения*, характерные для русского знака, а также категории *新的思想* новая мысль, *新的实践* новая практика, *新的制造物* новый артефакт, специфичные для концепта *创新*.

Концептуальный анализ знаков, проведенный при помощи метода этносемиологии, выявил превалирование аксиологической доминанты в знаке «инновация» на основе исходного понимания «нового» в противопоставлении «старому» как устаревшему, не эффективному, не успешному, ретроградному. Это позволило отнести данный знак к числу целевых аксиологем в медийном коммуникативном дискурсивном пространстве, порождающих валоризирующий дискурс экспертного сообщества.

Субъект, имея статус эксперта в современном медийном пространстве, оказывает воздействие на социального адресата в ситуации когнитивной неопределенности, целенаправленно формирует модусы видения мира и тем самым формулирует, транслирует и продвигает наиболее значимые для него смыслы, которые оказывают влияние как на личностную, так и на национально-культурную аксиосферу как глубинное измерение целостной концептосферы. Под модусом в модели анализа понимаем концептуально-оценочное видение ситуации и топика. Модус отражает экзистенциальное бытие и деятельность человека в целевых векторах между миром реального и миром возможного, должного и желаемого. Понятие «модуса» дискурсивизации получает лингвофилософское экзистенциальное, а также собственно дискурсивное отграничение.

Модусный подход к дискурсивизации как вербализации смысла в высказывании прослеживается во всех компонентах траектории дискурсивизации, от исходных установок, интенциональности, которые определяют модус высказывания, т. е. проецируют соответствующую стратегию, до дестинации – целевой предназначенности данного высказывания в ситуации коммуникации. Такой подход придает аксиологический характер реализуемой стратегии. Под аксиологической стратегией в модусной модели анализа в траектории дискурсивизации понимаем оптимальный для медиатора способ конструирования наиболее значимого для него смысла в определенной модусной рамке, отграничивающей способ его продвижения и валидации в коммуникативном пространстве.

С позиции модусного подхода к концептуально-оценочному анализу, валоризирующий экспертный дискурс, организованный аксиологически нагруженным концептом *инновация*, в современном медийном пространстве репрезентирован в модусах концептуализации, реализуемых в аксиологических стратегиях критического, оптимизирующего, футурологического планов, что приводит к сдвигам и обновлению в структуре концепта *инновация*.

Профилирование критического модуса обусловлено установкой на критическое осмысление ситуации и интенцию сообщить о критических аспектах современного состояния по топику *инновация* с ориентацией на некоторые идеалы, нормы и образцы. Критическая интенциональность проецируется на вид аксиологической стратегии критического плана, для которой профилирующими способами аргументации и структурирования смысла выступают критическая эвалюация, девалоризирующая оценочная номинация, метафоризация, аксиологическая поляризация. На этапе дестинации модуса аксиологической стратегии критического плана как вклада данного дискурса в конструирование нового видения предмета дискурсивизации

(инноваций) происходит рефрейминг проблемной ситуации, очерчивается и осмысливается единственно возможный путь к решению проблемы.

В совокупности текстов дискурса об инновациях оптимизирующего модуса профилируется программирующая интенциональность, доминирующим концептом оценочного плана становится «оптимизация» как выбор наилучшего варианта для достижения максимальной эффективности. Аксиологическая стратегия оптимизирующего плана, проецируемая программирующей интенциональностью, нацелена на то, чтобы указать способы оптимальной деятельности на пути реализации инноваций во всех социальных практиках и призвать к следованию по этому пути. Валидация дискурсивной позиции в аксиологической стратегии оптимизирующего плана реализуется, прежде всего, в аргументации посредством аксиологического программирования, деонтической модализации, валоризирующей оценочной номинации, эвалюации, метафоризации, экспрессивного повтора, знаков-призывов аттрактивного типа. Дестинацией модуса оптимизирующей аксиологической стратегии является внедрение идеи об инновациях как одной из базовых целей развития общества, распространение положительных практик внедрения инноваций во все сферы общества.

В футурологическом модусе моделируется мир будущего, прогнозируется вероятность наступления событий, связанных с предметом обсуждения, что порождает интенцию проецирующего характера. В валоризирующем дискурсе футурологического плана аргументация, как правило, осуществляется путем переноса дискуссивизации в мир будущего и конструирования его модели и включает следующие способы структурирования смысла для верификации позиции говорящего: гипотетизация, сравнение, метафоризация, дедукция, оценочная квалификация, гипотетические вопросы. Дестинацией модуса футурологической аксиологической стратегии является визуализация видения «мира инноваций».

На основе изучения аксиологических стратегий валоризирующего экспертного дискурса об инновациях удалось выявить не только способы структурирования смысла, но и произвести моделирование структуры концепта, выявить ориентиры, социально значимые тенденции в разработке ценностных смыслов за последние два десятилетия и проследить эволюцию ценностных смыслов в концептуальном содержании знака «инновации», отличающегося неопределенностью в интерпретации. Было установлено, что выводные ценностные смыслы в виде коррелятивных и оппозитивных узлов, концептуальных образований, которые инферируются в модусах критического, оптимизирующего и футурологического планов по принципу значимости, привели к реструктурированию смысловой структуры концепта.

Базовыми категориями, через которые осмысляется концепт *инновации* в русском языке, становятся ценностные смыслы: *результат модернизации, умные технологии, конкурентоспособность, качество жизни*. Дальняя периферия насыщается новыми смыслами, которые коррелируют со структурными элементами ближней периферии в структуре знака, к их числу отнесем следующие категории: *развитие, поддержка, благосостояние, свобода, качество, совершенство, здоровье, комфорт эффе́ктивность, машинный / искусственный интеллект*. В архив знания уходят ценностно-насыщенные категории, которые были выявлены методом этносемиометрии: *процесс и результат внедрения нового, будущее, экономика, значимые изменения, достижения, прорыв, явление культуры, получившее признание*. В структуре концепта высвечиваются отдельные коррелятивные узлы не связанные с ближней периферией. Например, коррелятивные узлы констеллятивного характера: *эффе́ктивность – выгода, динамика – цифровизация, стимуляция научных кадров – сохранение интеллектуального потенциала, сверхразум – энергия, машина – друг, киберпанк – нейроинтерфейс, Интернет вещей – нейронные сети, удобство – автоматизация*; гиперо-гипонемического типа: *как-инновации – ценности*; синонимического характера: *диджитализация – цифровая трансформация, а*

также оппозитивные узлы: *рутина – изобретательность, реальные инновации – должные инновации, реальные инновации – сомнительные инновации, естественность – искусственность инноваций, что-инновации – как-инновации, оригинальные – заимствованные («ворованные») инновации.* Отмечаем превалирование критического модуса при осмыслении целевого концепта *инновации* в медийном коммуникативном пространстве.

В китайском языке концепт *инновации* осмысляется через следующие базовые категории в его структуре: *发展 развитие, 聪明技术 умные технологии*, а также с помощью квалификативного компонента *开放 открытость, открытый.* Данные ценностные смыслы коррелируют с категориями из дальней периферии, к числу которых относим компоненты, выявленные на этапе этносемиотрии и отошедшие на второй план: *未来 будущее, 性质改变 качественные изменения, 改进 модернизация, 经济 экономика, 技术进步 технологический прогресс*, а также новые ценностные смыслы, которые профилируются в критическом, оптимизирующем, футурологическом модусах реализации аксиологических стратегий: *改革 реформы, 繁荣 процветание, 自由 свобода, 合作 сотрудничество, 技术革命 технологическая революция, 人工智能 (AI) искусственный интеллект.* В структуре концепта образуются новые коррелятивные узлы констеллятивного типа (*朋友 друг – 机器 машина, 优化 оптимизация – 竞争 конкуренция, 自强不息 самосовершенствование – 福利 благосостояние, 智慧 мудрость – 劳动 труд*), а также оппозитивные узлы эквиполентного (*昨天的生活 жизнь в прошлом – 未来的生活 жизнь в будущем*) и привативного характера (*缺乏支撑 отсутствие поддержки – 支持 содействие, 无效 бесполезный – 有效 эффективный*), существенно обновляющие ценностное содержание концепта *创新.* В архив знания уходят категории, которые по данным этносемиотрии были в ближнем слое: *新的制造物 новый артефакт, 新的思想 новая мысль,*

新的实践 новая практика, *突破常规* прорыв, *有益效果* выгодный результат, *开发一种新事物过程* процесс создания нового. Отмечаем превалирование оптимизирующего модуса при осмыслении целевого концепта *инновации* в медийном коммуникативном пространстве китайской лингвокультуры.

Дальнейшее исследование аксиологических стратегий целесообразно продолжить с точки зрения изучения их конструктивного потенциала реализации в инновационном дискурсе. Данная перспектива анализа позволит изучить процесс инновационного смыслопорождения в социальном контексте коммуникации с позиции совмещенности процессов концептуализации и оценивания в коммуникативном пространстве, произвести аксиологическое моделирование инновационного дискурса, изучить внутренние механизмы настройки текста, выявить способы структурирования нового знания, мнения, оценки медиатора и, в конечном счете, осмыслить состояние и эволюцию сущностных смыслов человека и общества в целом. К перспективе исследования отнесем также выделение и других возможных модусов дискурса об инновациях, например, комического модуса и аксиологических стратегий их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367. Текст : непосредственный.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341с. Текст : непосредственный.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с. Текст : непосредственный.
4. Афиногенова В.А. Интенциональная организация повседневного диалога / В.А. Афиногенова // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2012. Выпуск 2. – С. 257-256. Текст : непосредственный.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр.; под ред. Р.А. Будагова / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 407 с. Текст : непосредственный.
6. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74-91. Текст : непосредственный.
7. Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка: На материалах политической риторики и социально-бытового общения: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Е. Бардина. – Иркутск, 2004. – 180 с. Текст : непосредственный.
8. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х / М.М. Бахтин // Собрание сочинений в 7-ми томах. – М.: Русские словари, 1997. – 731 с.
9. Бахтин М.М. Слово в романе / Бахтин М.М. // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 169 с. Текст : непосредственный.

10. Беляева Л.Н. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме / Л.Н. Беляева, В.Е. Чернявская // Вопр. когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77-84. Текст : непосредственный.
11. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. – Челябинск: ФБГОУ ВО «ЧелГУ», 2011. № 33 (248). С. 11-16. Текст : непосредственный.
12. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика / Н.Н. Болдырев. – М.: Директ -Медиа, 2016. – 251 с. Текст : непосредственный.
13. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: ФГБОУ ВПО ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. № 4. С. 17-28. Текст : непосредственный.
14. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н.Н. Болдырев // С любовью к языку. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 103-114. Текст : непосредственный.
15. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. Текст : непосредственный.
16. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер – М.: Прогресс, 2000. – 528 с. Текст : непосредственный.
17. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: ЕГУ, 2002. – 379 с. Текст : непосредственный.
18. Викулова Л.Г. Структура и способы конструирования социальной реальности в медийном дискурсе (предметная область иммиграция) / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова // Вестник НВГУ, 2014. – №4. – С. 10-17. Текст : непосредственный.
19. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. Текст : непосредственный.

20. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М., 2003. – С. 5-12. Текст : непосредственный.

21. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с. Текст : непосредственный.

22. Воронова С.К. Ценностная составляющая концепта “memory” в произведении Стива Уотсона “Before I Go to Sleep” / С.К. Воронова, Н.А. Паскова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2017. – № 3(116). С. 132-138. Текст : непосредственный.

23. Го Ли. «Укоренившись в родной культуре, мыслить глобально»: Ши Сюй и его «Исследование современного китайского дискурса» / Го Ли, Д.Р. Шарафутдинов // Политическая лингвистика, 2019. – №4 (76). – С. 12-20. Текст : непосредственный.

24. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия монографий / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак.; Вып. 1. – Москва : Издательство Московского университета, 1969. – 564 с. Текст : непосредственный.

25. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман // Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с. Текст : непосредственный.

26. Дейк Т.А ван Язык. Познание. Коммуникация / ван А.Т. Дейк. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэн де Куртенэ, 2000.– 308 с. Текст : непосредственный.

27. Дейк Т.А. ван К определению дискурса. / ван Т.А. Дейк; Лондон, 1998. – URL : <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 12.07.2017). Текст : электронный.

28. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. – С. 116-133. Текст : непосредственный.

29. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 17-33. Текст : непосредственный.

30. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 327-337. Текст : непосредственный.

31. Димова Г.В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Г.В. Димова. – Иркутск, 2004. – 343 с. Текст : непосредственный.

32. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2008. – 264 с. Текст : непосредственный.

33. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Лингвистическое наследие XX в.: пер. с англ. В.Д. Мазо. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с. Текст : непосредственный.

34. Жеребило Т.В. Концепт как объект науки / Т.В. Жеребило // *Lingua-universum*. – 2006. – № 6. – С. 98-102. Текст : непосредственный.

35. Залевская А.А. Проблема знания в различных ракурсах / А.А. Залевская // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 14-65. Текст : непосредственный.

36. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 229 с. Текст : непосредственный.

37. Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 317 с. Текст : непосредственный.

38. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Омск, 1999. – 284 с. Текст : непосредственный.

39. Кадачиева Х.М. Ценность как философская и лингвистическая категория / Х.М. Кадачиева, А.Б. Абдулкадырова // Современные

исследования социальных проблем. – Красноярск: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-инновационный центр». – 2018. №4 – 3. – С. 54 - 68. Текст : непосредственный.

40. Казыдуб Н.Н. Аксиологические системы в языке и речи / Н.Н. Казыдуб // Вестник ИГЛУ. – Иркутск: ФГБОУ ВО «ИГЛУ», 2009. – С. 132-137. Текст : непосредственный.

41. Казыдуб Н.Н. Стратегический инструментарий дискурсивного пространства / Н.Н. Казыдуб // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011. – № 2. – URL : http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_kazydub_n.n._0.pdf (дата обращения: 30.06 2017). Текст : электронный.

42. Каплуненко А.М. О преимуществах системно-деятельностного подхода к педагогическому дискурсу / А.М. Каплуненко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 175-178. Текст : непосредственный.

43. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80. Текст : непосредственный.

44. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1(39). – С. 43-50. Текст : непосредственный.

45. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5-20. Текст : непосредственный.

46. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. Текст : непосредственный.

47. Карпухина В.Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста: монография / В. Н. Карпухина; АлтГУ. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. – 141 с. Текст : непосредственный.

48. Карымшакова Т.Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: дис.... к-та фил. наук: 10.02.19 / Т.Г. Карымшакова. – Улан-Удэ, 2015. – 201 с. Текст : непосредственный.

49. Кашкин В.Б. Дискурс / В.Б. Кашкин. – Воронеж, 2004. – 76 с. Текст : непосредственный.

50. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с. Текст : непосредственный.

51. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов /А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. № 2. 2009. – С. 3–21. Текст : непосредственный.

52. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е.В. Клюев. – М.: РИПОЛ Классик, 2002. – 316 с. Текст : непосредственный.

53. Кокина К.В. Векторы эволюции ценностных ориентиров персональной аксиосферы в современном медийном дискурсе / К.В. Кокина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, №2. – С. 195-203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.17>. Текст : непосредственный.

54. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации / И.В. Кононова //Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. СПб.: Изд-во ГЛУ им. А.С. Пушкина, 2012. Т. 7. С. 49-61. Текст : непосредственный.

55. Крапивкина О.А. Дискурсивное экспертное сообщество vs. дискурсопорождающая деятельность субъекта / О.А. Крапивкина // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск, 2014. – №9(92). – С. 300-304. Текст : непосредственный.

56. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути к получению знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира /

Е.С. Кубрякова. – Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. Текст : непосредственный.

57. Кубрякова Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблемы их классификации. М.; Тамбов, 2008. – С. 11-24. Текст : непосредственный.

58. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания / Е.С. Кубрякова // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 23-33. Текст : непосредственный.

59. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12-51. Текст : непосредственный.

60. Лакофф Дж. Женщины, огонь и другие опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении: пер с англ. / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004а. – 792 с. Текст : непосредственный.

61. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – под ред. и с пред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004б. – 256 с. Текст : непосредственный.

62. Лобанова Т.Н. Лингвистический анализ китайского политического медиадискурса: структура, характеристики и дискурсивные практики: автореф. дис. ... д. филол. наук: 10.02.19 / Т.Н. Лобанова. – Мытищи, 2020. – 50 с. Текст : непосредственный.

63. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. - СПб.: Искусство СПб, 2000. – 704 с. Текст : непосредственный.

64. Лотце Р.Г. Основания практической философии / Р.Г. Лотце; пер. с нем. Я. Огус. – СПб.: тип. М.И. Румша 1882. – 87 с. Текст : непосредственный.

65. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: «Гнозис», 2003. – 280 с. Текст : непосредственный.

66. Маланханова А.Е. Особенности перевода текстов экономического дискурса с китайского языка на русский язык / А.Е. Маланханова П.В. Сысоев // Язык и культура. 2015. № 4. С. 31-45. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000523977> (дата обращения: 20.03.2016). Текст : электронный.

67. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.search1.ruscorpora.ru/search.xml> (дата обращения: 20.03.2016). Текст : электронный.

68. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М.: Высш. школа, 1982. – 272 с. Текст : непосредственный.

69. Озерова Е.Г. Когнитивные аспекты апперцепции памяти / Е.Г. Озерова, Н.В. Попиль // Сетевой научно-практический журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – 2014. – № 2. – С. 88-93. Текст : непосредственный.

70. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения: На материале политических дебатов / Н.А. Ощепкова: дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – 199 с. Текст : непосредственный.

71. Павиленис Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М., 1983. – 286 с. Текст : непосредственный.

72. Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов / И.А. Перельмутер // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – М., 1991. – С. 7-66. Текст : непосредственный.

73. Петров В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний / В.В. Петров // Вопросы языкознания. 1990. – № 6. – С. 102-109. Текст : непосредственный.

74. Плотникова С.Н. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология / С.Н. Плотникова, Е.Ф. Серебренникова // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 1 (22). – С. 183-189. Текст : непосредственный.

75. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С.Н. Плотникова. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000. – 244 с. Текст : непосредственный.

76. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Попова. – Липецк, 1996. – 22 с. Текст : непосредственный.

77. Попова Д.А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.А. Попова. – Улан-Удэ, 2017. – 217 с. Текст : непосредственный.

78. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – К.: Ваклер, 2001. – 210 с. Текст : непосредственный.

79. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с. Текст : непосредственный.

80. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19 / И.В. Рогозина. – Барнаул, 2003. – 430 с. Текст : непосредственный.

81. Рясина М.А. Стратегии политического медиа-дискурса: на материале электронных СМИ ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.А. Ояси́на. – Самара, 2014. – 21 с. Текст : непосредственный.

82. Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.И. Семенова. – Иркутск, 2007. – 35 с. Текст : непосредственный.

83. Серебренникова Е.Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса / Е.Ф. Серебренникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013а. – № 2. – С. 13-18. Текст : непосредственный.

84. Серебренникова Е.Ф. Аксиологическое измерение дискурса / Е.Ф. Серебренникова // Вестник Московского государственного

лингвистического университета. Гуманитарные науки. – М.: МГЛУ, 2015. – № 21 (732). С. 128-137. Текст : непосредственный.

85. Серебренникова Е.Ф. К проблеме аксиологического измерения социального дискурса / Е.Ф. Серебренникова // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2012. №S1. С. 122-128. Текст : непосредственный.

86. Серебренникова Е.Ф. Лингвоаксиологические операции: в пространстве между миром реальным и миром дискурсивного позиционирования // Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ. ред. Е.Ф. Серебренниковой. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 10-28. Текст : непосредственный.

87. Серебренникова Е.Ф. Многозначность в аспекте аттрактивности знака в коммуникации // Многозначность языковых единиц в когнитивном аспекте: коллективная монография / отв. ред. Л. М. Ковалева; ред. С.Ю. Богданова, Т.И. Семенова. Иркутск: ИГЛУ, 2013в. – С. 158-168. Текст : непосредственный.

88. Серебренникова Е.Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2008. – С. 8-62. Текст : непосредственный.

89. Серебренникова Е.Ф. Текст и дискурс: на пути к формированию методологии и инструментария лингвоаксиологического анализа / Е.Ф. Серебренникова // Сборник научных статей в честь юбилея доктора филологических наук, профессора Ларисы Георгиевны Викуловой под общ. ред. Е.Г. Таревой. – М.: Московский городской педагогический университет, 2017. – С. 34-45. Текст : непосредственный.

90. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Серль // Философия, логика, язык. М., 1987. – С. 96-126. Текст : непосредственный.

91. Симатова С.А. Частицы как способ выражения модальности в китайском языке / С.А. Симатова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение. Африканистика – СПб.: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 2014. Сер. 13. Вып. 4. С. 23 – 36. Текст : непосредственный.

92. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с. Текст : непосредственный.

93. Солганик Г.Я. О текстовой модальности как семантической основе текста / Г.Я. Солганик // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции МГОПУ. – М., 1999. – С. 364-372. Текст : непосредственный.

94. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во уральского университета, 1999. – 240 с. Текст : непосредственный.

95. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. – С. 35-73. Текст : непосредственный.

96. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с. Текст : непосредственный.

97. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка / Степанов Ю. С. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с. Текст : непосредственный.

98. Тванба Т.А. Аксиологические характеристики концептуализации предметной сферы здоровья во французском медийном критическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т.А. Тванба. – Иркутск, 2013. – 233 с. Текст : непосредственный.

99. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер М., Р. Водак и др. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с. Текст : непосредственный.

100. Тогошиева Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса (на материалах политической риторики) / Н.Е. Тогошиева // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – Улан-Удэ, 2010, С. 98-102. Текст : непосредственный.

101. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона; Послесл. А.А. Реформатского. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 372 с. Текст : непосредственный.

102. Фреге Г. Смысл и значение / Г. Фреге // Избранные работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. – С. 25-49. Текст : непосредственный.

103. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X – М.: Прогресс, 1988. – С. 496-530. Текст : непосредственный.

104. Фуко М. Археология знания: коллективная монография / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с. Текст : непосредственный.

105. Хахалова С.А. Метафора: техника и идеология / С.А. Хахалова // Вестник ИГЛУ. Серия Филология. – Иркутск, 2011. – С. 126-131. Текст : непосредственный.

106. Хоменко Е. В. Общее значение и экономическая сущность понятия «инновация» / Е. В. Хоменко // Идеи и идеалы. – 2011. – № 1. – С. 110-116. Текст : непосредственный.

107. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 340-369. Текст : непосредственный.

108. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: дис.... д-ра фил. наук: 10.02.04 / В.Е. Чернявская. – СПб, 2000. – 448 с. Текст : непосредственный.

109. Чернявская В.Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В.Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. – Томск: ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», 2017. – №50. – С. 135-148. Текст : непосредственный.
110. Чернявская В.Е. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе / В.Е. Чернявская, Е.Н. Молодыхенко // Учебник для магистратуры. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 176 с. Текст : непосредственный.
111. Чернявская В.Е. Текст в медиальном пространстве / В.Е. Чернявская // учебное пособие. – М.: Либроком, 2013. – 228 с. Текст : непосредственный.
112. Чернявская В.Е. Текст и социальный контекст. Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения / В.Е. Чернявская. – М.: Ленанд, 2021. – 208 с. Текст : непосредственный.
113. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е.И. Шейгал. – М.: РГБ, 2005. – URL: <https://www.academia.edu/9556373/> (дата обращения: 10. 03. 2020). Текст : электронный.
114. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с. Текст : непосредственный.
115. Якоба И.А. О власти дискурса как дискурсивной силе управления коммуникацией / И.А. Якоба // Вестник ЧГУ. – Череповец: ФГБОУ ВО «ЧГУ», – 2019. – № 4 (91). – С. 132-141. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-13. Текст : непосредственный.
116. Якоба И.А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса: дис.... д-ра фил. наук: 10.02.19 / И.А. Якоба. – Иркутск, 2019. – 399. Текст : непосредственный.
117. Якобсон Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с. Текст : непосредственный.

118. Angenot M. Théorie di discours social. Notions de topographie des discours et de coupure cognitive / M. Angenot // Discours en contexte. 2006. – № 1. – P. 12-25. Текст : непосредственный.

119. Godin Benoît Innovation: the history of a category / Benoît Godin // Project on the intellectual history of innovation. – 2008. – Working paper № 1. – 67 p. Текст : непосредственный.

120. Google Books Ngram Viewer – URL : <https://www.books.google.com/ngrams/> (дата обращения: 15.03.2016). Текст : электронный.

121. Google Trends – URL : <https://trends.google.ru/trends/explore?date=all&q=инновация> (дата обращения: 19.03.2020). Текст : электронный.

122. Grace George W. The Linguistic Construction of Reality / George W. Grace. – London; New York : Croom Helm, 1987. – 152 p. Текст : непосредственный.

123. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar / R.W. Langacker. – Volume 2. Front Cover. Stanford University Press, 1987. – 528 p. Текст : непосредственный.

124. Morris C.W. Foundations of the theory of signs / C.W. Morris // International encyclopedia of unified science. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1938. – Vol. 1, N 2. – 59 p. Текст : непосредственный.

125. Talmy L. Toward a cognitive semantics / L. Talmy. – URL : <https://www.acsu.buffalo.edu/~talmy/talmyweb/TCS.html> (дата обращения: 15.03.2016). Текст : электронный.

126. Talmy L. Attention Phenomena / L. Talmy // The Oxford handbook of cognitive linguistics / edited by Dirk Geeraerts and Hubert Cuycens. - NJ: Oxford University Press, 2007. – P. 264-293. Текст : непосредственный.

127. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J.R. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 312 p. Текст : непосредственный.

128. Wilson D. Representation and relevance / D. Wilson, D. Sperber // Mental representations: The interface between language and reality. – Cambr. etc.: Cambr. UP, 1988. – P.133-153. Текст : непосредственный.

129. 百度百科 – URL: <http://baike.baidu.com/subview/15381/5375888.htm> (дата обращения: 02.06.2020). Текст : электронный.

130. 黄远征, 创新与创业基础教程 / 黄远征, 陈劲, 张有明: 清华大学出版社, 2017. – 319 页. Текст : непосредственный.

131. 胡春阳, 话语分析: 传播研究的新路径 / 胡春阳. – 2007. – URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_55c7e4ab0100hxhn.html (дата обращения: 08.09.2021). Текст : электронный.

132. 陈忠华, 知识与语篇理解: 话语分析认知科学方法论 / 陈忠华, 刘心全. – 2004. – URL: <http://vdisk.weibo.com/s/BU7HeOfIjMov1>. (дата обращения: 02.09.2021). Текст : электронный.

133. 陈晓玉, 学校的管理创新与策略 (上) / 陈晓玉 – 沈阳: 辽海出版社, 2011. – 74 页. Текст : непосредственный.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

1. Азрилиян А.Н. Большой экономический словарь / А.Н. Азрилиян. – URL: <http://sbiblio.com/BIBLIO/content> (дата обращения: 04.04.2016). Текст : электронный.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 01.04.2018). Текст : электронный.
3. БКРС. – URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%88%9B> (дата обращения: 12.05.2021). Текст : электронный.
4. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В.С. Безрукова. – URL: <http://biogr.znate.ru/docs/index-1722.html?page=37> (дата обращения: 02.04.2016). Текст : электронный.
5. Власть. Политика. Государственная служба: аналитический словарь-справочник / В.Ф. Халипов [и др.] – Киев: Ника-Центр, 2002. – 245 с. Текст : непосредственный.
6. Гамезо М.В. Словарь-справочник по педагогической психологии / М.В. Гамезо. – URL: <http://www.psyoffice.ru/slovar-s177.htm> (дата обращения: 04.04.2016). Текст : электронный.
7. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. - Мн.: Харвест, 1998. – 800 с. Текст : непосредственный.
8. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече 2000, 2003. – 512 с. Текст : непосредственный.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 246 с. Текст : непосредственный.
10. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки / Л.И. Лопатников – URL :<http://slovar-lopatnikov.ru/slovar/i/innovaciya/> (дата обращения: 03.04.2016). Текст : электронный.

11. Ляпон М.В. Модальность / М.В. Ляпон // Большая российская энциклопедия. – URL : <https://bigenc.ru/linguistics/text/2221549> (дата обращения: 02.06.2020). Текст : электронный.
12. Некрасов С.И. Философия науки и техники: тематический словарь / С.И. Некрасов. – URL : <http://terme.ru/dictionary/906/word/inovacija> (дата обращения: 29.03.2016). Текст : электронный.
13. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – Мн.: Книжный дом, 2001. – 1280 с. Текст : непосредственный.
14. Сарыбеков М.Н., Сындыкназаров М.К. Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории: Учебное пособие. / М.Н. Сарыбеков, М.К. Сындыкназаров. – Изд. 2-е. – Алматы: Триумф «Т», 2008. – 504 с. Текст : непосредственный.
15. Словарь иностранных слов. – URL : <http://endic.ru/fwords/Kriticheskiy-18695.html> (дата обращения: 23.10.2020). Текст : электронный.
16. Словарь терминов по социальной статистике / Б. Батлер [и др.]; - URL : http://social_statistics.academic.ru/ (дата обращения: 01.04.2016) / Текст : электронный.
17. Социология: Энциклопедия / А.А. Грицанов [и др.]; – Мн.: Книжный дом, 2003. – 1312 с. Текст : непосредственный.
18. Толковый словарь «Инновационная деятельность». Термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я) / Под ред. В. И. Сулова. – URL : http://innovative_activities.academic.ru/ (дата обращения: 03.04.2016) Текст : электронный.
19. Толковый словарь Кузнецова / С.А. Кузнецов. – URL : <http://endic.com/kuzhесov/Innovaciја-57477/> (дата обращения: 03.04.2016). Текст : электронный.
20. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз / под ред. Е.Е. Топильской. – URL : http://advertising_pr.academic.ru/ (дата обращения: 01.04.2016). Текст : электронный.

21. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А.Г. Грязновой. – URL : http://finance_loan.academic.ru/649 (дата обращения: 02.04.2016). Текст : электронный.
22. Шохин В.К., Абушенко В.Л. Ценность / Гуманитарная энциклопедия: Концепты // Центр гуманитарных технологий, 2002–2020 (последняя редакция: 03.09.2020). – URL : <https://gtmarket.ru/concepts/6895> (дата обращения: 1.03.2021). Текст : электронный.
23. Энциклопедия права / под общ. ред. А.Г. Грязновой. – URL : http://encyclopediya_prava.academic.ru/ (дата обращения: 01.04.2018). Текст : электронный.
23. 国学大师. – URL : <http://www.guoxuedashi.com/hydc/d/63113k.html> (дата обращения: 02.06.2020). Текст : электронный.
24. 汉语大辞典. – URL: <http://www.hydc.com/cidian/4884.htm> (дата обращения: 12.05.2020). Текст : электронный.
25. 皮尔斯·戴维, 现代经济学词典 / 戴维·皮尔斯. – 上海: 上海译文出版社, 1983. – 715 页。Текст: непосредственный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

(1) 习近平. 在深圳经济特区建立 40 周年庆祝大会上的讲话 / 习近平 // 人民日报 . – 2020. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/1015/c64094-31892362.html> (дата обращения: 14.01.2021). Текст : электронный.

(2) Медведев Д.А. Стенограмма выступления на VI Московском международном форуме инновационного развития «Открытые инновации» / Д.А. Медведев. – 2017. – URL : <http://government.ru/news/29668/> (дата обращения: 14.11.2019). Текст : электронный.

(3) 携手共进. 合力打造高质量世界经济 / 习近平 // 新华社大阪. – Осака, 2019. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/28/c_1124684186.htm (дата обращения: 03.09.19). Текст : электронный.

(4) Терентьев Д. Молоко без коровы. Почему России не удаётся построить инновационную экономику / Д. Терентьев // Аргументы Недели. № 4 (546). – 2017. – URL : <https://argumenti.ru/economics/n575/521042> (дата обращения: 14.11.2019). Текст : электронный.

(5) 习近平: 努力成为世界主要科学中心和创新高地/ 习近平. – 2021. – URL : <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0315/c64094-32051839.html> (дата обращения: 16.03.2021). Текст : электронный.

(6) 姜欣欣. 如何应对金融科技的“创新不足” / 姜欣欣 // 中国金融新闻网 –2018. – URL: https://www.financialnews.com.cn/ll/ft/201809/t20180917_146205.html (дата обращения: 25.11.2019). Текст : электронный.

(7) Трубкин Г. Как России вписаться в мировую инновационную экосистему / Г. Трубкин //Telegram-канал РБК. Тренды – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5f5b7cf59a79470c4bf7fb0f> (дата обращения: 25.11.2020). Текст : электронный.

(8) 张双南. 中国科技创新的两个优势和两个短板 / 张双南// 高校科技. – 2018. – URL: https://www.edu.cn/rd/expert/201803/t20180330_1592907.shtml (дата обращения: 25.11.2019). Текст : электронный.

(9) Лесков С. Инноваторы и лохи / С. Лесков // Российская академия наук. – 2009. – URL : <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=57a868ee-519f-4486-b267-6300ae81f9fb&print=1> (дата обращения: 14.11.2020). Текст : электронный.

(10) Носырев И. Инноград обреченный / И. Носырев // The new times. – 2010. – URL : <https://newtimes.ru/articles/detail/29569/> (дата обращения: 14.11.2019). Текст : электронный.

(11) Рашидов О. Сколково: принуждение к чуду. Реальная история создания самого амбициозного проекта в России / О. Рашидов – М.: Манн, Иванов, Фербер, 2012. – 256 с. Текст : непосредственный.

(12) Горевой Р. Как выбрасывают государственные миллиарды на сомнительные инновационные проекты / Р. Горевой // Версия. – URL : <https://versia.ru/kak-vybrasyvayut-gosudarstvennye-milliardy-na-somnitelnye-innovacionnye-proekty> (дата обращения: 14.11.2019). Текст : электронный.

(13) Самитова А. Свалить из России на наши деньги: В "Сколково" учат как / А. Самитова // Телеканал Царьград. – 2020. – URL : https://tsargrad.tv/articles/svalit-iz-rossii-na-nashi-dengi-v-skolkovo-uchat-kak_297522 (дата обращения: 27.11.2020). Текст : электронный.

(14) Беляева Я. «Сколково»: что вышло из проекта российской Кремниевой долины / Я. Беляева // DW. – 2019. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/3Rqrp> (дата обращения: 01.12.2020). Текст : электронный.

(15) Михалков Н.С. Над пропастью во лжи. Бесогон ТВ [Электронный ресурс] / Н.С. Михалков. – 2021. – URL: <https://www.vesti.ru/video/2277445> (дата обращения: 13.03.2021). Текст : электронный.

(16) Как устроена IT-столица мира. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=9lO06Zxhu88&t=11s> (дата обращения: 1.12.2020). Текст : электронный.

(17) 许秀华：中国人缺乏原始创新能力的症结何在. – 2016. – URL : https://www.sohu.com/a/115259251_100928 (дата обращения: 05.06.2020). Текст : электронный.

(18) Иноземцев В. Догоним ли мы Америку / В. Иноземцев // МКРУ. – 2017. – URL : <https://www.mk.ru/economics/2017/02/05/dogonim-li-my-ameriku.html> (дата обращения: 07.12.2020). Текст : электронный.

(19) Медведев Д.А. Стенограмма выступления на III Московском международном форуме инновационного развития «Открытые инновации» / Д.А. Медведев. – 2014. – URL : <http://government.ru/news/15217/> (дата обращения: 14.11.2019). Текст : электронный.

(20) Путин В.В. Стенограмма выступления на заседании Кабинета министров / В.В. Путин. – 2008. – URL : <http://archive.government.ru/docs/1376/> (дата обращения: 14.09.2017). Текст : электронный.

(21) 深入理解新发展理念 . – 2019. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-05/16/c_1124500984.htm (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(22) Медведев Д.А. Стенограмма выступления на заседании президиума Совета при Президенте России по модернизации экономики и инновационному развитию / Д.А. Медведев. – 2013. – URL : <http://government.ru/news/1911/#1911=6:114:vvf,6:147:dYc> (дата обращения: 14.06.2021). Текст : электронный.

(23) 习近平在博鳌亚洲论坛 2018 年年会开幕式上的主旨演讲 // 新华社海南博鳌. – 博鳌, 2018. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-04/10/c_1122659873.htm (дата обращения: 03.09.19). Текст : электронный.

(24) 单晓冰. 开放创新促进繁荣发展 [电子资源] / 单晓冰 // 人民日报. – 2018. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201804/04/t20180404_28714665.shtml (дата обращения: 04.12.2020). Текст : электронный.

(25) 共谋绿色生活. 共建美丽家园 / 习近平 // 新华社北京. – 北京, 2019. – URL : http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-04/28/c_1124429816.htm (дата обращения: 03.09.19). Текст : электронный.

(26) 李克强. 在第三届莫斯科国际创新发展论坛上的演讲[电子资源] / 李克强 . – URL: <http://ru.china-embassy.org/chn/zgxw/t1200643.htm> (дата обращения: 14.07.2020). Текст : электронный.

(27) Медведев Д.А. Стенограмма выступления на VII Московском международном форуме инновационного развития «Открытые инновации» / Д.А. Медведев. – 2018. – Режим доступа: <http://government.ru/news/29668/> (дата обращения: 14.11.2019). Текст : электронный.

(28) Мишустин М.В. Стенограмма видеообращения к участникам IX Московского международного форума «Открытые инновации» от 20.10.2020. – URL: <http://government.ru/news/40650/> (дата обращения: 14.11.2020). Текст : электронный.

(29) Мишустин М.В. Стенограмма выступления на международной промышленной выставке «Иннопром – 2021» от 05.07.2021 / М.В. Мишустин. – URL : <http://government.ru/news/42682/> (дата обращения: 20.07.2021) Текст : электронный.

(30) Медведев Д.А. Стенограмма выступления на Международной онлайн-конференции к пятилетию «Сколково» / Д.А. Медведев. – 2015. – URL : <http://government.ru/news/19838/> (дата обращения: 14.09.2017). Текст : электронный.

(31) 习近平: 在全国抗击新冠肺炎疫情表彰大会上的讲话 [电子资源] / 习近平 . – 2020. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2020/1015/c64094-31893514.html> (дата обращения: 14.12.20). Текст : электронный.

(32) 习近平在亚信第五次峰会上的讲话 [电子资源] / 习近平. – 2019. – URL : <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0615/c64094-31154155.html> (дата обращения: 14.12.20). Текст : электронный.

(33) Сайдман, Д. Отношение определяет результат / Д. Сайдман. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 400 с. Текст: непосредственный.

(34) Каку М. Стенограмма выступления на VI Московском международном форуме инновационного развития «Открытые инновации» / М. Каку. – 2017. – URL: <http://government.ru/en/news/29668/> (дата обращения: 26.10.2020). Текст : электронный.

(35) 马云. 大数据时代应回归计划经济 / 马云. – 2019. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4b712d230102yh9r.html (дата обращения: 02.04.21). Текст : электронный.

(36) Скижали-Вейс А.В. Интерактивный дом будущего / А.В. Скижали-Вейс // Строительный эксперт. – 2015. – URL : <https://ardexpert.ru/project/2312> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(37) Технологии Smart City – будущее городов // Информационно-аналитический бюллетень №9. – 2018. – URL : http://www.rudn.ru/u/www/files/page/rudn_9_2018.pdf (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(38) 晨曦. 改变世界的十大科技创新 /晨曦 //“环球”杂志. – 2013. – URL : http://www.360doc.com/content/13/0215/13/3959512_265743962.shtml (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(39) 5 инноваций, которые изменят нашу жизнь в ближайшие 5 лет. – 2018. – URL: https://forbes.kz/process/technologies/5_innovatsiy_kotoryie_izmenyat_nashu_jizn_v_blijayshie_5_let/ (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(40) Диамадис П. Будущее быстрее, чем вы думаете. Как технологии меняют бизнес, промышленность и нашу жизнь / П. Диамадис, С. Котлер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 384 с. Текст: непосредственный.

(41) Чулок А. Дорога длиною в век: по какому пути пойдет развитие человечества / А. Чулок //РБК. – 2020. – URL :

<https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5e0386609a7947086502e858> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(42) 李彦宏. AI 一定会彻底改变每一个行业 / 李彦宏. – 2020. – URL : <https://ishare.ifeng.com/c/s/7xzN8TjktU> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(43) Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого / К. Скиннер; пер.с англ. О. Сивченко. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 304 с. Текст: непосредственный.

(44) 英特尔眼中的未来三大科技趋势 . – 2016. – URL : <http://news.sina.com.cn/o/2016-02-24/doc-ifxpvutf3299325.shtml> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(45) Переход в другой мир. – 2020. – URL : <https://www.rvc.ru/press-service/media-review/rvk/155515/> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(46) Мойжес Л. Мы живём в мире киберпанка? [Электронный ресурс] / Л. Мойжес. – 2017. – URL : <https://www.mirf.ru/science/cyberpunk-uzhe-nastupil/> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(47) Доэрти П. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / П.Доэрти, Дж. Уилсон. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с. Текст: непосредственный.

(48) 全球人工智能发展白皮书. – 2019. – URL : <https://inlnk.ru/WXvNQ> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(49) Будущее наступает: Плюсы и опасности новых технологий // Тасс. – URL : https://tass.ru/spec/future_internet (дата обращения: 15.06.2021). Текст : электронный.

(50) Барроуз М. Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 году / М. Барроуз. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 352 с. Текст: непосредственный.

(51) Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 496 с. Текст: непосредственный.

(52) 马云. 首届世界教育论坛马云演讲全程: 尊重教育就是尊重未来 / 马云. – 2019. – URL: <https://www.ximalaya.com/jiaoyu/5290734/235175368> (дата обращения: 15.08.19). Текст : электронный.

(53) Скиннер К. ValueWeb. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета ценностей / К. Скиннер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 416 с. Текст: непосредственный.

(54) 谁将成为 2021 年“50 家聪明公司” ? 科技创新与商业头脑的碰撞与交锋. – 2021. – URL : <https://www.163.com/dy/article/G7IE57P90532PL1J.html> (дата обращения: 05.05.2021). Текст : электронный.

(55) Шаронов А. ФБР: Китай крадет американские технологии в сфере электромобилей / А. Шаронов // Дром. – 2020. – URL : <https://news.drom.ru/74194.html> (дата обращения: 05.08.2021). Текст : электронный.